

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

О ЧЁМ МЕЧТАЮТ РОССИЯНЕ (размышления социологов)

Аналитический доклад

*Подготовлен в сотрудничестве
с Представительством
Фонда имени Фридриха Эберта
в Российской Федерации*

Москва 2012

Оглавление

Предисловие	3
1. Мечты о себе и мечты об обществе	8
2. Российская мечта в контексте исторического самосознания россиян и западной идентичности	18
3. Идея справедливости в мечтаниях жителей России	30
4. О каком государственном устройстве мечтают россияне	42
5. Российская демократия в мечтах и в действительности.....	55
6. О какой работе мечтают россияне	67
7. В каких условиях живут и хотели бы жить граждане России.....	89
8. Личная и семейная жизнь в мечтах россиян.....	106
9. Досуговые практики и свободное время россиян в мечтах и в реальной жизни	121
10. Религиозность российских граждан и русская мечта.....	130
11. Осуществимы ли мечты россиян?.....	140
12. Состояние российского общества и исторические судьбы русской мечты	153
К заключению (общие выводы)	170

Предисловие

*«Это невозможно!» - сказала Причина.
«Это безрассудство!» - заметил Опыт.
«Это бесполезно!» - отрезала Гордость.
«Попробуй...» - шепнула Мечта.*

Мечта, как очевидно, не самое широко употребляемое слово в людском лексиконе, а мечтательность — не столь часто переживаемое состояние души человеческой. Тем интереснее и важнее разобраться в том, что понимается под «мечтой», когда и о чем наши сограждане предпочитают мечтать.

Чаще всего, в житейской, обыденной трактовке под «мечтой» понимается заветное желание, исполнение которого сулит счастье (Википедия). Но вряд ли стоило бы только исходя из данной трактовки «мечты» затрачивать немалые усилия для ее научного изучения. Суть дела в том, что мечта есть ни что иное, как особая форма воображения, мысленное создание образа желаемого, причем направленного в будущее. Но и это еще не все. Мечта — это положительно окрашенная мотивационная установка, это побудительная причина и необходимое условие преобразования действительности.

Как здесь не вспомнить К. Г. Паустовского, который писал: «если отнять у человека способность мечтать, то отпадает одна из самых мощных побудительных причин, рождающих культуру, искусство, науку и желание борьбы во имя прекрасного будущего».

Вот при таком понимании, при такой трактовке «мечты», ее целенаправленное изучение, и, прежде всего, социологическими методами, становится не только оправданным и интересным, но и просто необходимым. Действительно, можно ли без научного социологического анализа «мечты» выявить и описать образ желаемого будущего страны, желаемой модели российского общества? Думается, это вряд ли возможно. Вот почему Институт социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ в марте-апреле 2012 г. провел общероссийское социологическое исследование, определив его основную тему так: «Русская мечта: какая она и может ли осуществиться?»¹.

¹ При разработке программы исследования, анализе и интерпретации его результатов понятия «русской мечты» и «российской мечты» использовались как синонимы.

Цель исследования состояла в подготовке на основе репрезентативного общероссийского социологического исследования аналитического доклада, в котором должны быть определены особенности «русского социального проекта» как альтернативного предлагаемым в рамках других культурно-цивилизационных традиций образа желаемого будущего, степень гомогенности/гетерогенности представлений россиян о желаемом будущем для себя и для общества в целом, и вытекающие из особенностей этих представлений социально-политические, социально-экономические и социокультурные следствия.

Основные задачи исследования состояли в следующем:

- Определение базовых элементов «русской мечты» как образа желаемого будущего применительно к личному будущему;
- Определение базовых элементов «русской мечты» как образа желаемого будущего применительно к России и обществу в целом;
- Определение локализации этих элементов в различных возрастных, социально-профессиональных и политически ориентированных группах российского общества;
- Выявление факторов, влияющих на распространенность тех или иных элементов образа желаемого будущего, а также на реакцию недовольства/невозможности реализации своих мечтаний, прежде всего, с учетом социально-экономического положения россиян и особенностей их идентичностей;
- Оценка характера связи мечтаний россиян с периодами отечественной истории и ведущими историческими фигурами;
- Определение того, представляет ли «русская мечта» в настоящее время альтернативный предлагаемым в рамках западной цивилизации общественный проект, или она все больше приближается к тому образу будущего, который сложился как желаемый в обществах потребления и массовой культуры.

Методической основой исследования явился массовый опрос населения Российской Федерации по **репрезентативной общенациональной выборке**. При этом объем выборочной совокупности исследования составил 1750 респондентов, репрезентирующей взрослое население страны в возрасте 16-55 лет¹, в разбивке по следующим четырем возрастным когортам: 16-25 лет, 26-35 лет, 36-45 лет, 46-55 лет.

Репрезентативность социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени. Районирование осуществлялось по территориально-экономическим районам Российской Федерации - *первая ступень* выборки - в соответствии с принципами, разработанными и применяемыми Росстатом для контроля социально-экономических показателей развития страны.

¹ Эта возрастная группа населения составляет 60,8% от общей численности населения РФ. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2011, стр. 77.

Вторая ступень выборки включала выделение типичных субъектов РФ (всего 19), а также два мегаполиса в составе каждого территориально-экономического района. *Структура районирования* — два мегаполиса и 20 субъектов РФ, итого 22 объекта:

- *Мегаполисы:* Москва и Санкт-Петербург.
- *Территориально-экономические районы:*
 - Северный район — Архангельская область;
 - Северо-Западный район — Новгородская область;
 - Центральный район — Московская, Рязанская, Ярославская, Тульская области;
 - Волго-Вятский район — Нижегородская область;
 - Центрально-Черноземный район — Воронежская область;
 - Поволжский район — Республика Татарстан, Саратовская области;
 - Северо-Кавказский район — Ростовская область, Ставропольский край, Республика Северная Осетия;
 - Уральский район — Свердловская, Челябинская области;
 - Западно-Сибирский район — Кемеровская, Новосибирская области;
 - Восточно-Сибирский район — Красноярский край, Иркутская область;
 - Дальневосточный район — Хабаровский край.

Пропорции населения, в соответствии с которыми были рассчитаны квоты респондентов для опроса в территориально-экономических районах, отображены в таблице 1.

Третья ступень выборки: внутри субъектов РФ дальнейшее районирование заключалось в расчете статистических квот по степени урбанизированности, по 5-ти типам поселений: мегаполисы — 10,7%, административные центры субъектов РФ — 25,9%, административные центры районов — 30,9%, поселки городского типа (ПГТ) — 5,6%, села — 26,9%¹ (см. таблицы 1-2).

Таблица 1

**Доля населения РФ по территориально-экономическим районам
и типам поселений, %**

	Российская Федерация	Административные центры субъектов РФ	Районные центры	ПГТ	Села
г. Москва	7,4	-	-	-	-
г. Санкт-Петербург	3,3	-	-	-	-
Северный район	3,5	1,2	1,3	0,3	0,7
Северо-Западный район	2,7	0,5	1,3	0,2	0,7

¹ Расчеты произведены по данным источника: Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2011 года. Статистический бюллетень. Росстат, М: 2011, стр. 19.

Продолжение таблицы 1

	Российская Федерация	Административные центры субъектов РФ	Районные центры	ПГТ	Села
Центральный район	13,7	3,2	6,2	1,0	3,3
Волго-Вятский район	5,3	2,0	1,3	0,5	1,5
Центрально-Черноземный район	5,1	1,8	1,1	0,4	1,8
Поволжский район	11,3	4,2	3,5	0,6	3,0
Северо-Кавказский район	13,4	2,8	4,1	0,4	6,1
Уральский район	13,5	3,9	5,3	0,4	3,9
Западно-Сибирский район	10,3	3,0	3,8	0,6	2,9
Восточно-Сибирский район	5,9	1,8	1,8	0,6	1,7
Дальневосточный район	4,6	1,5	1,2	0,6	1,3
Итого	100,0	25,9	30,9	5,6	26,9

На *четвертой ступени* выборки, т. е. при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса по заданным квотам соблюдались квоты по социально-профессиональным признакам респондентов, а также возрастные пропорции по четырем возрастным когортам: 16-25 лет – 25,3%, 26-35 лет – 26,2%, 36-45 лет – 22,2%, 46-55 лет – 26,3%¹.

Таблица 2

Доля населения РФ по социально-профессиональным признакам

Социальные группы	Доля в составе населения РФ (%)	Численность респондентов
Рабочие промышленности, строительства, шахт – без высшего образования.	21,6	379
Инженеры промышленности, строительства, шахт – с высшим образованием.	4,2	73
Работники торговли, общественного питания, сферы услуг, транспорта, коммунальных служб – со средним (или менее), начальным и средним профессиональным образованием.	10,6	185
Работники финансовых, страховых компаний, торговли, сферы услуг, транспорта, коммунальных служб – с высшим образованием.	3,2	56

¹ Рассчитано по источнику: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. Статистический бюллетень. Росстат, М.: 2011, стр. 359-385.

Продолжение таблицы 2

Социальные группы	Доля в составе населения РФ (%)	Численность респондентов
Работники (служащие): вузов, школ, здравоохранения, управления (административного, политического), науки, искусства, средств массовой информации – с высшим образованием.	11,0	192
Работники (лаборанты, операторы, библиотекари, секретари, медсестры и др.): вузов, школ, здравоохранения, управления (административного, политического), науки, средств массовой информации – со средним или средним профессиональным образованием.	5,2	91
Военные, работники МВД, таможни, налоговых служб (с любым образованием).	4,7	83
Студенты вузов	8,2	143
Учащиеся 10-11 классов школ, ПТУ, техникумов (только в возрасте 16 лет и старше)	4,4	77
Жители сел, поселков	26,9	471
Итого	100,0	1750

Исследование и аналитический доклад выполнены рабочей группой в составе: академик РАН Горшков М. К. (руководитель исследования, концепция и инструментарий, предисловие, заключение, общая редакция), Тихонова Н. Е. (руководитель исследования, концепция и инструментарий, общая редакция, разделы 11, 12). Члены рабочей группы: Андреев А. Л. (раздел 2), Аникин В. А. (раздел 1), Бызов Л. Г. (раздел 4), Лежнина Ю. П. (разделы 8,9), Мареева С. В. (разделы 3,7,9), Мчедлова М. М. (раздел 10), Петухов В. В. (раздел 5), Бараш Р. Э. (раздел 5), Тюрина И. О. (раздел 6).

Научный консультант — глава представительства Фонда им. Ф. Эберта в РФ, доктор Крумм Р.

1. Мечты о себе и мечты об обществе

Пожалуй, первый вопрос, на который надо получить четкий ответ — насколько для наших граждан свойственна мечтательность и есть ли у них в жизни своя мечта? Результаты проведенного исследования позволяют с уверенностью утверждать — да, она есть! Лишь 5% россиян заявили о том, что они относятся к людям, для которых мечтания не характерны, и еще 8% указали на то, что раньше у них были жизненные мечты, но в настоящее время они живут без них.

Примечательно, что в разном возрасте стремление помечтать проявляется по-разному, и *в основном по свойственно молодому поколению*. Так, 27% респондентов прямо признаются, что мечтали в основном в годы молодости, детства и юношества. И хотя большая часть россиян (56%) отмечает, что мечтали в разные годы на протяжении всей своей сознательной жизни, продолжают мечтать и сегодня, практически две трети из них — также представители поколения до 35 лет (см. рис. 1.1).

Рис. 1.1 Возрастной состав респондентов в зависимости от их склонности к мечтаниям, %¹

¹ На рисунке выделены значения долей респондентов тех возрастов, которые формируют возрастной портрет той или иной склонности к мечтаниям.

Полученные данные показывают: к мечтательности в молодости представители старших возрастов были склонны в большей степени, чем сегодняшняя российская молодежь, а многие из них не готовы расставаться со своей мечтой и в нынешнем возрасте. Из рис. 1.1 видно, что большая доля опрошенных, которым без мечты жить не интересно и которые уверены, что надо мечтать всегда — это россияне, которые старше 35 лет (на 29% — в возрасте 36-45 лет и на 32% — 46-55 лет). Это означает следующее: *несмотря на то, что мечтательность в современной России по-прежнему является уделом скорее молодежи, склонность к мечтаниям среди россиян по мере смены поколений утрачивает характер нормы.*

Как и любая норма, жизненный девиз «надо мечтать» имеет свою групповую локализацию. Как видно из таблицы 1.1, высокий социально-экономический статус¹ повышает вероятность того, что у человека есть мечта, в то время как бедность и нужда данную вероятность снижают — хотя и не значительно. Наряду с этим, также влияет на наличие у человека жизненной мечты — пол, профессиональный статус, уже упоминавшейся выше возраст и ряд других факторов.

Таблица 1.1

Доли респондентов из разных социальных групп в составе имеющих или не имеющих мечту, %

Наличие / отсутствие мечты	Группы			
	Страты 1-3	Страты 4-5	Страты 6-8	Страты 9-10
Есть мечта	5	48	34	13
Нет мечты	12	63	18	7
Доля соответствующих страт в целом по массиву	6	49	32	13
	16-25 лет	26-35 лет	36-45 лет	46-55 лет
Есть мечта	29	26	24	21
Нет мечты	11	14	33	42
Доля соответствующих возрастных когорт в целом по массиву	28	25	24	23
	Пол			
	Мужской		Женский	
Есть мечта	43		57	
Нет мечты	64		36	
Доля соответствующих гендерных групп в целом по массиву	45		55	
	Профессиональные группы*			
	1	2	3	4
Есть мечта	12	38	15	35
Нет мечты	9	25	13	53
Доля соответствующих профессиональных групп среди всех занятых	12	37	14	37

* Группы, обозначенные цифрами 1-4, включают в себя представителей следующих профессиональных статусов: 1 – предприниматели с наемными работниками, самозанятые и руководители всех уровней; 2 – «белые воротнички» – специалисты, помощники специалистов, конторские служащие; 3 – рядовые работники торговли или сферы бытовых услуг; 4 – рабочие, занятые физическим трудом. Данные приводятся по занятому населению.

¹ В рамках исследования были выделены 10 страт, различающихся уровнем своего благосостояния (подробнее см. раздел 7): 1-ая страта – самый низкий уровень, 10-ая страта – самый высокий.

В то же время социальный портрет тех россиян, которые живут без мечты, куда более четкий и определенный. Три четверти из них — это бедные и малообеспеченные россияне (12% — выходцы из 1-3 страт, 63% — 4-5 страт), а каждый второй в их числе занят физическим трудом (53% — представители 4-й профессиональной группы, см. таблицу 1.1). Видимо, ключевой причиной жизни без мечты выступают крайне ограниченные возможности реализации своих стремлений почти во всех жизненных сферах (см. рис. 1.2). При этом стоит отметить, что у людей, не имеющих мечты, вообще реже встречаются практически любые жизненные цели и они чаще других просто «плывут по течению».

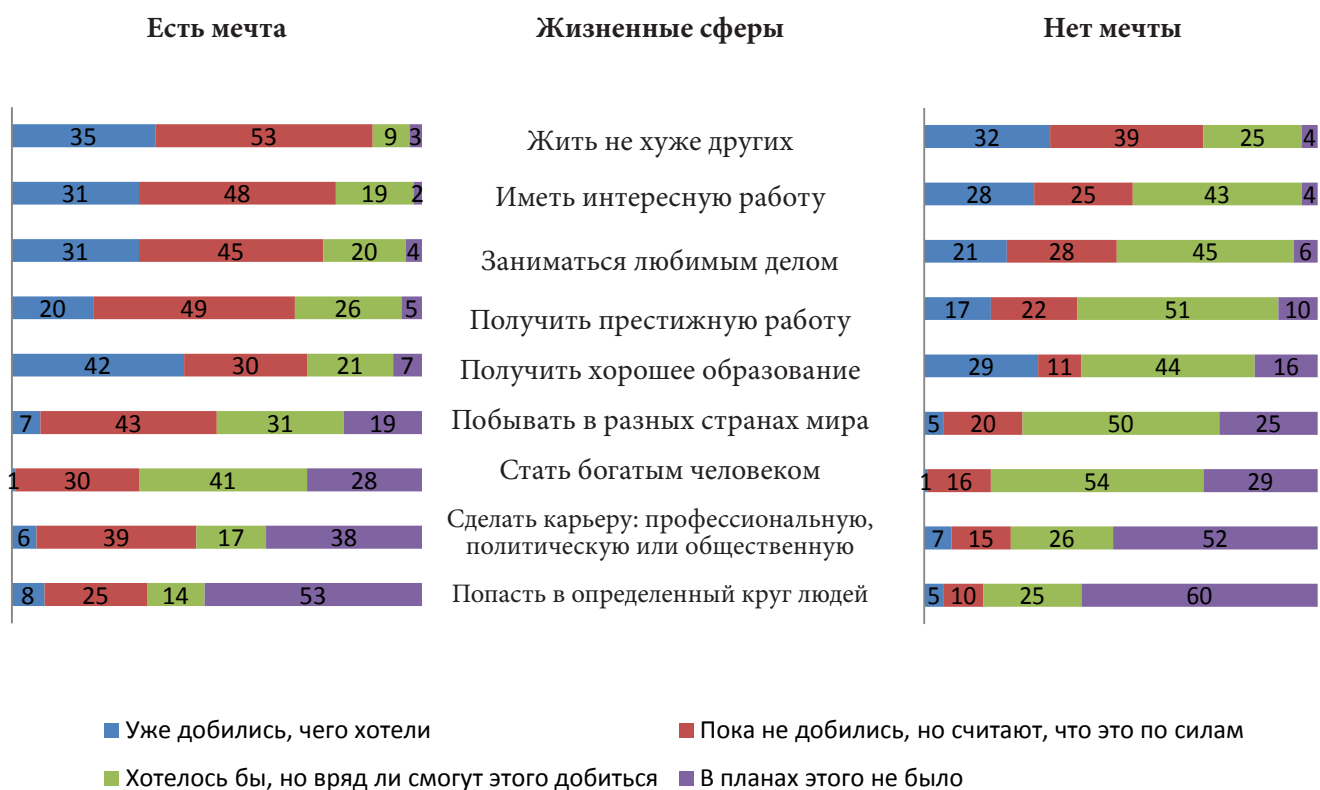

Рис. 1.2. Доли респондентов, различающихся степенью успешности в реализации своих жизненных целей, в зависимости от наличия или отсутствия мечты, %

Из рис. 1.2 видно, что среди россиян, у которых нет мечты, все же встречаются успешные люди, реализовавшие свои цели в различных жизненных сферах. Тем не менее, процент людей, которые хотят достичь поставленных целей, но понимают, что уже не смогут этого сделать, заметно выше среди россиян, у которых нет мечты, причем, превышает общие показатели по массиву опрошенных в среднем в два раза. При этом, чем больше ресурсов требует цель и чем дальше она от реальных насущных потребностей человека, тем меньше вероятность того, что она будет выбираться в качестве жизненного ориентира этой группы россиян и тем чаще будет ощущаться ее недостижимость. Особенно велики эти перепады в отношении таких целей как успешная карьера, престижная и интересная работа, возможность заниматься любимым делом.

Таким образом, *отсутствие мечты у человека — яркий признак того, что ему просто «не до мечтаний».* Это означает, что в современном российском обществе сложилась такая ситуация, когда почти у десятой части населения не хватает

сил и энергии даже на мечтательность, не говоря уже о конкретных действиях по изменению своей ситуации к лучшему. Можно сказать, что таким людям, с одной стороны, нечего терять, а с другой — не за что бороться, ибо борьба эта, как правило, заведомо бесперспективна. Не случайно среди них фактически каждый второй убежден в том, что нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней.

Такова общая картина с наличием или отсутствием у россиян жизненной мечты. Однако при более детальном анализе в этой картине открываются новые грани, связанные с многообразием трактовки самого понятия «мечта» и чуткости респондентов к способам ее измерения. В итоге уникальность слова «мечта» ставит дополнительные барьеры не только для международных сопоставлений в силу отсутствия адекватных аналогов данного слова во многих языках, например, в английском, но и при статистических выявлениях специфики русской мечты разными способами.

Первый способ — предложить респонденту ограниченный набор альтернатив, из которых он может выбрать определенное число позиций, характеризующих его мечтания. Второй способ — дать человеку возможность самому сформулировать: о чем он мечтает. И тот, и другой способ использовался в проведенном исследовании. Распределение ответов, полученных первым способом, представлено на рис. 1.3.

Рис. 1.3. О чем мечтают россияне, % (допускалось до трех вариантов ответа, отранжировано по доле имеющих соответствующую мечту)

Как видно, самая популярная мечта россиян — **жить в достатке**, иметь возможность тратить деньги, «не считая копейки» (40%). Мечта **о хорошем здоровье** также входит в число наиболее популярных чаяний россиян. Эти две мечты просты и понятны каждому, их притягательность закономерна, особенно в условиях широкого распространения малообеспеченности в современной России. Этого, однако, нельзя сказать о третьей популярной в России мечте — **«жить в более справедливом и разумно устроенном обществе»** (33%). Какой бы ни была мотивация человека при выборе подобного ответа на вопрос о его мечтаниях, он вполне сознательно использовал одну из трех возможностей выбора именно данной мечты, которая от его личной жизни, казалось бы, далека. Причины этого будут рассмотрены в других разделах доклада.

Далее по популярности следуют мечты, которые условно можно объединить в рамках распространенной в нашем обществе ценностной триады — «построить дом, посадить дерево, вырастить сына». Как видно из рис. 1.3., речь идет о желании воспитать хороших детей (23%), иметь хорошую семью (17%) и собственный дом (21%), реализовать себя (18%) и открыть собственное дело (15%). При этом мечты о хорошем образовании и хорошей работе распространены уже меньше и занимают умы лишь 10-ой-12-ой части населения страны (12% и 7% соответственно).

Еще менее популярно сегодня мечтать о чем-то «романтическом» — встретить настоящую любовь (6%), стать знаменитым (4%) или просто красивым человеком (1%). Видимо, наши сограждане решают проблемы простого выживания, и им пока не до своего отражения в зеркале. Другими словами, *практически полное отсутствие в массовом сознании идеалов романтизма свидетельствует о том, что подобное явление в современной России относится к категории «элитарных» ценностей, характерных скорее для высших слоев общества*. Так, среди мечтающих встретить настоящую любовь или стать известным человеком доля представителей верхних двух страт составляет 22% и 28% соответственно, что вдвое превышает их относительную численность по стране.

Непопулярны в качестве мечты и другие стремления, которые демонстрируют россияне в различных опросах, в том числе проводимых Институтом социологии РАН. Так, например, в обществе активно обсуждается тема эмиграции наиболее квалифицированной части среднего класса за рубеж на постоянное место жительства, что может негативно сказаться на развитии российской экономики. Однако проведенное исследование показывает, что эмиграция для россиян крайне непопулярное желание, которое разделяют не более 2% населения страны. И все же здесь есть повод для беспокойства, так как показатель эмиграции квалифицированной рабочей силы из России в страны ОЭСР составляет ныне 270 тыс. человек в год¹ (0,2% населения). Другими словами, у данной негативной тенденции есть потенциал расширения по меньшей мере в 10 раз, который, в случае его реализации, действительно будет чувствителен для страны, так как затронет уже около 2,5 млн. граждан экономически активных возрастов.

Следующий важный вопрос состоит в том, *мечтают ли россияне о «высоком»*, то есть насколько жизненные идеалы укоренены в нашем обществе и какие социальные группы являются их выразителями. Подобный вопрос особенно актуален в связи с произошедшими за последние двадцать лет сдвигами в морально-нравственном облике наших сограждан. События и процессы пост-

¹ Статистика по миграции в страны ОЭСР приведена по изданию: Docquier F., Lowell B., Marfouk A. A Gendered Assessment of The Brain Drain // Policy Research Working Paper 4613. The World Bank. May 2008.

советского времени обострили многие этические проблемы, включая ставший традиционным для России спор между сторонниками эгоистических жизненных установок и ревнителями коллективистских ценностей. Проведенное исследование показало актуальность и масштаб деления россиян по данному признаку, по крайней мере — на уровне мировоззрения. Так, 52% россиян **желают быть полезными государству и обществу**, в то время как 48% **хотят жить так, как им хочется**, т. е. российское общество делится по готовности разделять выделенную норму (что, разумеется, не означает прямого следования им) практически пополам. Это важно подчеркнуть, т. к. в подобном случае речь идет не просто о двух противоположных социокультурных нормах, но и вытекающих из них разных типов мировоззрения. При этом различия между их сторонниками не обусловлены ни разным уровнем жизни, ни различиями, связанными с принадлежностью к базовым социально-демографическим группам (молодежи, неработающим гражданам, мужской/женской части населения и проч.). Частично принятие той или иной из этих норм связано с профессиональной позицией, и то лишь, когда речь идет о крайних полюсах профессиональной структуры.

Так, рабочих, особенно средней квалификации (3-4 разряда), чаще обычного можно встретить среди россиян, желающих жить, как им хочется. Это коррелируется с тем, что социальный портрет россиян, отдающих предпочтение данной ценности, на 70% формируют люди с образованием не выше среднего специального, и 22% их составляют те, кто никогда не пользуется персональным компьютером. Кроме того, среди россиян, желающих жить, как им хочется, (для краткости их можно назвать «**социальными анархистами**»), люди с низкими доходами встречаются чаще, чем в целом по массиву (50% из них имеют доходы меньше медианы доходов населения того населенного пункта, где проживает респондент¹). Среди них значительно чаще встречаются граждане, которые перестали мечтать в последние годы — каждый десятый из них отмечает, что ранее проявлял мечтательность, но сегодня живет без всякой мечты. Такая апатия, вызванная сложными жизненными условиями, сочетается в этой группе с повышенной долей прагматиков и именно «социальные анархисты» составляют 29% тех, кто не видит в мечте никакого практического смысла.

Что же касается сторонников коллективистских ценностей, которых условно можно назвать «социальными альтруистами», то в их среде этот показатель значительно (в несколько раз) ниже. Отличают их и другие особенности. Так, доля занятых нефизическим трудом в их составе достигает 42% (при 29% по массиву в целом). Основу данной группы формируют специалисты, работающие на должностях, предполагающих наличие высшего образования. Именно данная категория граждан чаще других может «позволить себе мечтать», причем и на словах (в качестве нормы), и «на деле» (в собственной жизни). Например, 80% из их числа считают, что без мечты не интересно жить и надо мечтать, даже если воплотить мечту маловероятно (при 71% у «социальных анархистов»). Кроме того, 94% таковых говорят, что у них есть мечта (при 87% у «социальных анархистов»), а 61% признаются, что мечтали в разные годы на протяжении всей своей сознательной жизни, мечтают и сегодня (при 52% у «социальных анархистов»).

¹ Медиана доходов была выделена для каждого типа поселения в отдельности, что позволяет частично учесть различия в стоимости жизни в зависимости от места жительства. Группа с доходами менее медианы доходов характерных для данного населенного пункта, составила 46,7% от всего массива респондентов, от 1 до 1,5 медиан — 28,2%, от 1,5 до 2 медиан — 14,8% и свыше двух медиан доходов — 10,3% респондентов.

Ценность социального альтруизма чаще находит отклик в сердцах представителей не только относительно более успешных слоев населения (материальное положение за последние три года улучшилось у 44% из них, а 39% оценивают свое социальное положение как более высокое, чем то, которое занимали их родители в том же возрасте), но и больше тяготеющих к ценностям православной культуры. Не случайно среди них чаще можно встретить тех, кто считает символом народной мечты Владимира Красное Солнышко (11%) и святых подвижников (Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Матроны Московской и др. – 17%).

Очень важно подчеркнуть также, что по своему социокультурному типу «социальные альтруисты» представляют собой квинтэссенцию традиционной и все еще доминирующей в российском обществе ценностной модели. Не случайно все ценностные установки, которые разделяются большинством населения, в их составе встречаются чаще, чем в среднем по массиву (см. рис. 1.4).

Рис. 1.4. Доли «социальных альтруистов» и «социальных анархистов», разделяющих различные ценностные установки, %

Как видно из данных рис. 1.4, «социальные альтруисты» чаще, чем в целом россияне, одобряют конкуренцию (79% при 74% у «социальных анархистов»), считая, что она заставляет людей напряженно трудиться и побуждает выдвигать новые идеи. Чаще уверены они в том, что за свои интересы и права необходимо активно бороться (66% при 57% у «социальных анархистов») или готовы тратить значительную часть жизни только на интересную работу (71% при 44% у «социальных анархистов»). Они больше ценят равенство возможностей, считая, что для проявления способностей каждого человека это важнее, чем равенство доходов

и условий жизни (63% при 55% у «социальных анархистов») и убеждены, что свобода наполняет жизнь смыслом (74%, при 59% у «социальных анархистов»). При этом 66% из них выступают за общество социального равенства (понимаемого как общества равных возможностей), в то время как среди «социальных анархистов» эту ценность поддерживают 59%. Другими словами, «социальных альтруистов» отличает более активная жизненная позиция, которая обычно сочетается у них с ценностями солидарности и равенства шансов для всех.

Кроме того, гражданская позиция «социальных альтруистов» предполагает наличие сильного государства, активно присутствующего в экономике и социальной сфере, что также согласуется с позицией общественного большинства. Так, 92% из них уверены, что природные богатства страны должны принадлежать народу или государству как его представителю (при 83% у «социальных анархистов»), а 76% выступают за необходимость укрепления роли государства во всех сферах жизни, национализацию крупнейших предприятий и стратегически важных отраслей (при 66% у «социальных анархистов»). При этом 71% из их состава считает, что Россия должна быть великой державой, с сильной армией и влиять на все политические процессы в мире (при 61% у «социальных анархистов»).

Фактически, именно ценности «социальных альтруистов» и формируют портрет национального проекта развития — той модели общества, к которой тяготеют россияне и которая, с учетом специфики комбинации в нем его составных частей, является сугубо российским цивилизационным проектом. При этом *этика справедливости и служения не только не противоречит в данной группе рациональным достигательным ценностям, но и дополняет их*. Так, доля россиян, которые убеждены, что их собственная мечта полнее и ярче всего воплотилась в сказке «Золушка» (т. е. мечта о том, что добродетель и трудолюбие рано или поздно будут вознаграждены), достигает в составе «социальных альтруистов» 43% (при 36% в случае с «социальными анархистами»).

Следует обратить особое внимание на тот факт, что «социальных анархистов» отличает неготовность к принятию любого общественного порядка, а не простое нежелание «служить обществу», что и подтверждает справедливость присвоенного им условного наименования. Примечательно, что представители данной группы отличаются скепсисом в отношении известных деятелей прошлого, которые олицетворяют собой определенный общественный порядок, каким бы он ни был. Так, каждый третий из них считает, что никто из деятелей как прошлого, так и настоящего, не является символом мечты русского народа, а среди тех, кто находит такового, чаще, чем в целом по массиву, отдает предпочтение такому историческому персонажу как Степан Разин.

Кроме того, 38% респондентов в составе «социальных анархистов» указывают на то, что ни один из исторических периодов развития России не соответствует их идеалам. А если они и выбирают какой-то один из них, то чаще всего это демократические реформы 1990-х годов — период, характеризовавшийся хаосом и высокой нестабильностью. В данном отношении вполне закономерным выглядит электоральное поведение «социальных анархистов» — из них на президентских выборах 4 марта 2012 г. 4% голосующих вычеркнули всех кандидатов, 8% отдали голос за В.Жириновского, а 26% вообще не приняли участие в выборах.

В отличие от «социальных анархистов», «социальные альтруисты» в гораздо большей степени составляют электоральную основу и социальную базу поддержки победившего президента. И это не случайно: подавляющее большинство из их состава (80%) считают, что при всех своих недостатках нынешняя власть все-таки

заслуживает поддержки, а почти 40% уверены, что единственный период в истории России, который в наибольшей степени соответствует их представлениям о том, какой она должна быть, — это современный период, «путинская» эпоха.

В то же время, идеализировать «социальных альтруистов» не стоит. Лишь каждый третий из них одобряет норму, согласно которой жить стоит только ради какой-то большой общей цели, которая бы объединила всех россиян, а не ради собственных интересов и интересов своей семьи. Это свидетельствует об ограниченности пределов альтруизма даже в данной группе, ведь как только подобная мечта начинает «чего-то стоить» самому человеку, число «социальных альтруистов» сокращается ровно в два раза. Однако доля готовых на жизнь ради высокой цели среди них все же намного выше, чем среди «социальных анархистов» (см. рис. 1.5).

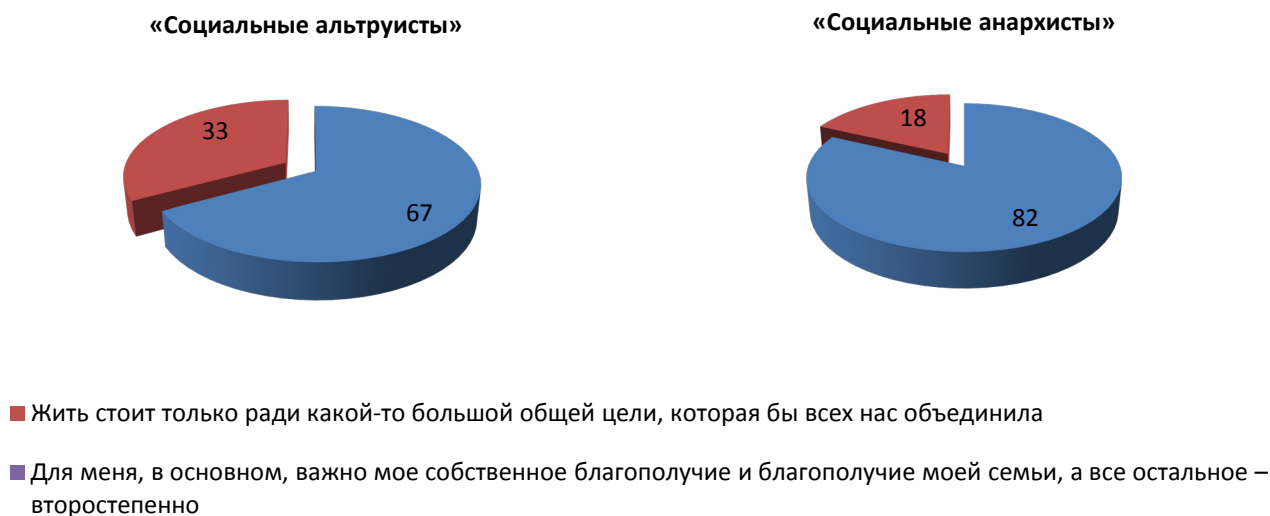

Рис. 1.5. Доли «социальных альтруистов» и «социальных анархистов», стремящихся жить ради какой-то общей цели либо только ради собственного и семейного благополучия, % (выбор в альтернативной паре суждений)

Отражаются эти установки и в мечтаниях россиян в целом. Подавляющее большинство из них мечтают скорее о том, чтобы что-то получать, чем что-то отдавать. Так, всего 11% населения России в число трех основных своих мечтаний включили желание оказаться полезным обществу, внести свою лепту в развитие страны. *Фактически идеалы служения и прочие «высокие мечты» не относятся сегодня в сознании наших сограждан к числу ведущих, хотя и 11% тех, кто предпочел их даже собственному благополучию и счастью близких — по нынешним временам довольно высокий показатель.*

Тем не менее, по мере перехода от абстрактных норм и ценностей к интересам, которые выражаются в мечтах, и далее — к конкретным потребностям, которые выступают предметом текущего запроса, стремление к «высокому» для россиян постепенно деактуализируется. Это получило яркое отражение в открытом вопросе о том, с какими просьбами они обратились бы к выловленной «золотой рыбке», где не было вариантов ответов, «подсказанных» социологами. Так, состав запросов россиян свелся в основном к желаниям, выраженным в терминах микрокосма человека, то есть связанным с ним лично или с его семьей, близкими людьми (см. ниже рис. 1.6).

Интересно при этом, что мечта о служении государству и обществу в сознании россиян, ее разделяющих, не связана положительно практически ни с какой мечтой, относящейся к микрокосму человека, наоборот — она «работает»

скорее на сокращение вероятности встретить у этих людей определенные мечты, относящиеся к их личной жизни. Так, мечта о том, чтобы послужить государству и обществу, в 73% случаев исключает стремление к личному обогащению, в 80% — мечту о хорошем здоровье, в 96% — желание устроиться на хорошую работу, в 98% — мечты о том, чтобы встретить настоящую любовь.

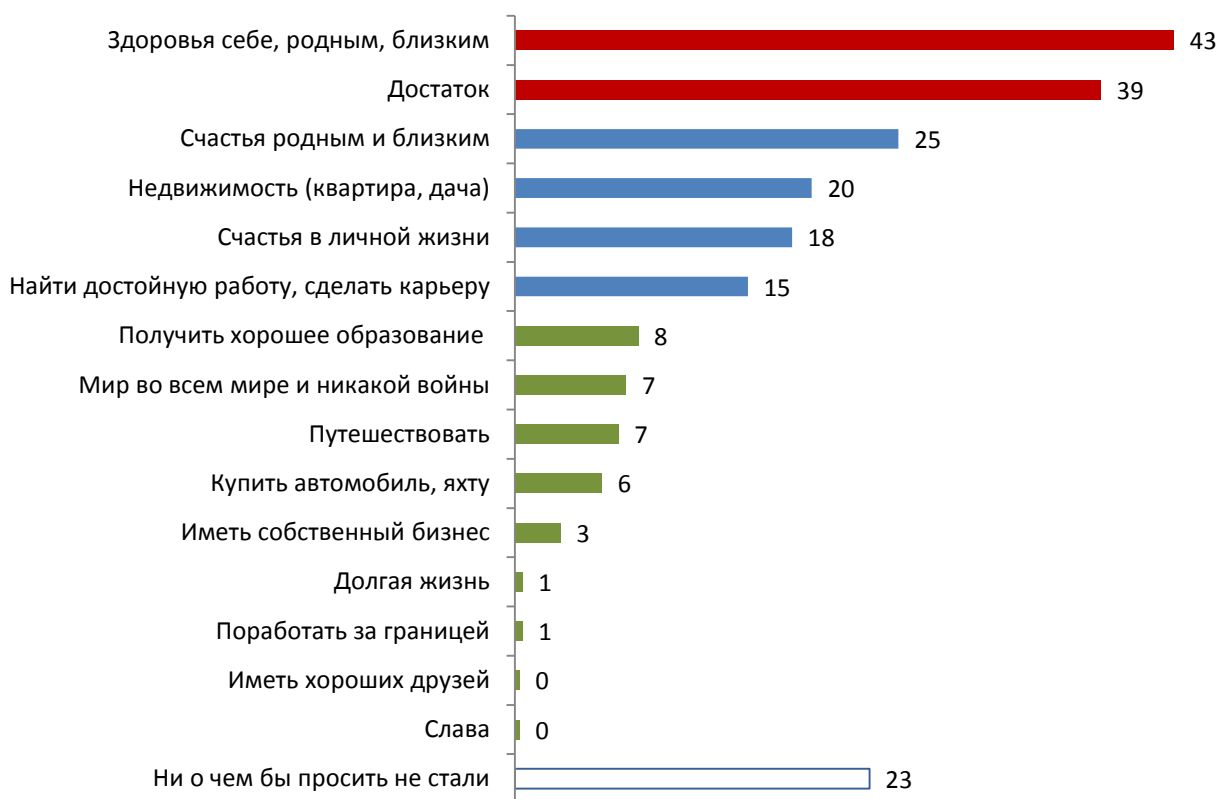

Рис. 1.6. О чем бы россияне попросили «золотую рыбку», %¹ (допускалось до трех вариантов ответа, отранжировано по доле назвавших соответствующее желание)

¹ Агрегированные данные по открытому вопросу, точная формулировка которого выглядела следующим образом: «А теперь представьте себе, что Вы поймали «золотую рыбку», и она готова выполнить три Ваших желания. Напишите, пожалуйста, о выполнении каких желаний Вы бы ее попросили».

2. Российская мечта в контексте исторического самосознания россиян и западной идентичности

Как показывает жизненная практика, возникновение мечты не является процессом, абсолютно спонтанным, не подвластным никаким закономерностям. Не случайно та или иная мечта имеет определенную групповую локализацию. Это означает, что в данном процессе есть довольно отчетливо прослеживаемая логика, которую можно описать в категориях вызова и ответа. Однако то, как это происходит, зависит не только от самой действительности или объективных характеристик конкретного человека, но и от многих субъективных по своей природе факторов — от национального менталитета, включая характерные для него архетипы, от психологических и социокультурных характеристик отдельного индивида и т. д. В зависимости от этого в одной и той же ситуации разных людей могут привлекать разные, иногда даже прямо противоположные друг другу, жизненные перспективы. Соответственно, и мечтают люди о разном.

В силу того, что коллективные архетипы и мечтания наиболее выразительно представлены в фольклоре, в программу проведенного исследования был включен анализ отношения россиян к некоторым широко известным сказочным и песенным образам. Предложив респондентам список из нескольких таких образов, их попросили указать среди них те, которые, с их точки зрения, полнее всего воплотили в себе «русскую мечту».

На первом месте по результатам опроса оказался классический архетип *Золушки*: в нем образ русской мечты увидели без малого 40% опрошенных. Похоже, сентиментальная сказка о том, что трудолюбие и добродетель рано или поздно будут вознаграждены, согревает душу россиян не меньше, чем западного обывателя жизненные примеры принцессы Дианы и Кейт Миддлтон. Но надо учитывать, что мечта в «Золушкином» обрамлении имеет ярко выраженный гендерный «перекос»: она увлекает до 60% женщин и лишь 16% мужчин. Представителям сильного пола оказалась ближе следующая за «Золушкой» по уровню популярности сказка *«По щучьему велению»*. Нашим согражданам она хорошо известна с самого детства — но не в аутентично народных ее вариантах, а в обработке А.Н. Толстого, в которой смысловой акцент сделан на мотиве случайного везения, никак не обусловленного усилиями и заслугами главного героя — «дурака» Емели. В такой сказочной ситуации «свалившейся с неба» удачи усматривает русскую мечту в общей сложности примерно четверть опрошенных

(28% мужчин и 19% женщин). Приблизительно пятая часть участников опроса (чаще мужчины) связывает «русскую мечту» с представлением о грозной, но справедливой силе, защищающей слабых (образы сказочных *русских богатырей*). Присутствует в суждениях наших респондентов и мотив ничем не ограничиваемого материального изобилия в архаически крестьянской его интерпретации — «*молочные реки, кисельные берега*». Но отношение к нему более сдержанное: данный образ ассоциируется с национальной мечтой россиян только у каждого шестого респондента.

С учетом приведенного перечня сказок распределение ответов на данный вопрос было вполне ожидаемым. Все остальное, однако, оказалось не столь очевидным и предсказуемым. Это касается, в частности, уральских сказов «*Каменный цветок*» и «*Малахитовая шкатулка*», в которых речь идет о стремлении постигнуть вершины мастерства и красоты, за что главному герою приходится заплатить личным счастьем, свободой и, наконец, заложить свою душу. По своему философскому смыслу это наиболее сложное произведение, в каком-то смысле — специфически русская вариация фаустовской темы. Но, несмотря на его трагическую тональность и отсутствие счастливого конца, роль сказочного героя в воплощении «русской мечты» оценивается респондентами почти на том же уровне, что и героя в сказке «По щучьему веленью». А вот образ «*хорошего царя*», который многие социологи, историки и философы считают одной из определяющих черт русского менталитета, в представлениях наших респондентов о народных стремлениях и идеалах встречается значительно реже. И хотя, как еще будет отмечено ниже, Петр I остается для россиян одним из главных исторических символов, сказки, где он выступает в качестве мудрого, деятельного и справедливого правителя, соотнесла с «русской мечтой» только десятая часть опрошенных. Еще меньшее значение наши сограждане склонны придавать в этом плане образу торжествующего над своим хозяином смышленного работника («*Сказка о попе и его работнике Балде*»), а также романтике необузданной вольницы (*песни о Стеньке Разине*): около 9% и 7% ответов соответственно.

Для понимания характера связи «русской мечты» с образами отечественной истории необходимо учесть одно важное обстоятельство: русское самосознание на протяжении пяти столетий сохраняло отчетливо выраженный мессианский характер. Поэтому *на роль общенациональной доминанты обычно выдвигались лишь такие мечты и устремления, которые направляли Россию и населяющие ее народы на решение неких мировых проблем. Эта черта национального самосознания в значительной мере сохраняется и сегодня.* Во всяком случае, проведенное исследование дает основания утверждать, что более половины россиян в возрасте до 55 лет убеждены в том, что все события отечественной истории происходили «не просто так», и их следует рассматривать как служение России всему человечеству. Причем подобная пропорция 50 на 50 с минимальными отклонениями (не более 1-2%) воспроизводится во всех основных социально-демографических группах. И если 2/3 россиян, как показало исследование, мечтают видеть свою страну великой державой, обладающей достаточной мощью, чтобы влиять на все важные процессы в мире, то вовсе не из желания кого-то подчинить и завоевать, а из стремления уравновесить те тенденции мировой политики, которые они считают негативными, разрушительными и несправедливыми.

Вместе с тем, полученные данные показали, что *россияне отнюдь не склонны искать свои идеалы в прошлом.* Так, дореволюционная Российская империя кажется воплощением «русской мечты» лишь каждому девятому из опрошенных,

а революционная Россия первых послеоктябрьских лет — только каждому двадцатому. Судя по полученным результатам, постепенно ослабевает эмоциональная связь россиян с эпохой Л. И. Брежнева, еще недавно сравнительно сильная. Сегодня признать эту эпоху воплощением «русской мечты» согласились только 14% опрошенных. Обращает на себя внимание кардинальный сдвиг в балансе оценок прошлого и настоящего. Так, в 2000 г. только 6% россиян считали, что самая хорошая жизнь началась в условиях рыночной экономики, а в 2012 г. уже почти треть респондентов присоединились к мнению о том, что «русская мечта» наиболее полно воплотилась в современный период истории России — в «эпоху Путина». При этом столько же респондентов — 31% — вообще не считают какой-то конкретный отрезок истории как время реального воплощения «русской мечты». Но все же на стороне «эпохи Путина» — самый большой сегмент выборки. Если 10-15 лет назад россияне в 3 раза чаще отдавали предпочтение «золотой осени» советской власти, чем рынку и демократии образца 1990-х годов, то в настоящее время они уже в 2,5 раза чаще выбирают современность. Что же касается «перестройки» и 1990-х годов, то отношение к ним по-прежнему остается резко негативным — в них видят воплощение национальной мечты не более 3-4% опрошенных (см. рис. 2.1).

Рис. 2.1. Какой период в истории России в наибольшей степени соответствует идеалам россиян, их представлениям о том, какой должна быть Россия, %

Как показывают данные проведенного исследования, самым любимым историческим героем россиян по-прежнему является Петр I. Среди них более трети считают, в частности, что он наиболее полно и последовательно воплотил в себе «русскую мечту». Именно Петр I с большим отрывом опережает всех остальных деятелей российской истории. Так, в рейтинге российских правителей следующей по популярности фигурой является Екатерина II, но и она вызывает восхищение россиян в 2,5 раза реже, чем ее великий предшественник. *Советские же лидеры в этом контексте вообще не идут ни в какое сравнение.* Это относится и к таким политическим фигурам как В. Ленин и И. Сталин. Последний, как известно, и не без успеха подражал Петру I (он также способствовал возвращению царя-преобразователя в пантеон национальных героев, что до середины 1930-х годов было для большевиков абсолютно неприемлемым).

Номенклатурные выдвиженцы — Н. Хрущев, Л. Брежнев, М. Горбачев, а, в конечном итоге, и Б. Ельцин, не снискали в народе ни большой любви, ни большого уважения. И хотя в политической публицистике не раз предпринимались попытки представить «оттепель» и «перестройку» временем воплощения сокровенных народных чаяний и надежд, однако, и Н. Хрущев, и М. Горбачев являются кумирами лишь для 2% наших сограждан (Л. Брежнев — для 4%).

На этом фоне результаты современных российских политиков смотрятся весьма достойно — свыше 14%. При этом, однако, надо учесть, что приблизительно 9% из этих 14% следует отнести на счет всего одного человека — В. Путина. Интересно отметить, что в электорате В. Путина более четверти связывает «русскую мечту» именно с действующими, современными политиками. А вот среди причисливших себя к электорату г. Зюганова, В. Жириновского, М. Прохорова или С. Миронова эту точку зрения поддерживает только один из 11-12 респондентов. Подавляющее же большинство наших сограждан не видит связи между современной политикой и национальной мечтой. Надо полагать, выражая такую позицию, они имеют в виду тех политических деятелей, за которых голосовали на президентских выборах 4 марта 2012 г.

Полученные в ходе исследования данные указывают на то, что *«русская мечта» имеет не только материальное, но и духовное — религиозное — измерение.* Это выражается, в частности, в довольно высокой оценке деятельности православных подвижников и святых — Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Матроны Московской и др. Их назвали символом народной мечты свыше 14% респондентов. В рамках проведенного опроса это второй результат — меньше, чем у Петра I, но больше, чем у такой популярной правительницы, как Екатерина II. В то же время, деятели всех направлений, которые пытались выступить выразителями народных стремлений помимо, и тем более вопреки государству и церкви, массовым сознанием совершенно отторгаются. Основательность их претензий на выражение народной мечты признают всего лишь от 1% (для русских националистов) до 2,5% опрошенных (для диссидентов советской эпохи, включая А. Сахарова). Впрочем, примерно четверть населения страны вообще не видит для себя кумиров в прошлом и считает, что в качестве символа и выразителя народной мечты не может рассматриваться ни один из деятелей прошлого и настоящего (см. ниже рис. 2.2).

В целом симпатии и антипатии к деятелям прошлого и по статусным группам, и по возрастным когортам, и по типам поселений распределены достаточно ровно, что говорит о сравнительной гомогенности исторического сознания россиян. При этом не слишком сильно варьируются соответствующие

показатели и в зависимости от политических взглядов. Единственное исключение — В. Ленин: голосовавшие на президентских выборах за г. Зюганова называли его символом «русской мечты» почти в 2,5 раза чаще, чем в среднем по выборке. Однако и среди коммунистического электората Петр I значительно популярнее вождя пролетарской революции (36% против 24%).

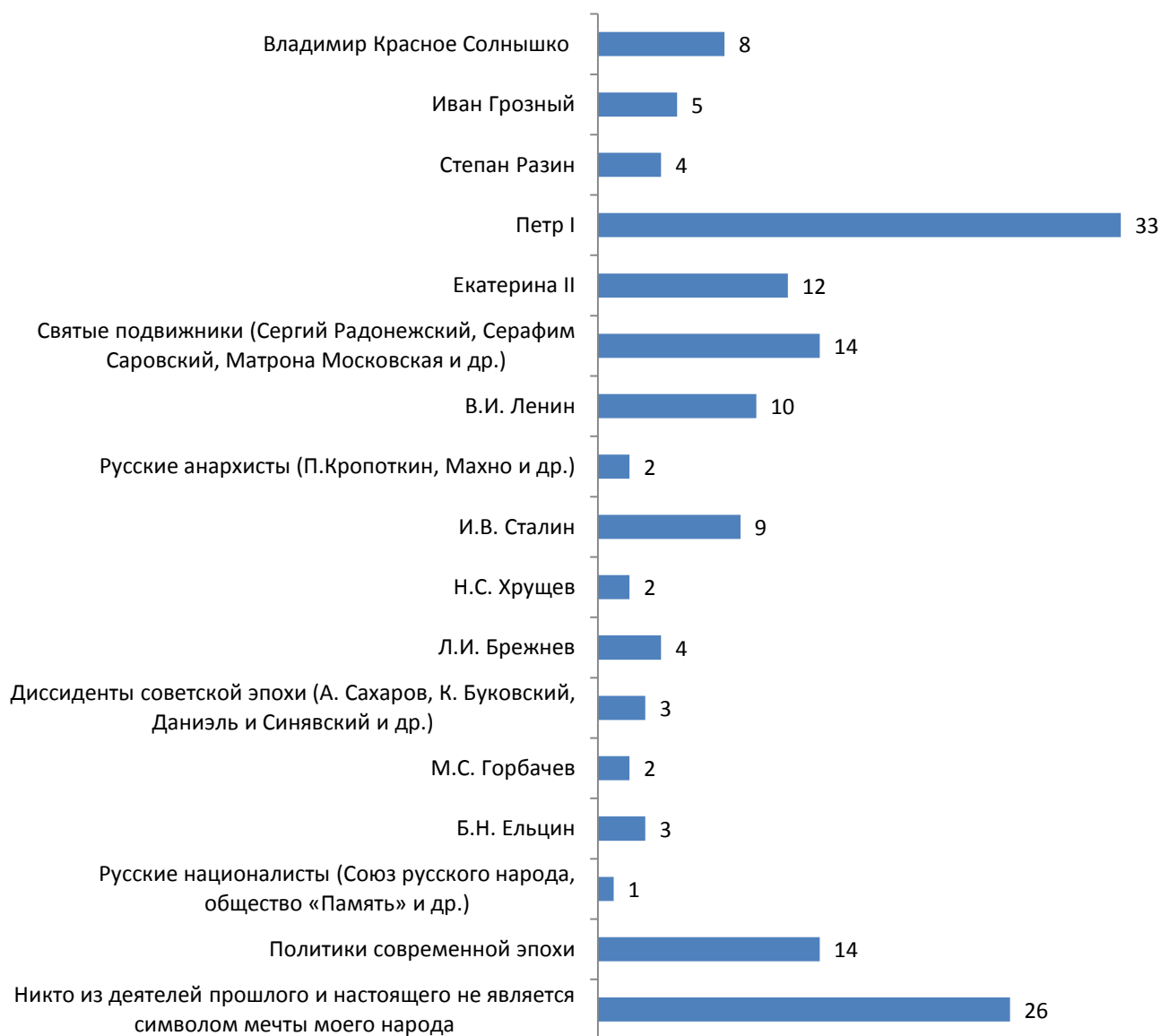

Рис. 2.2. Кто из деятелей прошлого и настоящего, с точки зрения россиян, более всего способствовал (или способствует) осуществлению массовых народных чаяний, был или является символом народной мечты, %¹

Национальную мечту никоим образом не следует рассматривать как некую заданную на все времена социально-психологическую константу. По мере изменения условий жизни одна мечта постепенно замещается другой, подобно тому, как это происходит у конкретных людей с их личными стремлениями и упованиями. При этом обычно наблюдается сложная интерференция идей и идеалов, в ходе которой складываются новые смысловые доминанты и формируются образы будущего, воодушевляющие миллионы людей. В этом отношении *«русская мечта» выделяется своим динамизмом. На протяжении последних 100-150 лет она*

¹ Сумма цифр превышает 100%, т. к. можно было выбрать до трех ответов. Не указаны «другие» (3%) и затруднившиеся с ответом (1%).

не раз меняла свои контуры и наполнялась новым содержанием. Вначале она конституировалась и долгое время существовала (и продолжает существовать) только как мечта о правде-справедливости. Затем, с выходом на историческую авансцену поколения, не знавшего крепостного права и формировавшегося уже в условиях бурно развивавшегося индустриального общества, начала складываться народная мечта о приобщении к культуре и образованности, которая стала одной из составляющих революционного порыва 1905 и 1917 гг. На основе порождаемых ею ценностных ориентаций и моделей социального поведения, в 50-60-е годы XX века начала складываться специфическая форма социальности, особенности которой во многом объясняют как впечатляющие достижения СССР периода его расцвета, так и подтачивавшие советскую систему противоречия, которые, в конечном счете, привели ее к крушению¹. В первые послевоенные десятилетия коллективные устремления большинства советских людей во многом определялись очень простой формулой: «Только бы не было войны». Вопреки распространенному мнению у многих людей была вера в «коммунистическое завтра». И, как еще будет показано, все эти «стержневые» для русской мечты идеи продолжают присутствовать в ней и сегодня.

Но к началу 1970-х все это оттесняется на задний план новой, альтернативной прежним, коллективной мечтой, связанной с социальным запросом на формирование «общества потребления». Составной частью этой мечты о «потребительском рае», не связанной, в отличие от веры в грядущую победу коммунизма, с идеей социальной справедливости, стала своеобразная идеализация Запада, стремление сблизиться с ним вплоть до обретения некой единой идентичности.

Вскоре, однако, выяснилось, что Запад — это не только бытовой комфорт и демократические ценности, но и определенный взгляд на вещи, который в свете российского опыта часто кажется поверхностным, неадекватным или неискренним. Западная идентичность — это еще и некая коллективная мечта, которая в настоящее время существует в двух основных конкурирующих между собой вариантах — европейском и американском. Американская мечта — это мечта об индивидуальном материальном успехе; в конечном счете, она сводится к тому, что любой энергичный и «ответственный» индивид может преуспеть, если будет много работать и проявлять изобретательность, рассчитывая при этом исключительно на самого себя. Все это, однако, не слишком согласуется с умонастроениями россиян, связывающими свои надежды на лучшую жизнь, прежде всего, с «соборным» государственным целеполаганием, ориентированным не на интересы отдельных социальных групп и слоев, и даже не на их согласование, а на общенародные задачи и цели. Распределение мнений респондентов по вопросу о том, какие лозунги, принципы и политические формулы в наибольшей степени выражают их личную мечту о будущем России, выглядит следующим образом. Чаще всего на данный вопрос отвечали так: «Социальная справедливость, равные права для всех и сильное государство, заботящееся о всех своих гражданах» (почти 45% полученных в ходе опроса ответов). Около 60% опрошенных согласилось с тем, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельных людей, а 71% признали необходимым усиление роли государства во всех сферах жизни, и в том числе национализацию крупнейших предприятий и стратегически важных отраслей.

Если американская мечта выросла на почве культа индивидуализма, то мечта, воплотившаяся ныне в проекте Единой Европы, носит солидаристский характер и основана на специфической модели позитивного взаимодействия

¹ См. подробнее: А. Л. Андреев. Российское образование: социально-исторические контексты. М.: 2008, гл. 4.

человека с другими людьми и природой. Американская мечта подчеркивает экономический рост, личное богатство и независимость, европейская же делает акцент на устойчивом развитии, качестве жизни и диалоге как средстве совместного решения общих проблем¹.

Эти европейские идеалы, безусловно, для многих привлекательны. Однако и они не всегда полностью совпадают с устремлениями и надеждами россиян. Прежде всего, следует отметить, что *в России довольно низок потенциал солидарности, которая играет важную роль в реализации европейского исторического проекта*. Как было показано в первом разделе настоящего доклада, если идея служения государству и обществу в целом у наших сограждан достаточно популярна, то реальный альтруизм и готовность к личным жертвам, тем более ради отдельных людей только из чувства солидарности, отнюдь не является нормой национального сознания.

Еще одно различие — это *твердая приверженность россиян идее «органической» общности в рамках национального государства*. Как показывают данные ранее проводившихся исследований, наши сограждане не слишком стремятся с кем-либо объединяться, и в любом случае отдают в этом вопросе предпочтение близким им по культуре странам СНГ (Белоруссии, Украине и Казахстану)². Не случайно россияне с самого начала не были расположены к насаждавшейся одно время в Европе идеологии мультикультурализма. Задолго до того, как ее недостаточная эффективность была признана рядом ведущих европейских лидеров, наши сограждане воспринимали ее как утопическую и мало согласующуюся с жесткими реалиями полиэтнического евразийского пространства.

Таким образом, различия между европейским вектором развития, с одной стороны, и мечтой и устремлениями россиян, с другой, во многом связаны с тем, что последние — гораздо большие индивидуалисты, чем европейцы. В этом они частично сближаются с американцами, хотя российский индивидуализм имеет несколько иную психологическую природу и иной оттенок. Почти 3/4 опрошенных признались, что для них важнее всего собственное благополучие и только четверть согласны поставить на первое место какую-то объединяющую всех значительную цель. Социальный мир современного россиянина — это замкнутый на себя «малый мир» его семьи и друзей, в несколько меньшей степени — коллег по работе. Именно с подобным миром он ощущает наибольшую общность (на это указали в ходе исследования почти 2/3 опрошенных). Заметную роль играет также взаимопонимание на почве общего жизненного опыта: более трети респондентов отметили эмоциональную связь с представителями своего поколения (что косвенно свидетельствует о наличии значительных «разрывов» в условиях социализации вследствие чрезвычайно драматичного характера российской истории XX века). А вот «классовая солидарность» (с людьми того же достатка), которая важна для сплочения людей на защиту своих коллективных интересов, менее значима.

Следует особо отметить: *«русская мечта» принципиально расходится с установками западной культуры в понимании свободы*, которая является одной из главных российских ценностей. Свыше 2/3 респондентов считают свободу важнейшей смысложизненной ценностью, и только треть соглашается с тем, что свобода второстепенна и ставят выше нее материальное благополучие. Мечта о свободе, несомненно, воодушевляет россиян: данный результат с небольшими статистическими отклонениями прослеживается в исследованиях ИС РАН на протяжении почти двух десятилетий. Однако, как показывают результаты

¹ Cp.: J. Rifkin. The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. New York: Jeremy P. Tacher / Penguin. New York, 2004.

² См.: Падение Берлинской стены: до и после. — М: «Весь мир», 2010, с. 53.

многолетних исследований, быть свободным для человека русской культуры — совсем не то же, что для американца, немца или француза. Свобода в русском ее понимании — это не возможность реализации определенных прав (соотнесенных в то же время и с известными обязанностями), а возможность «быть самому себе хозяином». Иными словами, это так называемая русская «воля», которая может выражать себя в самых разных, но всегда предполагающих энергетическую разрядку, формах. И в этом постоянном поиске точки приложения энергии россияне в чем-то сродни американцам. Отсюда и очень напоминающее американских неоконсерваторов типа Р. Рейгана восприятие Европы, которое фиксировалось в ряде прошлых исследований ИС РАН, восприятие, в котором наряду с такими характеристиками, как комфорт, благополучие, цивилизованность присутствуют также эгоизм, неискренность и слабость.

В результате в настоящее время большинство (54%) граждан страны в возрасте до 55 лет считает, что индивидуализм и либерализм западного типа России не подходят, для нее важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Есть, правда, немало и таких, кто с подобной постановкой вопроса не согласен. Среди молодежи до 25 лет и наиболее благополучных россиян (с уровнем дохода не менее, чем в два раза выше медианы по данному типу поселения) позитивное отношение к западным ценностям даже на несколько процентных пунктов превышает негативные настроения, а среди наиболее образованной части населения между этими двумя противоположными установками в настоящее время установился приблизительный паритет. Такой же паритет зафиксирован среди жителей малых городов и городов областного масштаба.

Не следует, однако, думать, что антизападные настроения — это удел депрессивных поселков и сел. Как ни парадоксально это выглядит с позиций теории модернизации, их в такой же или даже еще большей степени разделяет и население обеих российских столиц. Среди респондентов, проживающих в мегаполисах, доля считающих, что западные ценности и идеи не подходят для России, поднимается до 65%, а доля их оппонентов соответственно снижается до приблизительно 35%.

К этому надо добавить, что *характер российского западничества за последние 20 лет несколько изменился.* Тот факт, что значительная часть россиян в целом позитивно воспринимают западные ценности, не означает, что они поддерживают широко распространенное на заре демократических реформ стремление к интеграции с западным миром и мечту об «общеевропейском доме», которая владеет умами населения большинства стран Восточной Европы. В сегодняшней России сближение с Западом и «европейская мечта» — это мечта 10-процентного меньшинства. А реальное чувство общности с европейцами ощущает и вовсе ничтожная часть находящегося в социально активном и трудоспособном возрасте населения страны — 1,7%.

Охлаждение россиян к Европе, образ которой еще недавно теснейшим образом сопрягался в их сознании с мечтой о достойной и комфортной жизни, обусловлено многими причинами. Это и растущее недоверие к политике отдельных европейских государств и Евросоюза в целом, и недостаточная интегрированность россиян, не исключая и молодое поколение, в культурно-информационное поле Европы¹. Но вместе с тем следует учесть и фактор психологической совместимости (или несовместимости), причем не на уровне отдельных индивидов (известно, что русские специалисты достаточно успешно работают в зарубежных фирмах или учебных заведениях, а иностранные менеджеры — в российских), а на

¹ См. подробнее: А. Л. Андреев. Образ Европы в современном российском обществе // Мировая экономика и международные отношения, 2003, № 5.

уровне массовых, национальных идентичностей. Если обратиться в этой связи к анализу сложившихся в массовом сознании этнических стереотипов (включая автостереотипы), то можно заметить, что россияне находят у себя очень мало черт, которые, по их мнению, присущи представителям народов, в совокупности составляющих «Запад», и наоборот. Вот, например, что думают российские респонденты о самих себе и о немцах, которых они знают, как показали наши предыдущие исследования, несколько ближе, чем представителей других западноевропейских стран, и с которыми у них во многом ассоциируется западный образ и стиль жизни (см. таблицу 2.1).

Таблица 2.1

Мнения респондентов о чертах характера, присущих россиянам и немцам, %

Черты характера	Присущи россиянам	Присущи немцам
Доброта	84,0	4,7
Гостеприимство	87,0	8,2
Терпимость	80,4	6,3
Смелость	78,5	5,8
Расхлябанность	73,4	2,0
Необязательность	73,5	5,5
Неряшливость	64,3	4,1
Духовность	62,9	14,4
Честность	34,6	29,7
Жестокость	14,3	45,1
Эгоизм	14,4	46,1
Вежливость	17,6	65,3
Скупость	5,0	72,0
Деловитость	12,0	79,2
Законопослушание	8,3	79,0
Расчетливость	6,7	84,0
Пунктуальность	4,2	88,8
Аккуратность	2,5	94,4

Сразу же обращает на себя внимание то, что только по одной из 18 строчек данной таблицы («честность») индикаторы, характеризующие россиян и немцев, более или менее близки друг другу. По остальным же 17 имеются огромные разрывы — от 3-кратных до более, чем 30-кратных (!). Россияне предстают здесь как смелые, энергичные и добродушные, но в то же время спонтанные, не слишком дисциплинированные и не очень деловые люди. Немцы же, напротив, отличаются пунктуальностью и деловитостью, в них ярко выражено рациональное начало и уважение к закону, но в то же время русские считают их чересчур педантичными и эгоистичными. Представляется, что таким полярно противоположным психологическим типам нелегко находить точки соприкосновения и их устремления не могут не быть достаточно различными. Конечно, к стереотипам надо относиться с очень большой осторожностью и не принимать их буквально. Но, в то же время, они отражают определенный опыт взаимодействия и, несомненно, влияют на социальное поведение, во всяком случае — на начальных фазах взаимодействия.

Кроме того, под влиянием глубоких трансформаций, прошедших в последние 20 лет в российском обществе, заметно меняются и сами россияне (см. таблицу 2.2). Эти изменения, естественно, не могут не повлечь за собой серьезные сдвиги не только в жизни российского социума, но и в автостереотипах россиян.

Как видно из приведенных в таблице 2.2 данных, единственным положительным человеческим качеством, которое, по мнению наших респондентов, в последние десятилетия усилилось, была активность, целеустремленность, инициативность. Но и в этом вопросе мнение россиян выражено не вполне однозначно и четко: хотя почти 41% считает, что это действительно так, 34% выразили по данному вопросу противоположное мнение. Перевес первой точки зрения, таким образом, не слишком велик. Неоднозначно россияне воспринимают и динамику таких качеств, как ум, образованность. Но все же число респондентов, считающих, что наши возможности в этом плане снижаются, оказалось несколько больше, чем тех, кто видит в этом вопросе какие-то улучшения или убежденных в том, что мы в целом сохраняем свои позиции (соответственно: 39, 32 и почти 28%).

Таблица 2.2

Представление россиян о том, как изменились люди и их отношения за последние 15-20 лет, %*

	Усилились	Ослабли	Разница
Внушаемость, склонность подчиняться авторитетам	34	28	+6
Активность, целеустремленность, инициативность	41	34	+7
Цинизм	68	10	+ 58
Агрессивность	79	6	+ 73
Уважение к старшим	4	73	- 69
Бескорыстие, готовность помочь другому	5	72	- 67
Доброжелательность	6	71	- 65

Продолжение таблицы 2.2

	Усилились	Ослабли	Разница
Искренность	5	70	- 65
Честность	5	70	- 65
Уважение к женщине	5	67	- 62
Душевность	6	67	- 61
Патриотизм, преданность своей Родине	7	64	-57
Верность своим товарищам	9	47	- 36
Трудолюбие	17	51	- 34
Способность к сотрудничеству	18	41	- 23
Ответственность за семью, забота о ней	18	37	-19
Ум, образованность	32	39	-7

*В таблице не представлены выбравшие ответ «не изменились», разница рассчитывается как разность доли ответивших «усилились» и «ослабли».

По другим же позициям россияне намного более единодушны: почти 80% опрошенных указывают на рост агрессивности, почти $\frac{3}{4}$ - на падение уважения к старшим, более 70% обращают внимание на недоброжелательность, рост неискренности между людьми, эрозию альтруистической мотивации, 67% — на неуважительное отношение к женщине и исчезновение такого психологически важного для россиян и русской культуры качества, как душевность, 68% — на рост цинизма. Современные россияне, по их собственному признанию, стали менее патриотичными (64% полученных в ходе опроса ответов), менее честными (почти 70% ответов), менее верными принципам товарищества (47%). Многие участники опроса выразили мнение, что их сограждане стали сейчас более внушаемыми, подверженными информационно-психологическому манипулированию, у них ослабевает критическое мышление и, наоборот, возрастает склонность подчиняться авторитетам. Свыше 37% наших респондентов отмечают ослабление ответственности россиян перед семьей, в то время как позитивные сдвиги в этом плане видят только 18% (45% считают, что никаких изменений в этом плане не произошло).

Особо следует сказать в этой связи о трудолюбии. Как было установлено в ходе многих наших исследований, это главный приоритет россиян в деле воспитания подрастающего поколения. Если в Швеции это качество называют в качестве первостепенно важного 4% опрошенных, в Польше — 21%, в Германии — 22%, в Великобритании 53% и в США 62%, то в России доля придерживающихся такого мнения респондентов составляет около 91%¹. Однако свыше половины

¹ Данные Института социологии РАН, 2007 и WVS, 1999-2001.

опрошенных полагают, что, несмотря на якобы возникшие рыночные стимулы, их соотечественники за последние 15-20 лет стали менее трудолюбивыми, чем были раньше.

Возможно, ключ к пониманию противоречивости оценок складывающейся в стране ситуации как раз и лежит в понятии национальной мечты. Действительно, многое в современной России не устраивает наших сограждан, но все же в сложившейся на сегодня социально-экономической и политической системе есть предпосылки того, к чему сознательно или бессознательно стремятся россияне, а способ сочетания и баланс заложенных в ней тенденций соответствует их интуитивному ощущению должного. В современной России достаточно трудно найти всецело довольных граждан, но, тем не менее, почти 2/3 опрошенных считают, что тот путь, по которому в настоящее время идет страна, в перспективе приведет ее к нужным результатам, поскольку единственная понятная альтернатива — западный вектор развития — россиян сегодня уже не устраивает. Их мечта в относящейся к макрокосму, социуму в целом, ее части — это отнюдь не мечта американца или европейца, тем более — не мечта о новом исламском мировом порядке.

При этом результаты проведенного исследования показывают, что в массовом сознании отчетливо присутствуют те компоненты, из которых «синтезировалась» русская мечта в прошлом. Это идея государства как «общего дела», приоритет социальных прав над политическими, сильно выраженное чувство справедливости, приверженность социальному равенству, понимание свободы как «воли» и т. д.

3. Идея справедливости в мечтаниях жителей России

Идея справедливости всегда была одной из ключевых в российской социокультурной модели. Как показывают данные проведенного исследования, справедливость и в пореформенной России занимает важное место в мечтах населения о будущем страны. При выборе лозунгов, которые в наибольшей степени выражали бы личную мечту россиян об этом будущем, основную поддержку получили: социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах. Именно эти составляющие модели общества были поддержаны практически половиной населения.

Мечта о социальной справедливости в разной степени свойственна различным социальным группам. Так, ее поддержка возрастает в более старших возрастных группах: если среди россиян от 16 до 25 лет, этот лозунг выбирает 40% граждан, то в группе от 45 до 55 лет данный показатель возрастает до 51%. При этом различия между группами с разным уровнем дохода оказываются незначительными. Выделяется только группа наиболее обеспеченных россиян, чей средний душевой доход превышает два медианных для их типа поселения — они в меньшей степени мечтают о России как о стране социальной справедливости. Однако и среди них этот лозунг выбирают 38%. Выбор лозунга социальной справедливости зависит также от уровня образования: в меньшей степени его поддерживают малообразованные россияне, не имеющие даже общего среднего образования, в то время как среди остального населения различия, связанные с уровнем образования, незначительны. В целом, несмотря на некоторые количественные различия, идея справедливости может выполнять роль консолидирующей для российского общества.

Примечательно, что те россияне, кто отмечает справедливое общество в качестве одной из характеристик идеального будущего России, чаще жалуются на невозможность добиться в жизни желаемого. Оценивая свои перспективы получить хорошее образование, интересную и престижную работу, побывать в разных странах мира, иметь много свободного времени, они чаще, по сравнению с теми, кто не ставит справедливое общество в число приоритетов для страны, делают оговорки: «хотелось бы, но вряд ли смогу этого добиться». По всей видимости, часть препятствий в достижении указанных целей связывается ими с теми внешними ограничениями, которые накладывает на них несправедливо устроенное на данный момент российское общество.

При классификации идей, отражающих мечты россиян о будущем страны, с помощью факторного анализа, оказалось, что мечта о жизни в справедливом и разумном обществе тесно связана с мечтой об обеспечении прав человека, демократии и свободе самовыражения, а также с идеей сильной жесткой власти, способной обеспечить порядок в стране. Эта классификация демонстрирует связку «власть - справедливость», существующую в сознании россиян: *те, кто хотел бы жить в справедливом обществе, видят основным актором обеспечения и гарантии этой справедливости именно государство.*

Показательно, что мечта о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе входит также в число трех наиболее распространенных вариантов мечтаний «для себя» (33%), отставая лишь от мечты о достатке и возможности жить, «не считая копейки», и имея сопоставимые позиции с мечтой иметь хорошее здоровье (33%). Причем, доля тех, кто выбирал жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе, заметно возрастала с ростом уровня образования.

Однако смысловое наполнение столь важной для россиян идеи социальной справедливости может быть разным. Посмотрим, что именно население понимает под справедливостью и как эти представления дифференцируются в зависимости от различных факторов.

Прежде всего, следует определить, какую модель общества выбирают для себя россияне — общество социального равенства или общество индивидуальной свободы (см. рис. 3.1)

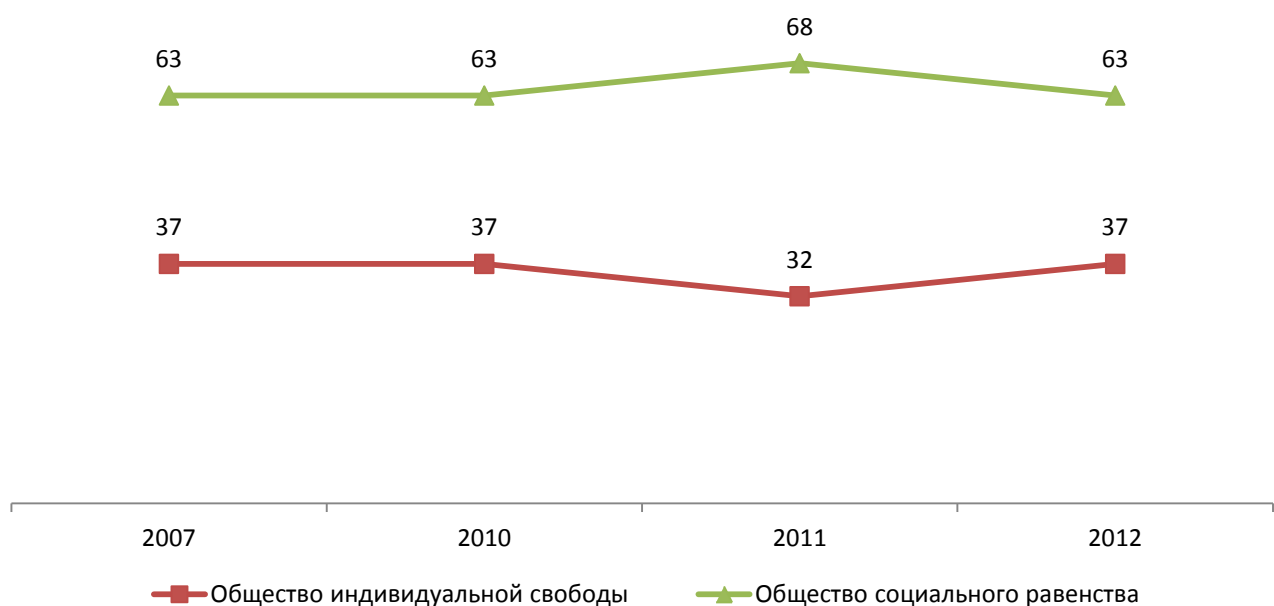

Рис. 3.1. Динамика доли выбирающих индивидуальную свободу или общество социального равенства, 2007-2012 гг., % от определившихся с выбором¹

Как видно из данных рис. 3.1, картина распределения ответов россиян в последние годы в этом вопросе оставалась достаточно стабильной. Данные за более ранние годы (1998, 2001) также свидетельствуют об устойчивом разделении россиян по этому вопросу на две неравные группы: *доля сторонников общества социального равенства стабильно составляет около двух третей населения, в то время как общество индивидуальной свободы поддерживает только треть.*

¹ Для сопоставимости с массивом 2012 года, данные по предыдущим годам приводятся для россиян не старше 55 лет.

Эти данные свидетельствуют не о том, что свобода не имеет высокой значимости для россиян (данные исследования свидетельствуют об обратном — две трети респондентов согласны с утверждением, что без свободы жизнь теряет смысл), а *об остроте проблемы равенства в современном российском обществе, которая неразрывно связана и с проблемой справедливости*. Россияне не являются убежденными сторонниками полного равенства, однако и общество индивидуальной свободы также вызывает у части из них скорее негативные эмоции, ассоциируясь со вседозволенностью (что неудивительно, т. к. почти две трети россиян понимают свободу именно как возможность быть самому себе хозяином).

При ответе на данный вопрос важным фактором является возраст респондентов. Так, среди опрошенных в возрасте от 16 до 25 лет 45% выбрали общество индивидуальной свободы; среди россиян 26–35 лет эта доля снижается до 43%, 36–45 лет — до 36%, а среди граждан от 46 до 55 лет эту модель общества поддерживают только 23%. Кроме того, значительно дифференцировались ответы и в зависимости от оценок россиянами их жизни: среди тех, кто считал, что в настоящий момент их жизнь складывается хорошо, 45% предпочли общество индивидуальной свободы, в то время как среди тех, кто убежден в обратном, эта доля составила 31%. Таким образом, запрос на индивидуальную свободу больше характерен для молодых россиян, удовлетворенных своей жизнью.

Отличаются выделенные группы и по некоторым мировоззренческим особенностям. Так, сторонники общества индивидуальной свободы по сравнению с приверженцами социального равенства чаще склонны видеть причины благополучия людей из их ближайшего окружения в личных особенностях (наличие связей, квалификации, деловой хватки, умении использовать шансы) и везении, а причины бедности — в нежелании менять привычный образ жизни.

Однако нужно учитывать, что *стремление к равенству означает для большинства россиян равенство возможностей (59%), а не равенство доходов (41%), причем этот выбор достаточно устойчив во времени* — соотношение их сторонников практически не меняется в течение последнего десятилетия. Доли тех, кто выбирает тот или иной вариант в дилемме «равенство возможностей — равенство доходов», практически не различаются в разных возрастных группах, но при этом наблюдается дифференциация по уровню дохода: с ростом дохода растет и поддержка общества равных возможностей. Что же касается взаимосвязи с мечтой о справедливом обществе, то доли выбиравших ту или иную модель общества практически не изменяются в зависимости от того, живут ли респонденты этой мечтой о будущем России. Таким образом, *выбор общества равных возможностей представляется устойчивой социокультурной нормой россиян*.

Что же конкретно в рамках этой социокультурной нормы представляется россиянам справедливым и несправедливым при оценке ими сложившейся в стране ситуации? Этот вопрос представляется чрезвычайно важным, поскольку во многом определяет социальное самочувствие в обществе, влияет на уровень стресса, испытываемого нашими соотечественниками, «программирует» степень социальной напряженности. В данном контексте важным негативным индикатором является тот факт, что *в настоящее время подавляющее большинство наших сограждан называет существующие различия в доходах слишком большими (83%), две трети россиян считают сложившуюся систему распределения частной собственности в России несправедливой, и столько же граждан полагает, что люди не получают достойного вознаграждения за свои навыки, способности и квалификацию. При этом более половины россиян (54%) отмечают, что последнее утверждение от-*

носится и к ним лично — по их мнению, с учетом имеющейся у них квалификации и тяжести их труда, они получают значительно меньше, чем того заслуживают (см. рис. 3.2).

Рис. 3.2. Оценки россиянами справедливости распределения доходов и собственности, %¹

Приведенные данные ярко демонстрируют степень актуальности запроса на справедливое общество в мечтаниях россиян о будущем страны. Россияне очень болезненно воспринимают чрезмерную дифференциацию доходов и неравенства в распределении частной собственности, представляющиеся им несправедливыми. При этом важно отметить, что *существующие сегодня в России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения независимо от их уровня жизни и динамики их личного благополучия*. Так, среди тех, чей ежемесячный душевой доход превышает два медианных показателя для их типа поселения, 59% считают сложившуюся в настоящий момент систему распределения частной собственности несправедливой, а 85% согласны с тем, что различия в доходах сейчас слишком велики. Кроме того, доли согласных с этим утверждением совпадают в группах, по-разному оценивающих динамику своего положения в последние три года: 83% тех, кто отмечал, что их положение улучшилось, как и 83% тех, чье положение, по их самооценке, ухудшилось, оценили существующие неравенства в доходах как слишком большие. Таким образом, *оценивая текущую ситуацию с точки зрения ее справедливости или несправедливости, россияне руководствуются скорее представлениями о должном, справедливом для общества, нежели своими личными интересами. Такое представление о должном свидетельствует об особой нормативно-ценностной модели, свойственной российскому менталитету*.

При этом *подобные оценки не означают, что россияне вообще не приемлют неравенства в доходах и уровне жизни и стремятся к полной «уравниловке»*. Во-первых, даже при явно избыточных неравенствах в настоящий момент население страны окончательно не определилось с ответом на вопрос: «нужна ли большая дифференциация доходов для экономического процветания страны».

¹ На рисунке не представлены те, кто выбрал ответ «отчасти согласен, отчасти нет», а также затруднившиеся с ответом.

27% согласны с этим утверждением, 37% выступают против, а 36% не высказывают определенного мнения. Это означает, что, *не отрицая необходимости дифференциации доходов в качестве фактора экономического развития, россияне стремятся к тому, чтобы подобная дифференциация по своим масштабам отвечала их понятиям о справедливости, чего нельзя сказать о неравенстве в уровне доходов, сложившемся в настоящее время. Во-вторых, население страны в целом проявляет достаточно высокую толерантность к тем видам социального неравенства, которые представляются им справедливыми. Модель, к которой стремятся россияне, предполагает равные возможности для всех добиваться улучшений своей жизни и допускает существование неравенств, возникших на справедливых, по оценкам россиян, основаниях. Желание «все отнять и поделить» не входит в число приоритетов наших сограждан.*

Так, данные проведенного исследования показывают, что наиболее высокую толерантность население проявляет к неравенствам по доходам, если они связаны с большей эффективностью работы — более трех четвертей россиян (79%) согласны с тем, что справедливо, если сотрудники работают быстрее и эффективнее, то и зарплату получают выше, чем другие работники при формально той же должности. Данный показатель наглядно иллюстрирует, что справедливость для россиян, как один из социальных регуляторов, оказывается важнее, чем формальная иерархия позиций в системе производственных отношений.

Подавляющее большинство населения согласно также с тем, что различия в доходах справедливы, если у людей имеются равные возможности для заработка (70%), что вновь подчеркивает стремление жить в обществе равных возможностей, а не равных доходов. Наконец, еще одно основание для признания неравенства доходов справедливым — это различия в доходах между людьми с разным уровнем образования — с этим согласны практически 60% населения (см. рис. 3.3).

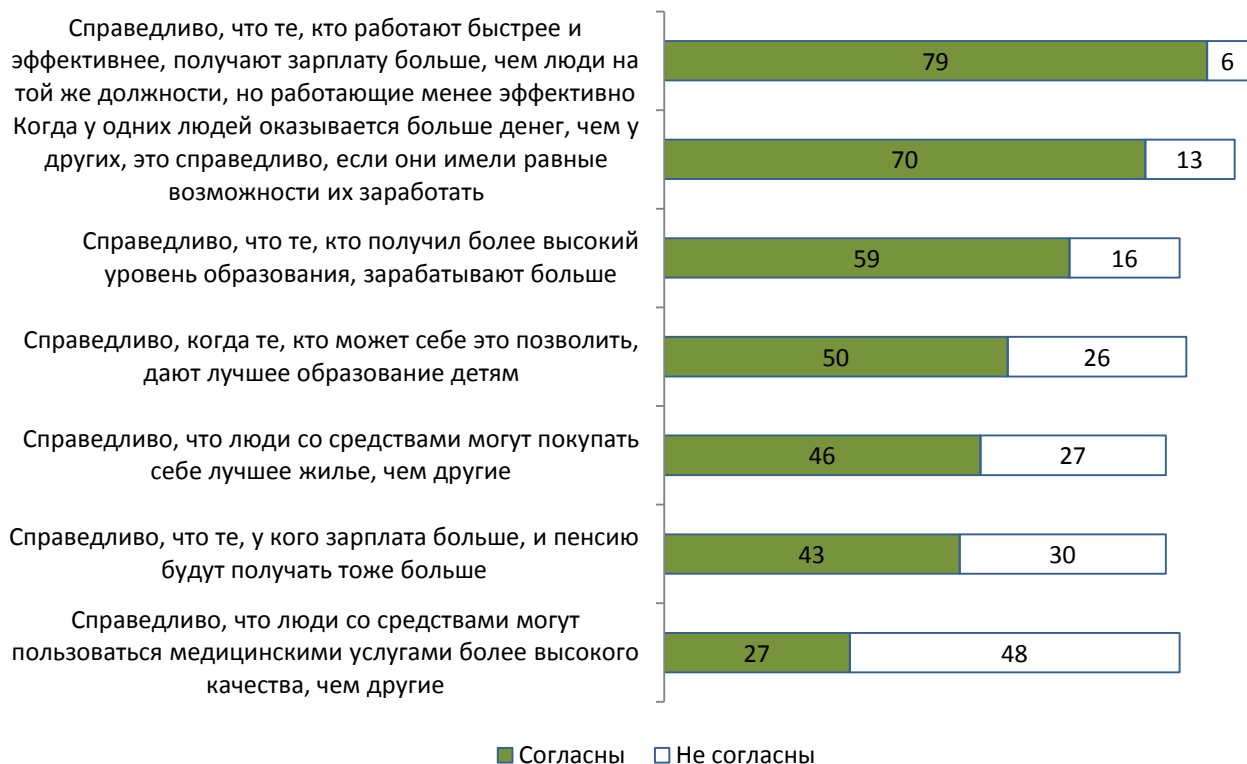

Рис. 3.3. Толерантность россиян к неравенствам разного типа, %¹

¹ На рисунке не представлены те, кто выбрал ответ «отчасти согласен, отчасти нет», а также те, кто затруднился с ответом.

Однако в отношении других типов неравенств подобного общественного консенсуса не наблюдается. Например, ситуацию, когда граждане дают детям лучшее образование, если могут себе это позволить, считает справедливой половина наших соотечественников. Ситуацию с покупкой лучшего жилья теми, кто имеет на это средства, оценивают как справедливую 46%, а несправедливую — 27% респондентов. Получение более высокой пенсии теми, кто имеет большую зарплату, кажется справедливым 43% населения, а несправедливым — 30%. Наконец, неприемлемо для многих россиян неравенство в доступе к медицинским услугам — почти половина из них (48%) считает несправедливым, что люди с более высокими доходами могут иметь доступ к более качественным медицинским услугам, и это единственный вид социальных неравенств, в отношении которого доля считающих его несправедливым не только составляет около половины населения, но и почти вдвое превышает долю считающих его справедливым.

Как же изменилась отмеченная картина за последние годы? Как показывают данные таблицы 3.1, в целом отношение россиян к неравенствам и дифференциации доходов остается устойчивым. За последние годы несколько выросла толерантность россиян к системе распределения частной собственности (хотя подавляющее большинство из них продолжают оценивать ее как несправедливую), а также снизилась доля тех, кто считает оценку своего труда заниженной (с 61% до 54%), хотя она до сих пор превышает половину населения. Практически не изменилась доля россиян, считающих существующие неравенства в доходах слишком большими, что свидетельствует об отсутствии со стороны государства ожидаемых от него действий в данной сфере, а, следовательно, и сохраняющейся социальной напряженности, связанной с фактом неоправданной дифференциации доходов в обществе. При этом за последние пять лет у россиян наблюдается некоторое снижение толерантности к неравенству жилищных условий, в доступе к качественным медицинским услугам и образованию. В целом данные свидетельствуют о том, что существующая проблема избыточных неравенств, по мнению населения, пока не решается и даже при росте удовлетворенных своим личным соотношением трудовых затрат и доходов ощущение несправедливости социальной системы, сложившейся в российском обществе, не покидает большинство россиян и приобретает уже хронический характер.

Таблица 3.1

Динамика отношения россиян к неравенствам различных типов, 2006 / 2012 гг., %*

Согласие с суждениями	2006	2012
Справедливо, что люди со средствами могут пользоваться медицинскими услугами более высокого качества, чем другие	35	27
Справедливо, что те, у кого зарплата больше, и пенсию будут получать тоже больше	43	43
Справедливо, что люди со средствами могут покупать себе лучшее жилье, чем другие	53	46
Справедливо, когда те, кто может себе это позволить, дают лучшее образование детям	53	50
Когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, это справедливо, если они имели равные возможности их заработать	67	70

Продолжение таблицы 3.1

Согласие с суждениями	2006	2012
Нынешняя система распределения частной собственности в России является справедливой	6	12
Люди в России получают достойное вознаграждение за свои интеллектуальные способности и квалификацию	17	14
Большая дифференциация доходов людей необходима для экономического процветания страны	24	27
Вы лично получаете, учитывая Вашу квалификацию и тяжесть труда, на своей работе значительно меньше, чем Вы заслуживаете	61	54
Различия в доходах в России сейчас слишком велики	85	83

* Для сопоставимости с массивом 2012 года, данные по 2006 году приводятся для россиян не старше 55 лет.

Еще раз следует подчеркнуть, что в целом толерантность россиян к неравенствам, возникающим по справедливым в их представлении основаниям (высокая эффективность работы, лучшее образование при стартовых равных возможностях его получения для всех) достаточно высока. Дополнительной иллюстрацией этого выступают данные, характеризующие представления россиян о том, во сколько раз доход высококвалифицированного специалиста или руководителя должен превышать средний доход по стране. *Россияне считают, что подобная разница может составлять 4,7 раза (в 2006 году — 4,9), что предполагает: за таким показателем остаются как богатые, так и бедные.* Тем самым, неравенства по доходу, связанные с уровнем образования и квалификации, как и с эффективностью труда конкретного человека, рассматриваются населением страны как легитимные, справедливые и даже необходимые для эффективного функционирования экономической системы общества.

Однако при этом высокую степень недовольства россиян вызывают те неравенства, которые существуют в настоящее время в современной России, причем как с точки зрения их чрезмерной глубины, так и с точки зрения причин их возникновения. Независимо от собственного положения, *россияне демонстрируют приверженность социокультурным нормам, согласно которым неравенства могут и даже должны быть. При этом, они не должны превышать некий разумный максимум — что как раз и не соответствует пореформенной ситуации в России. Причем наши сограждане считают несправедливым как сложившуюся систему распределения частной собственности, так и текущий уровень оплаты труда с учетом квалификации и образования работников. В связи с этим неудивительно, что общественный запрос на обеспечение социальной справедливости достаточно высок. Причем, по мнению россиян, актором обеспечения принципа социальной справедливости должно выступать, прежде всего, государство — как главный гарант системы социальной защиты населения (см. ниже таблицу 3.2).*

Данные таблицы 3.2 свидетельствуют о том, что модель социальной защиты по месту работы получила поддержку лишь 4% населения. Вариант модели, при котором люди должны сами решать свои проблемы, также поддерживается малой долей россиян — 5%. Но это не завышенные патерналистские ожидания населения, а, скорее, реальная оценка текущей ситуации и понимание того, что *в существующих условиях, при сложившейся несправедливой системе распределения частной собственности и оплаты труда, первый шаг для изменения ситуации дол-*

жен быть за государством. Это вполне закономерно, так как те группы, которые, по мнению россиян, должны получать поддержку от государства, не могут ничего самостоятельно предпринять для улучшения своего положения — в том числе и по причине несправедливого устройства общества.

Таблица 3.2

**Представления россиян о том, как должна строиться система
социальной защиты, %**

Модели системы социальной защиты	%
Государство должно оказывать адресную помощь группам населения, попавшим в трудное положение (безработным, бедным семьям с детьми и т. д..)	40
Государство должно защищать всех малоимущих	37
Государство должно обеспечивать только нетрудоспособных (престарелых, инвалидов, сирот)	14
Люди должны сами решать свои проблемы, а не надеяться на государство	5
Социальная защита должна осуществляться в основном по месту работы, а не через государство	4

По вопросу о том, какие именно категории населения должны получать социальную защиту государства, однозначного консенсуса в массовом сознании не существует. *Практически равные доли составляют граждане, убежденные в необходимости социальной поддержки государством всех малоимущих (37%) и те, кто считает, что государство должно оказывать адресную помощь группам населения, попавшим в трудное положение (40%).* Значительно меньшему количеству респондентов импонирует социальная модель, при которой государство поддерживает только нетрудоспособных (14%). Сравнение данных по разным возрастным группам показывает, что различия между ними в этом вопросе незначительны. Доля тех, кто считает, что государство должно поддерживать только нетрудоспособных, возрастает с ростом уровня доходов, в то время как доля тех, кто полагает, что государство должно помогать всем малоимущим, наоборот, сокращается. Однако подобные зависимости не влияют на изменение приоритета разных моделей социальной защиты в представлениях населения: во всех доходных группах порядок позиций совпадает, свидетельствуя о том, что *запрос на активную роль государства в системе социальной защиты характерен отнюдь не только для тех, кто ощущает себя ее потенциальным объектом. Такой запрос, по сути, является определенной социокультурной нормой для всех россиян, отражая их представления о справедливо устроенном обществе и о роли в нем государства, которая, согласно этим представлениям, должна быть достаточно активна.*

Для более полной картины приведем показатели динамики взглядов россиян по данному вопросу за последние 15 лет (см. ниже рис. 3.4).

Как следует из рис. 3.4, *за последние полтора десятилетия в несколько раз (2,5) снизилась доля россиян, поддерживающих либеральную модель социальной защиты, при которой государство обеспечивает только нетрудоспособных* (с 31% в 1996 году до 13% в 2012 году). Сократились и так невысокие доли тех, кто считал, что социальная защита должна строиться по линии предприятия, а также сторонников системы, при которой люди должны сами решать свои проблемы и не надеяться на государство. При этом заметно вырос запрос к государству относительно

помощи всем малоимущим и группам, попавшим в сложное положение. В целом, можно утверждать: *за последние десятилетия россияне окончательно разочаровались в либеральной модели, столкнувшись с тем, что решать свои проблемы самостоятельно оказывается довольно сложно, а зачастую невозможно, и стали возлагать еще большие надежды на государство, которое должно обеспечивать справедливые «правила игры» и оказывать помощь тем, кто в ней нуждается.* На сегодняшний день только такая модель справедлива в глазах россиян. Причем это верно даже в отношении тех сограждан, кто не испытывает необходимости в социальной защите.

Рис. 3.4. Динамика мнений россиян по вопросу о системе социальной защиты, 1996 / 2012 гг., %¹

Представления россиян о справедливом устройстве общества тесно связаны с их отношением к социальной солидарности. В этом вопросе можно выделить две примерно равные по численности группы населения: *для одних ближе представление о том, что при изначально равных для всех возможностях поддержка лиц, сумевших преуспеть в сложившихся условиях, не нужна (53%). Для чуть меньшей части (47%) ближе идея социальной справедливости, понимаемой через солидарность: они считают, что материально обеспеченные граждане должны помогать тем, кто не преуспел материально.* Такое деление сохраняется в составе россиян с разным уровнем образования и разным доходом. Возрастные отличия характерны в этом вопросе только для тех, кому от 45 до 55 лет: уровень социальной солидарности среди них оказывается относительно выше (55% из них считают, что более успешные члены общества должны заботиться о менее успешных).

Наблюдаются и различия, связанные с мировоззренческими особенностями: так, среди сторонников общества равных возможностей более половины считают, что социально и экономически неуспешные граждане могут жить бедно, а среди сторонников общества равных доходов более половины выступают за

¹ В целях сопоставимости, данные приведены для россиян в возрасте не старше 55 лет.

большую солидарность и помощь бедным. Среди тех, кто живет ради собственного благополучия, более половины считают справедливым принцип «вознаграждение по заслугам», в то время как среди сторонников жизни ради большой общей цели, более половины считают более справедливым солидарное общество и взаимопомощь. В составе тех, кто включает справедливое общество в число приоритетов для страны, выше доля стремящихся к социальной солидарности, чем среди тех, кто не считает справедливое общество важной перспективой будущего России. Однако при всем этом *общая тенденция существования двух достаточно массовых групп с разным отношением к солидарности сохраняется для всех доходных и возрастных групп, а также групп, выделенных по особенностям их мировоззрения.*

Не менее значимой представляется проблема соотношения справедливости и законности в представлениях россиян об обществе, в котором они мечтают жить. В настоящий момент, *о приоритете справедливости над законом заявляют 40% россиян* (такая доля респондентов согласилась с утверждением о том, что «не так важно, соответствует что-либо закону или нет — главное, чтобы это было справедливо»), что еще раз подчеркивает особую роль концепции справедливости в российской социокультурной модели. Чуть меньшая, но сопоставимая по численности доля россиян не согласна с подобным утверждением, подчеркивая приоритетность закона (34%). Показательно, что более четверти всех россиян затруднились с ответом на данный вопрос (26%). Возможно, данный показатель отражает конфликт в общественном сознании, существующий между справедливостью и законностью, и конфликт этот, скорее всего, связан с несовершенством российской правовой базы, *когда законы не отражают представления россиян о справедливости.* И хотя наши сограждане не отвергают важность закона и готовы жить в соответствии с «правилами игры», которые устанавливает государство, эти «правила игры» должны, во-первых, соответствовать представлениям россиян о справедливости и, во-вторых, быть универсальными — не зря равенство всех перед законом уже несколько лет остается главным признаком демократии для подавляющего большинства жителей России.

Сравнение данных за последние два года показывает, что картина представлений россиян о соотношении справедливости и законности практически не изменилась (см. рис. 3.5).

Рис. 3.5. Динамика мнений россиян по вопросу о соотношении законности и справедливости, 2010 / 2012 гг., %

Таким образом, данные исследования показывают, что концепция справедливости остается важным элементом модели общероссийской культуры, составляя ее стержневую часть.

Еще один вопрос, требующий специального анализа: есть ли связь в ощущениях россиянами справедливости или несправедливости на макро- и микро-уровнях.

Подобную связь можно проследить по ответам респондентов на вопросы о том, как выглядит в настоящее время социальная структура российского общества, и как она должна была бы выглядеть «по справедливости» (см. рис. 3.6), а также как они видят свое место в этом обществе в настоящее время.

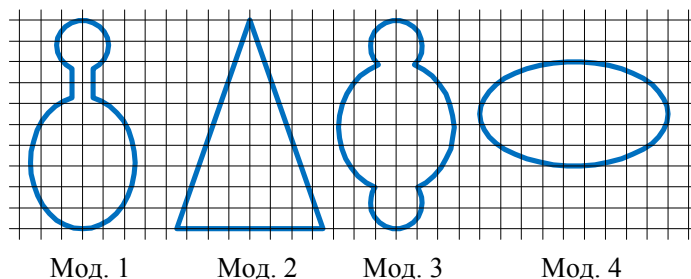

Рис. 3.6. Представления россиян о том, какая модель в наибольшей степени отражает реальную и идеальную социальную структуру российского общества

Таблица к рис. 3.6

Доля респондентов, выбравших соответствующую модель, %				
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Как идеальную:	9	20	31	40
Как реальную:	28	57	12	2
Разница:	-19	-37	19	38

Как видно из таблицы к рис. 3.6, реальные и идеальные модели российского общества в представлениях россиян не просто не совпадают, а прямо противоположны. Большинство россиян (57%) склонно характеризовать существующую модель социальной структуры как пирамиду или как общество, где основная часть населения — это «низы», которым противостоят немногочисленные слои богатых (28%). При этом в качестве идеальных чаще выбираются модели с высокой долей именно средних слоев, т. е. модели так называемого общества массового среднего класса. И хотя 40% населения в настоящий момент выступают за модель, в которой различия между положением людей невысоки, остальные 60% хотели бы жить в обществе с глубокой степенью неравенства, но характер распределения которого в обществе был бы иным, чем в современной России, и предполагал бы не массовую малообеспеченность, а массовый средний класс.

На сегодняшний день в условиях экономически нелегитимных социальных неравенств, выбор 60% наших сограждан моделей общества с глубокой социальной дифференциацией вновь подтверждает сделанные нами выше выводы о толерантности россиян к неравенствам и восприятию их не столько как «необходимого зла», сколько как востребованной характеристики современного общественного устройства. Однако существующие, по мнению россиян, в настоящий момент в обществе глубокие и несправедливые по своим основаниям неравенства приводят к тому, что в качестве идеальных моделей общества население видит,

прежде всего, модели, предполагающие достаточно большие по численности средние слои. Такой выбор коррелируется с мечтой россиян об обществе, где доминировали бы именно средние слои.

В этой связи следует обратиться к вопросу о том, как определяют россияне свое собственное положение в обществе. Выше отмечалось, что более половины всех россиян убеждены в недостаточном уровне доходов, учитывая уровень квалификации и характер труда. И хотя за последние годы их доля сократилась, она продолжает оставаться значительной. Похожая картина складывается и с восприятием нашими согражданами своего социального статуса — *для большинства россиян то положение, которое они хотели бы занимать в обществе по справедливости, оказывается выше, чем то, которое они занимают сейчас*. В среднем, разрыв составляет 2,5 позиции из десяти, хотя и сильно колеблется в зависимости от того, какую модель общества выбирают респонденты (см. рис. 3.7).

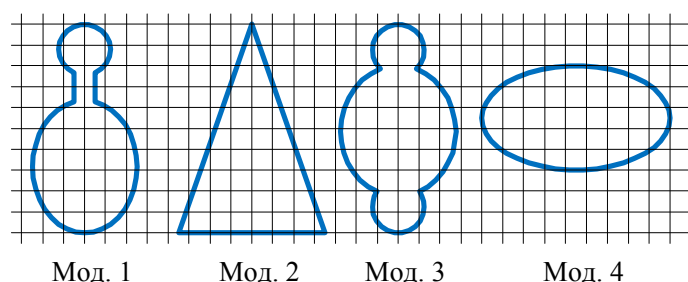

Рис. 3.7. Представления россиян о том, какое место они занимают и должны были бы занимать в обществе «по справедливости»

Показательно, что *при оценке того места в обществе, которое они должны бы занимать «по справедливости», россияне склоняются к средним позициям (5,7-6,4 из 10), независимо от того, какую модель общества они себе при этом представляют оптимальной*: по десятибалльной шкале в зависимости от конкретной конфигурации модели общества, выбранной в качестве идеальной (модели 1-3 на рис. 3.7), средние ответы респондентов колебались в пределах 5,7-6,3 (оценки своего реального места на этих моделях, в свою очередь, колебались от 3 до 4,6). При выборе в качестве идеальной такой модели общества, в которой различия между положением людей незначительны (т. е. модели 4 на рис. 3.7), оценки своего справедливого в ней места составляли для россиян в среднем 3,2 из 5 (см. таблицу к рис. 3.7).

Таблица к рис. 3.7

Средняя оценка своего положения:				
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Реальное положение	3,8 из 10	3,0 из 10	4,6 из 10	3,0 из 5 или 6 из 10
Положение «по справедливости»	6,3 из 10	5,7 из 10	6,2 из 10	3,2 из 5 или 6,4 из 10

Таким образом, *нет оснований говорить о завышенных статусных требованиях и ожиданиях россиян. В то же время россияне считают, что занимают незаслуженно низкое место в обществе, чем они того заслуживают, и для большинства из них при этом характерно стремление к обществу с иной по своему типу, и с меньшей, чем в настоящее время, дифференциацией доходов. Однако в таком обществе они хотели бы занимать в основном средние, а не верхние позиции.*

4. О каком государственном устройстве мечтают россияне

Как и обычно, в эпоху быстрых и неоднозначных общественных преобразований, «горизонт человеческих мечтаний» имеет достаточно ограниченный характер. Люди в эти периоды (и россияне здесь не исключение) привыкают жить интересами текущего дня, ежедневной борьбой за существование; и будущее страны, за пределами ближайшего десятилетия, для них достаточно неопределенно. Процесс строительства в России современного государства, политической нации, объединяющей граждан вокруг общепризнанных ценностей, интересов и институтов, еще далек от своего завершения, и, несмотря на наличие консолидирующих ценностей, общество остается атомизированным и разобщенным. Процесс роста политической турбулентности, общественного «разогрева», наметившийся в последние полгода, пока охватил лишь отдельные общественные слои, и, как показывают результаты настоящего исследования, страна в целом продолжает находиться в состоянии политического покоя, хотя признаки возможного нарастания гражданской активности уже налицо.

Вот почему так важен анализ представлений различных слоев и групп российского общества о будущем и «должном» устройстве России. В этих представлениях можно выделить две основные компоненты, составляющие образ идеального будущего:

- 1. Государство, государственное и внутривнутриполитическое устройство страны.*
- 2. Социально-экономический строй, цивилизационные и культурные ценности.*

В отношении двух этих компонентов среди россиян нет единства. Однако отсутствие единства еще не означает мировоззренческого хаоса, и среди множества «параллельных миров», из которых складывается сегодняшняя Россия, выделяются три наиболее значимые группы. Эти группы отражают общую динамику и направленность процесса перемен, характерных для последних десятилетий развития страны и различающихся представлениями наших сограждан о желаемой модели общества. Среди них:

- 1. Странники либеральных представлений** о будущем России. В соответствии с численностью тех, кто полагает, что «необходима либерализация всех сфер жизни и освобождение бизнеса от власти чиновников», объем данной группы можно оценить в 28% населения до 55 лет. В их числе 7% — это сторонники «чистого» капитализма, частной собствен-

ности, свободной рыночной конкуренции. В дальнейшем эта подгруппа в группе либералов будет именоваться **правыми либералами**. Оставшиеся 21% — это сторонники смешанной экономики (капитализма с элементами планирования или социализма с элементами рынка) или полностью социалистической экономики. Эту подгруппу можно назвать **левыми либералами**, во многом близкими социал-демократической идеологии. Как видно из приведенных цифр, среди сторонников либерального пути развития России левых либералов значительно больше, чем правых.

2. **Сторонники сочетания сильного государства и рыночных отношений** — те, кто полагают, что «необходимы укрепление роли государства во всех сферах жизни, национализация крупнейших предприятий и стратегически важных отраслей» и одновременно являются сторонниками капитализма, рыночной конкурентной экономики. По существу, это группа «правых государственников», которая составляет примерно 10% россиян.
3. **Сторонники сочетания сильного государства и социалистических отношений**. Как и правые государственники, они полагают, что «необходимы укрепление роли государства во всех сферах жизни, национализация крупнейших предприятий и стратегически важных отраслей» и одновременно выступают за социалистический тип экономики — с элементами рыночных отношений или без таковых. Подобную, наиболее массовую группу — 57% россиян — вполне оправдано называть **«левыми государственниками»** или «социал-консерваторами», в отличие от «левых либералов».

Таким образом, общая картина структуры массового сознания в российском обществе в зависимости от приверженности тем или иным взглядам выглядит следующим образом (см. рис. 4.1). Это, конечно, очень упрощенная картина структуры массового сознания россиян, так как в ее основу положено только два параметра — отношение к роли государства и к типу социально-экономического строя. Однако и она достаточно хорошо отражает наиболее значимые различия в представлениях россиян о настоящем и будущем страны. Более того — прошедшие в конце 2011 г. — начале 2012 г. крупные политические акции продемонстрировали, что подобные различия являются «живыми» и определяют политическое и культурное противостояние внутри российского общества.

Рис. 4.1. Численность основных групп российского общества, выделенных в соответствии с их представлениями о желаемом будущем России, %¹

¹ Сумма цифр на рис. 4.1 и далее может быть менее 100%, т. к. на них не указаны те, кто затруднился с ответом на соответствующие вопросы.

Как показывают данные социологического мониторинга и политическая практика последнего времени, ценностная и идеологическая пропасть между отмеченными сегментами российского общества все еще остается весьма существенной. Соответственно, и их «политические мечтания» также не могут полностью совпадать. Однако для переходного общества часто характерна картина, при которой носители ценностей номинального большинства, как правило, социально-консервативных, оказываются, в силу неготовности к мобилизации, «ведомыми» более малочисленными и активными группами. Возможно ли подобное явление в России, и кто может выступить в такой роли?

Как было показано, на сегодняшний день среди различных идейных направлений можно выделить три, значительные силы общества, претендующие на поддержку. Именно конкуренция между ними могла бы обеспечить политическую динамику как минимум на ближайшие 5-10 лет. Во-первых, это лево-государственническая идея, связанная с укреплением национальной государственности и восстановлением базовых принципов социальной справедливости. Во-вторых — лево-либеральная идея, делающая акцент на тех же идеях социальной справедливости наряду с демократическими свободами, европейскими политическими ценностями, экономической и социальной модернизацией. И, наконец, в-третьих, это право-государственническая идеология, во многом совпадающая с основным вектором политического курса последнего десятилетия. В нынешнем спектре она, будучи самой малочисленной по своему объему, выполняет роль центра, сдерживая «революционные» умонастроения как левых государственников, так и левых «западников». При этом сохраняются и со временем, скорее всего, будут укреплять свои позиции и радикальные националисты, и правые либералы (сторонники свободного рынка), но подобные политические силы пока обречены занимать места на периферии политического спектра.

Приведенная общая картина различается в разных возрастных когортах (см. рис. 4.2).

Рис. 4.2. Численность основных групп российского общества, выделенных в соответствии с их представлениями о желаемом будущем России, в различных возрастных когортах, %

Как видно из рис. 4.2, наиболее массово группа левых государственников представлена в старших возрастных когортах. В младшей — их менее половины (47%), а в старшей — 58%. Кроме того, как это показали ранее проведенные исследования ИС РАН, в группах старше 55 лет эта цифра достигает 70%. В то же

время, численность либералов, как правых, так и левых, уменьшается с возрастом с 33% до 19%, а правых государственников — с 13% до 6%. Понятно, что смена поколений, активно происходящая в стране, работает не в пользу социал-консерваторов.

Похожая картина наблюдается и при анализе опрошенных в зависимости от уровня их благосостояния (см. рис. 4.3). Социал-консерваторы доминируют в нижней части «социальной пирамиды», а в ее верхней части (9–10 стратах) либералы и правые государственники составляют в совокупности уже больше половины респондентов.

Данная картина достаточно хорошо отражает специфику сегодняшней России, в которой «правые государственники», то есть сторонники сочетания сильного государства и современной рыночной экономики, занимают место в центре «слоеного пирога» разных типов мировоззрения, сосуществующих сегодня в российском обществе, скрепляя его ценностный каркас. А вот на флангах располагаются две группы — либералы и социал-консерваторы, имеющие диаметрально противоположные взгляды на будущее страны и вектор ее развития.

В этой связи становится понятным оживление в обществе дискуссии о том, в чем могут состоять идеи и цели дальнейшего движения вперед, и возможна ли в России идеология, которая могла бы стать идеологией нового российского большинства. В частности, может ли выступить в этой роли левая, социалистическая или социал-демократическая идеология, поскольку, по мнению многих политологов, Россия — страна с традиционным доминированием левых взглядов на ее развитие и будущее.

Рис. 4.3. Численность основных групп российского общества, выделенных в соответствии с их представлениями о желаемом будущем России в различных стратах общества, %

Каково же конкретное содержание «левизны» взглядов российских социал-консерваторов, с одной стороны, и левых либералов — с другой? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к тому историческому контексту, к которому апеллируют различные мировоззренческие группы российского общества (см. таблицу 4.1).

Таблица 4.1

**Периоды в истории России, представляющиеся идеалом для основных групп
российского общества, выделенных в соответствии с их представлениями
о желаемом будущем России, %**

Периоды	Правые либералы	Левые либералы	Правые государственники	Левые государственники
Дореволюционная Россия	20	13	14	8
Первое десятилетие советской власти	2	5	4	7
Последние десятилетия советской власти	6	10	3	19
Перестройка	4	3	2	5
Реформы 90-х	3	2	1	2
Современный период	37	31	43	32

Как показывают данные таблицы 4.1, либералы, как правые, так и левые, во многом солидарны с правыми государственниками в своей оценке различных периодов российской истории. Представленные группы достаточно позитивно отзываються о современном периоде, причем в первую очередь это касается правых государственников, чьи взгляды во многом совпадают с официальным курсом нынешней российской власти (43% ставят современный период на первое место в рейтинге эпох). В меньшей степени, но тоже скорее позитивно оценивается Россия в ее досоветский период (больше всего сторонников в группе правых либералов — 20%). Одновременно в этих группах распространено преимущественно негативное отношение ко всем периодам советской эпохи в истории страны, что вполне соответствует их идеологическим воззрениям.

Особняком стоит группа левых государственников, для которых в представлениях об идеале конкурируют современная, «путинская» Россия (32%) и брежневская эпоха «развитого социализма» (19%). Обе эти эпохи — спокойные, нереволуционные; в период развитого социализма идеалы коммунистического строительства постепенно трансформировались в идеалы общества массового потребления, и в настоящее время идеология массового потребления продолжает оставаться одной из доминирующих идей в жизни россиян, как условно «правых», так и не менее условно «левых».

Учитывая их уровень благосостояния, понятно, что разница между «правыми» и «левыми» государственниками лежит не столько в плоскости различия ценностей и идеалов, сколько в плоскости различия возможностей. Первые в состоянии прожить без помощи государства, опираясь на собственные силы, вторые — льготники, пенсионеры, бюджетники — могут рассчитывать только на государство. Как видно из данных исследования, «левое» большинство совсем

не стремится к революциям и радикальным переменам, общественной самоорганизации и солидарности трудящихся — скорее это граждане, заинтересованные в усилении «раздаточных» функций современного государства.

Итак, в массе своей россияне мечтают сегодня о спокойных, стабильных временах, образцом которых является отчасти современная, «путинская» Россия, отчасти (для социал-консерваторов) — последние десятилетия советской власти или Россия «царская». Даже современные российские «левые» не воспринимают как идеал эпоху революционных потрясений.

И это не случайно, поскольку на смену «большой цели» и высоким идеалам еще в советские времена, точнее — в их последние десятилетия, пришла идея, которая никогда не провозглашалась официально «идеологией большинства», но фактически именно такой и стала — это идея частной жизни. Вспомним, сколько сил стали отдавать тогда еще советские граждане обустройству своих дач, садовых участков, квартир, своего быта. И если посмотреть на реальные перемены, произошедшие со страной за последние два-три десятилетия, не через призму политики, а через призму быта, то отчетливо видно, как энергия преобразования страны (крупных строек, обороны, большой науки) во многом растеклась по частным ручейкам. Отгородиться ото всех забором, железными дверями, если есть средства — построить коттедж, нет — пристройку к веранде — эта стихия частного быта, которую классики марксизма непременно называли бы мелкобуржуазной, отражает то, что называется психологией общества массового потребления. Именно данное обстоятельство сегодня и предопределяет ограниченные пределы того левого, социалистического или социал-демократического проекта, который многие видят в качестве новой национальной идеи, способной сплотить российское большинство. Однако общество в целом пока не готово к каким-либо жертвам во имя общего блага или общих целей, то есть никакая мобилизационная идеология не может рассчитывать на поддержку большинства. Особенно это касается молодых и относительно молодых поколений россиян.

Вместе с тем, в последние несколько лет начались определенные подвижки в плане самоорганизации общества. Это не только «болотные» и «сахаровские» политически окрашенные акции, но и акции «синих ведерок», и «Химкинский лес», и многое другое. Это свидетельствует о том, что общество начинает просыпаться и, используя сетевые технологии, становится способным к ситуативной мобилизации вокруг конкретных проблем. Однако переоценивать подобную тенденцию пока явно преждевременно. Это всего лишь первые робкие побеги травы, вылезавшей из-под десятилетних асфальтных наслоений. А ведь именно на идеях самоорганизации, горизонтальных связей, противостоящих государственной вертикали, и формируется массовое социал-демократическое движение. В Европе локомотивом социал-демократии всегда были профсоюзы, а о состоянии и影响力的 современного российского профсоюзного движения даже и говорить неудобно. В этом качестве «левые» противостоят государственному «порядку». В нашей же общественно-политической практике, где никаких горизонтальных связей кроме социальных сетей пока не просматривается, *идея социальной справедливости четко коррелирует с идеей сильного государства.*

Это не означает, однако, что у партий социалистической направленности в России нет никаких перспектив. Напротив, движение в сторону социал-демократии налицо, но пока (думается, эта ситуация сохранится и в ближайшие 5-10 лет) социал-демократия все-таки останется не массовой идеей, не идеологией большинства, а идеологией продвинутой и активной среды крупных городов,

освоившей современные информационные технологии и стремящейся к образованию горизонтальных связей, в первую очередь в собственной среде — лево-либеральной образованной городской молодежи. Собственно говоря, именно эта среда составила основную массу московских и питерских протестных акций последних месяцев. Если посмотреть на настроения, доминировавшие на столичных протестных митингах, то была отчетливо видна лево-демократическая направленность большей части митингующих, где общедемократические лозунги сочетались с озлоблением в отношении олигархов и коррупционеров, «новых богачей». Весьма вероятно, что в оппозиционном меньшинстве, заинтересованном в общедемократических переменах, именно социал-демократические (или леволиберальные) идеи могут занять лидирующие позиции, сочетаясь с правозащитными лозунгами, и тем, что можно назвать «цивилизационным западничеством» — ориентацией на европейские социальные и политические ценности.

Об этом говорят и те результаты исследования (см. рис. 4.4), согласно которым большинство россиян мечтают о каком-то промежуточном строе, который бы не являлся ни капитализмом в его чистом виде, ни социализмом с его плановой экономикой и государственной собственностью. Идеалом для россиян является либо капитализм с элементами социалистических принципов, либо социализм с элементами рыночных отношений.

Рис. 4.4. Общественно-политический строй, в наибольшей степени, по мнению россиян, подходящий для России, %

Подобное соотношение носит достаточно стабильный характер. Так, по данным исследования ИС РАН 2003 г., 20% опрошенных хотели бы видеть в будущей России строй, основанный на рыночных отношениях, 16% — социалистический строй, какой был в СССР, и 53% — иной строй, который бы сочетал в себе элементы и рыночных, и социалистических начал.

На этом общем, скорее левом, фоне умонастроений большей части россиян, предпочитающих социальное равенство индивидуальной свободе, выделяется единственная группа, (ранее она была названа «правыми либералами»), в которой 79% предпочли общество индивидуальной свободы обществу социального равенства (см. ниже рис. 4.5). Общество индивидуальной свободы выбирают и правые государственники (66%). Выбор остальных групп — общество социального равенства. За него высказываются 57% левых либералов и 74% социал-консерваторов (левых государственников).

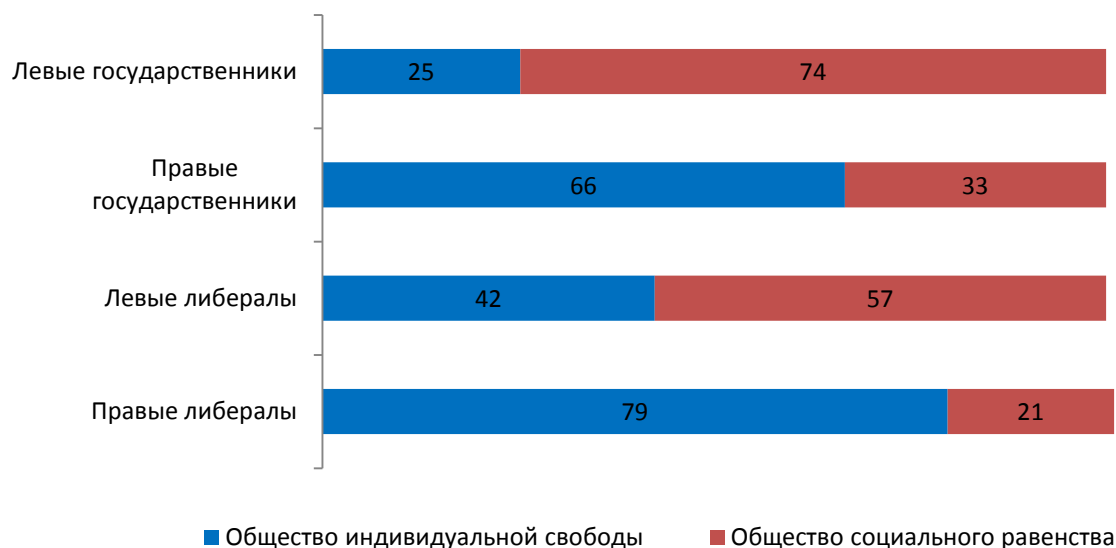

Рис. 4.5. Соотношение сторонников общества индивидуальной свободы и обществосоциального равенства среди групп, выделенных в соответствии с их представлениями о желаемом будущем России %

Как уже отмечалось ранее, поскольку основная часть социал-консерваторов, сторонников общества социального равенства сосредоточена в нижней части общественной пирамиды, то естественно, что с повышением места страты в социальной иерархии увеличивается и доля сторонников общества индивидуальной свободы — с 21% в самой нижней страте до 48-51% в двух самых верхних (см. рис. 4.6). Индивидуальную свободу выбирает, таким образом, «новая Россия», ее средний класс.

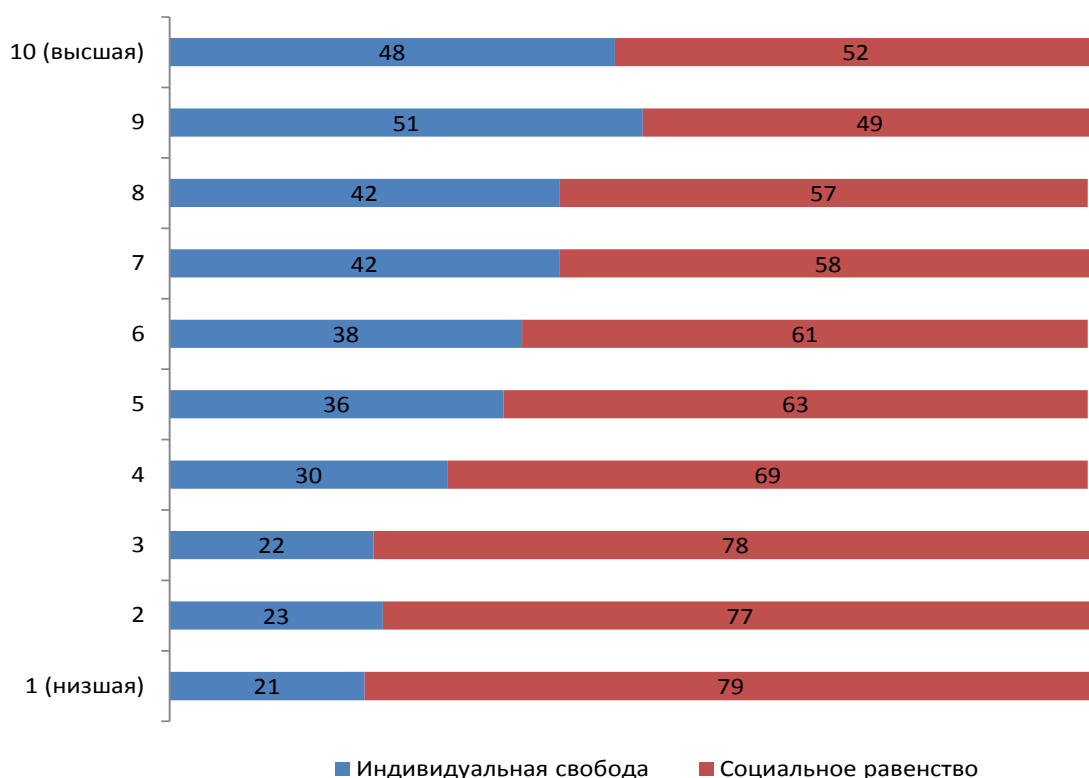

Рис. 4. 6. Соотношение сторонников общества индивидуальной свободы и общества социального равенства среди различных страт, %

Понятно, что такие характеристики как отношение к государству и социальному строю, который желательно установить в России, являются базовыми, но далеко не единственными элементами общественно-политической составляющей «русской мечты». Не менее важными ее чертами являются отношение к демократии и сильной власти, Западу и Востоку, национальному вопросу. Однако и эти характеристики подчинены общему тренду — постепенному процессу формирования в России устойчивого социально-экономического и государственного порядка, в ходе которого «*новорусская Россия*», представленная экономически самостоятельной частью общества, постепенно теснит не только остатки традиционной России, но и квази-традиционалистское большинство.

О подобном тренде свидетельствует ряд данных. Так, в ходе исследования респондентам было предложено выбрать несколько (до трех) лозунгов, которые в наибольшей степени выражают их личную мечту о будущем России.

Как видно из рис. 4.7, наибольшей поддержкой пользуются сегодня у россиян такие идеи как социальная справедливость (44%), права человека, демократия (28%), обеспечение стабильности и развития без потрясений (27%), возвращение России статуса великой державы (26%). Это неудивительно, учитывая наличие в обществе лево-государственнического большинства.

Рис. 4.7. Лозунги, выражающие личную мечту россиян о будущем страны, %
(допускалось до трех ответов, отранжировано по доле выбравших соответствующую позицию)

В то же время, «новая Россия» в своих мечтах и установках во многом противостоит этому большинству. Так, в таблице 4.2 жирным шрифтом выделены ценности, более характерные для «новой России», ее либеральных сегментов, а курсивом — для социал-консервативных сегментов (обычным шрифтом даны лозунги, поддержка которых не зависит от принадлежности к рассматриваемым группам). Как показывают данные таблицы, если среди социал-консервативной части общества доминируют мечты о социальной справедливости (49%), возвращении статуса великой державы (31%), обеспечении стабильности (28%), возвращении к моральным ценностям и традициям, проверенным временем (26%), то в либеральном сегменте на первое место выходит идея прав человека и свободы самовыражения (38-41%), а также социальной справедливости (32-46%). В 3,5 раза среди либералов (особенно правых) больше доля тех, для кого среди самых значимых лозунгов — сближение с Западом и современными развитыми странами (21% против 6% у социал-консерваторов).

Таблица 4.2

Лозунги и идеи, отражающие представления о будущем России основных мировоззренческих групп российского общества, %

Лозунги и идеи	Правые либералы	Левые либералы	Правые государственники	Левые государственники
Решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством	17	14	13	12
Сближение с Западом, современными развитыми странами	21	11	15	6
Свободный рынок, частная собственность	21	9	10	5
Права человека, демократия, свобода самовыражения	41	38	33	24
<i>Социальная справедливость, равные права для всех</i>	32	46	37	49
Обеспечение стабильности	22	24	28	28
Статус великой державы	21	22	23	31
Жесткая власть, способная обеспечить порядок	10	16	13	21
Возвращение к моральным ценностям, традициям, проверенным временем	7	22	14	26
Россия для русских, национальное государство	12	13	13	16
Революционное переустройство	3	3	3	2

Подобное разделение отражает объективное состояние «путинской» России, в которой был найден компромисс между «новороссами» и консервативным большинством, получившим социальные гарантии и ожидаемую стабильность. Сегодня этот компромисс подвергается ревизии, особенно со стороны «новороссов», недовольных засильем в стране государственной бюрократии

и связанным с ней правовым произволом. Кто бы ни стал государственным лидером России в обозримой перспективе, он будет вынужден снова искать контуры нового компромисса, поскольку существование либерального и консервативного сегментов общества является объективной реальностью и воспроизводится всем комплексом социально-экономических и социокультурных отношений. Всплеск политической активности населения на рубеже 2011–2012 гг. во многом оказался связанным с тем, что действующая власть стала в значительной степени терять поддержку «новорожденных», а в качестве ее опоры остаются социал-консерваторы (49% проголосовали за В. Путина) и правые государственники (48%). При этом среди правых либералов доля его сторонников упала до 31%. Фактически, если социал-консерваторы делали выбор между В. Путиным и г. Зюгановым, то правые либералы — между В. Путиным и М. Прохоровым. Именно среди либералов оказалось больше всего и тех, кто не принимал участия в выборах или вычеркнул всех кандидатов (39%) (см. таблицу 4.3).

Таблица 4.3

Голосование на президентских выборах в марте 2012 г. основных групп, выделенных в соответствии с их представлениями о желаемом будущем России, %

Кандидаты в президенты	Правые либералы	Левые либералы	Правые государственники	Левые государственники
В. Жириновский	8	7	8	6
Г. Зюганов	2	9	2	13
С. Миронов	0	4	2	2
М. Прохоров	19	13	14	6
В. Путин	32	42	48	49
Вычеркнули всех	2	2	3	3
Не принимали участия	37	23	22	22

В завершение раздела рассмотрим еще несколько содержательных позиций, находящихся в фокусе нашего внимания групп россиян, которые отражают их представления о будущем и настоящем. Очень важно, например, что есть позиции, по которым существует согласие представителей всех этих групп. Так, по вопросу о различиях в доходах даже полярные по другим параметрам группы в целом солидарны: большая часть опрошенных уверена в том, что различия в доходах в нынешней России слишком велики. С этим полностью или частично согласны 81% либералов и 85% социал-консерваторов. Данную позицию можно считать общественным консенсусом.

Также консенсусным для всех основных групп современного российского общества является идея о том, что все природные богатства должны принадлежать народу или государству как его представителю. С этим мнением согласились 87% опрошенных, в том числе даже среди правых либералов — 67%. Очевидно, что требование возвращения в собственность государства природных ресурсов является сегодня общенародным, своего рода национальной мечтой, с которой не могут не считаться власти.

Особо следует отметить и набор стереотипов и суждений, характерных прежде всего для самой многочисленной группы социал-консерваторов (левых государственников), но разделяемых и немалой частью правых либералов. Они являются данью традиционной российской культуре с ее сакрализацией роли государства, и национальному автостереотипу, в котором особенно значимое место занимают общинность и коллективизм. Все они собрали более 50% поддержки россиян в целом (см. таблицу 4.4). Особенно высокое одобрение получило суждение о том, что предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует национализировать (78%). С этим утверждением, что удивительно, готовы согласиться и либералы (65%). А вот первые четыре суждения в таблице 4.4 пользуются поддержкой либералов гораздо реже. С тем, что «все великие события русской истории следует рассматривать как служение России всему человечеству», готовы согласиться лишь 45% сторонников либерального пути развития России. С суждением о том, что «индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые нам, россиянам, не подходят», готовы среди них согласиться еще реже — в 39% случаев. Позицию «если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить» разделяют всего 33% сторонников либерального пути развития, а с суждением «правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства» — 38% сторонников либерального пути. Однако хотя и не составляющие большинства, эти доли столь велики, что наглядно свидетельствуют — у российских либералов, как и у всякой молодой в историческом отношении группы, что называется, «каша в голове».

Таблица 4.4

**Согласие / несогласие россиян с определенными суждениями-нормами,
% от определившихся с ответом**

Суждения	Согласны	Не согласны
Все великие события русской истории следует рассматривать как служение России всему человечеству	50	49
Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые нам, россиянам, не подходят. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство	54	46
Если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить	51	49
Правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства	50	50
Предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует национализировать	78	22

Возможно, именно в силу доминирования в массовом сознании россиян приведенных в таблице 4.4 норм, несмотря на достаточно жесткую критику, обращенную в адрес нынешней власти и проводимого ей курса, большая часть наших сограждан (63%) продолжает воспринимать общее направление движения страны как правильное, которое даст в перспективе положительные результаты. В наибольшей степени этот курс соответствует установкам правых либералов (72% поддержки), но и во всех остальных группах он превышает отметку в 50%. Наиболее низкие показатели поддержки у левых либералов — 54%, не случайно именно эта группа и доминировала на протестных митингах в декабре 2011 г.-марте 2012 г.

В равной степени сказанное касается и оценки нынешней власти. 76% опрошенных полагают, что «при всех ее недостатках, нынешняя власть все-таки заслуживает поддержки», и лишь 23% уверены в том, что «она должна быть заменена во что бы то ни стало». Последних также больше всего в группе левых либералов — 32%.

Идея необходимости в стране «жесткой руки», которая наведет порядок, даже в ущерб свободам и политической демократии, находит поддержку 63% опрошенных. Однако эта позиция не является консенсусной, так как с ней согласны лишь около 35% представителей либерального, «новорусского» сегмента общества. Зато мечту о твердой руке поддерживают 82% социал-консерваторов.

При этом все группы опрошенных в той или иной степени готовы согласиться с тем, что «Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире». Это традиционное представление о роли российского государства в последнее время все чаще оспаривается «новорусскими» группами, особенно молодыми русскими националистами, сторонниками создания национального русского государства европейского типа. Тем не менее, великодержавную позицию все еще разделяют 66% россиян, хотя дифференциация среди населения по этому вопросу значительна — среди государственников, как левых, так и правых, эта цифра достигает отметки, соответственно, 71% и 72%, а в либеральных сегментах общества ограничена уровнем в 52%.

5. Российская демократия в мечтах и в действительности

Анализируя процесс развития демократии в нашей стране, многие специалисты довольно скептически оценивают как современное ее состояние, так и ее перспективы. В различных международных рейтингах, характеризующих уровень политических свобод, Российская Федерация также находится далеко не на лидирующих позициях. Одни объясняют это нарастающей олигархизацией власти, другие — особенностями национального менталитета.

В частности, некоторые исследователи обращают внимание на тот факт, что в России, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, переход к демократии не сопровождался «революцией ценностей». Запрос на демократию был краткосрочным, и был обусловлен, главным образом, осознанием большинством граждан СССР того очевидного факта, что демократические политические режимы в Северной Америке и Западной Европе более эффективны с точки зрения развития экономики и социальных гарантий, чем система, существовавшая в стране последние 70 лет. Но как только выяснилось (а выяснилось это довольно скоро), что демократия сама по себе не гарантирует быстрого роста жизненного уровня населения, не спасает от административно-бюрократического произвола, произошел быстрый откат и разочарование в ее ценностях. Такая точка зрения, однако, лишь отчасти справедлива.

Действительно, подавляющее большинство россиян в конце 80-х — начале 90-х годов в переходе к демократии видело надежду на лучшую жизнь. Но эти надежды не сводились лишь к мечтам о потребительском изобилии. Запрос на свободу также был достаточно силен. Не случайно, даже спустя 25 лет после горбачевской перестройки, россияне признают важность реабилитации жертв сталинских репрессий, снятия запрета на публичную критику высших должностных лиц, расширение гласности и свободы слова, ликвидацию цензуры, демократизацию выборов и т. п. Сами же представления о демократии, особенно в конце 80-х годов, базировались на мечте о справедливо организованном обществе, которое виделось как российский аналог «государства всеобщего благоденствия», органически сочетающий, с одной стороны, активную роль государства в экономике, сильную систему социальной защиты, а с другой — невмешательство государства в частную жизнь граждан, политические и гражданские свободы. Совершенно ясно, что дистанция между этим идеалом и той реальностью, в которой жили люди в те годы, была огромной. Продолжала она оставаться таковой и в последующие годы.

Тем не менее, и в настоящий период, судя по результатам исследования, россияне имеют, если не мечту, то вполне отчетливо выраженное представление о том, что есть общественное благо, и какой должна быть модель демократии, чтобы его реализовать практически. Как уже отмечалось, на прямой вопрос: «Какая идея, лозунг в наибольшей степени выражает мечту о будущем России?», две первые позиции заняли «социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах» и «права человека, демократия, свобода самовыражения личности». В каком-то смысле данный запрос можно интерпретировать в качестве мечты, причем трудно достижимой, поскольку в нашей стране соединить идеи демократии, свободы, справедливости с идеей государственности, а ее, в свою очередь, трансформировать в эффективную дее-способную власть, до последнего времени еще никому не удавалось.

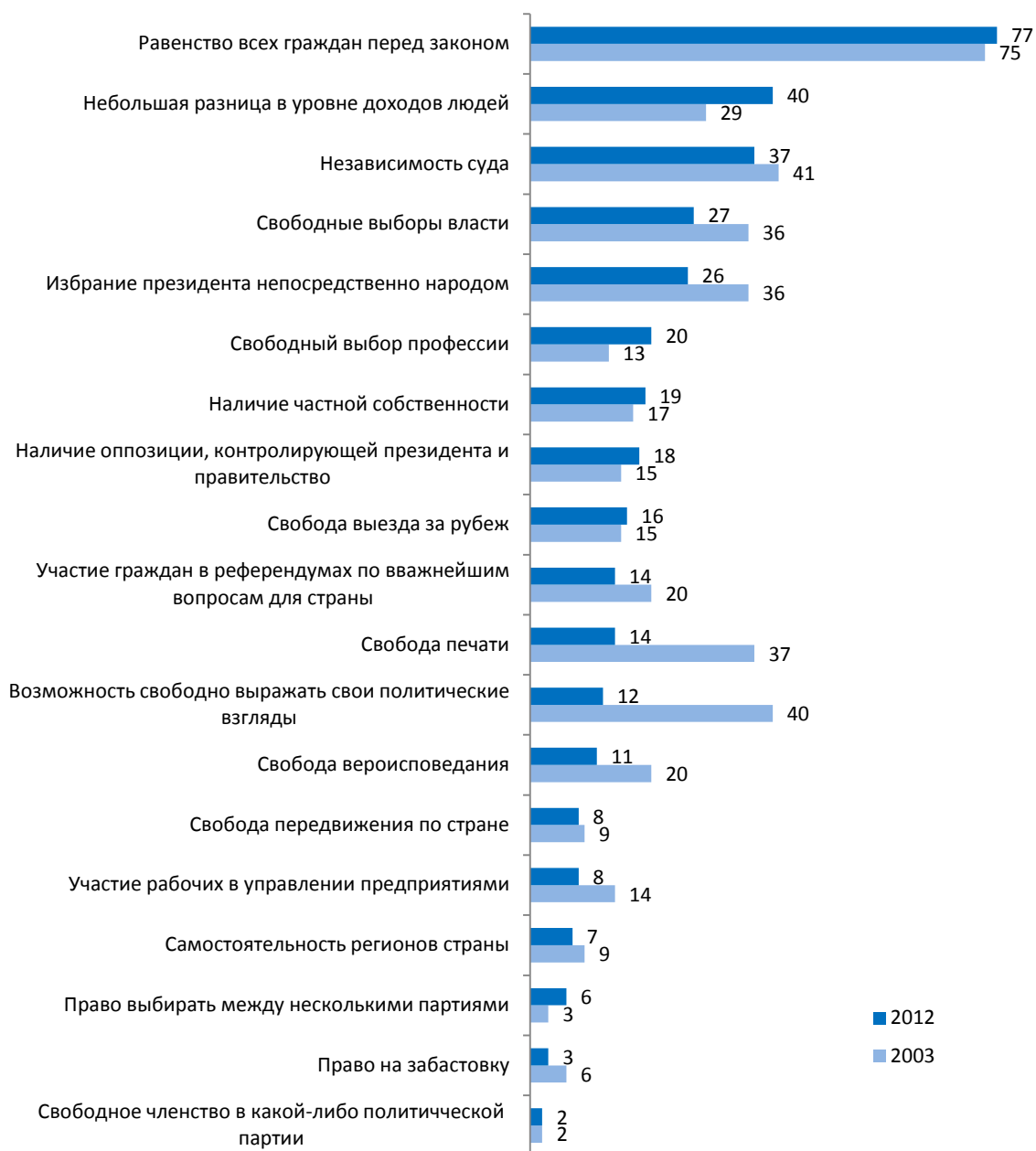

Рис. 5.1. Ответы на вопрос «Что из приведенного списка абсолютно необходимо для того, чтобы Вы могли сказать: «Да, это и есть то общество, в котором воплотились мои мечты о демократии»?», (2003 / 2012 гг.), %

Любопытно, что когда речь заходит о ключевых слагаемых демократически организованного общества, респонденты отмечают, в качестве приоритетных, те же позиции, только в иной последовательности. На первые два места они ставят (с огромной дистанцией от всех остальных) «равенство всех граждан перед законом» (эту позицию отметили 77% опрошенных) и «небольшую разницу в уровне доходов людей» (40%). Таким образом, можно констатировать, что желаемая модель и общественного устройства, и его демократического «оформления» базируются на двух «китах»: правовой защищенности граждан и социальной справедливости.

Причем запрос на правовое равенство, как необходимый атрибут демократии, был чрезвычайно устойчив все 2000-е годы, в то время, как запрос на более равномерное распределение доходов актуализировался лишь в последние годы. Есть все основания полагать, что идея «демократии равных возможностей» в будущем получит еще большее распространение, поскольку она является общемировым трендом, представляя собой новое видение демократии XXI века, главным предназначением которой становится обеспечение индивидуальных и групповых прав граждан, начиная от снижения уровня социального неравенства, и заканчивая расширением возможностей политического участия для более широких слоев населения, чем это имеет место в настоящее время (см. выше рис. 5.1).

На фоне указанных слагаемых демократии, все остальные актуализированы в гораздо меньшей степени. Это относится, в первую очередь, ко всему «пакету» политических прав и свобод, включая право на выборы в органы власти, независимые масс-медиа, наличие политической оппозиции, а также такие инструментальные права, как участие рабочих в управлении предприятиями, право на забастовку. Снижающийся интерес к некоторым аспектам демократии вполне закономерен и связан с тем, что многие права и свободы стали неотъемлемой частью повседневной жизни страны и не вызывают какой-то особой озабоченности. Это, например, относится к свободе перемещения, выезду за рубеж, свободе вероисповедания, наличию частной собственности, в известной степени — и к свободе СМИ. Большинство россиян не видят и каких-то особых препятствий для свободного выражения своих политических взглядов. 32% респондентов оценивают имеющиеся для этого возможности как «хорошие», 59% как «удовлетворительные», и лишь 8% как «плохие». А высоко обеспеченные респонденты и жители мегаполисов оценивают их еще выше (см. рис. 5.2).

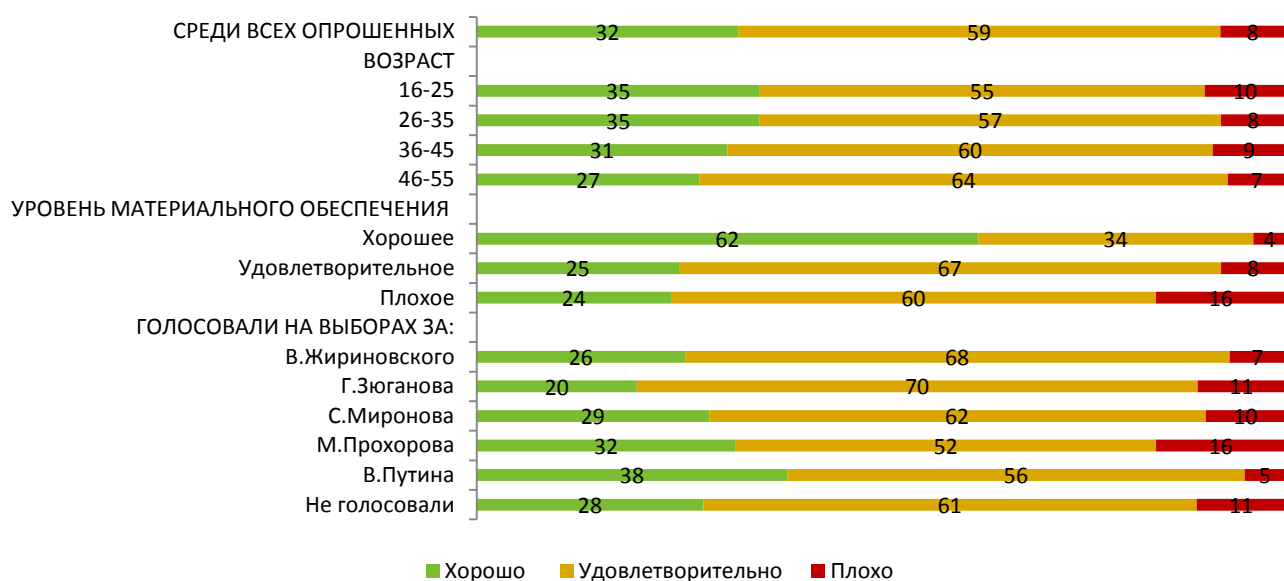

Рис. 5.2. Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете сегодня возможность свободно выражать свои политические взгляды?», %

Деактуализация же некоторых других аспектов демократии обусловлена иными причинами. Так, снижение интереса к выборным процедурам легитимации власти связано, прежде всего, с особенностями последних выборных кампаний в Государственную Думу и президента Российской Федерации, которые оставили у многих россиян неприятное «послевкусие». Выборы начинают восприниматься как формальность, если и нужная, то главным образом для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Кого и как при этом выбирают — особого значения не имеет. Что касается оппозиции, то ее системная, представленная в парламенте часть, многими гражданами воспринимается как часть властвующей элиты, роль которой заключается в том, чтобы направить общественное недовольство в нужное властям русло. А несистемная оппозиция вызывает пока настороженность. Затухающий же интерес к экономическим правам и свободам можно объяснить лишь невозможностью в нынешней России бороться за такие права легальными, законными способами.

Одновременно с этим, нельзя не признать и то, что многие права и свободы были в свое время, можно сказать, «дарованы» свыше и в обществе не сформировалось эмоционально окрашенное, бережное и даже отчасти религиозное отношение к ним и к демократии в целом, как у тех же американцев. Причем, не только у простых граждан, но и в элитных слоях. Как показывает опыт функционирования развитых демократий, именно элите, прежде всего, необходима вера в демократические идеалы, или хотя бы формальное следование демократической процедуре. Передача власти от Б. Ельцина к В. Путину, затем от В. Путина к Д. Медведеву, а теперь опять от Д. Медведева к В. Путину, лишь отчасти напоминала демократическое волеизъявление народа. Именно поэтому общество довольно равнодушно восприняло откат 2000-х, когда даже те небольшие завоевания демократии, которые были достигнуты ранее, по ряду направлений постепенно стали сворачиваться.

Рис. 5.3. Ответы на вопрос «Как Вы полагаете, оправдались ли надежды, мечты россиян на установление в стране демократического строя?», %

Как результат — лишь 27% опрошенных считают, что их надежды на установление в стране демократического строя в той или иной степени оправдались. Большинство же (74%) уверено, что они не оправдались. Чуть более оптимистично настроены респонденты из хорошо обеспеченных в материальном отношении групп и голосовавшие на прошедших выборах за В. Путина (см. выше рис.5.3).

Причем россияне, в отличие от многих отечественных и зарубежных экспертов, первопричину замедления движения России к демократии видят не в косности, инертности, неготовности общества к ней, а в выборе российского правящего класса, который предпочел демократии собственность и власть. Так считают 65% россиян. Существенно меньше тех, кто основную вину возлагает на само общество (27%). На общем фоне выделяются лишь сторонники М. Прохорова, более трети которых вину за несбывшиеся мечты о демократии возложили на общество (см. рис.5.4).

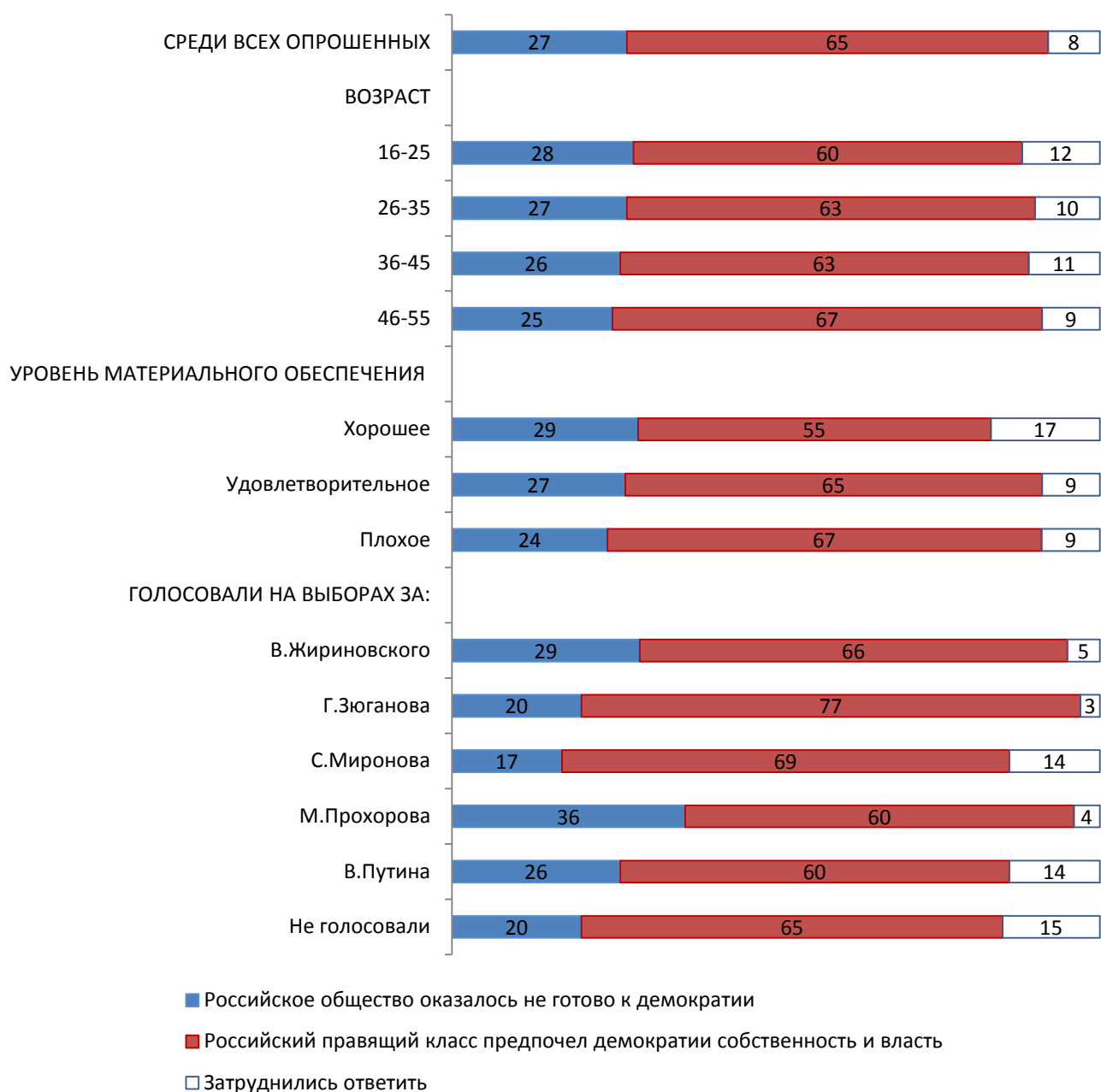

Рис. 5.4. Ответы на вопрос «Если надежды, мечты россиян о демократии не оправдались, то, как Вам кажется, почему?», %

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что у общества и политического класса разное видение перспектив российской демократии. Правящая элита, а также часть оппозиции настаивают на ее локализации лишь сферой политики и выборных процедур, тогда как у наших сограждан более широкий взгляд на желаемую модель демократии. В их представлениях *демократия — это, прежде всего, не имитационные, а работающие институты, эффективность которых должна определяться динамикой уровня и качества жизни, социальной защищенностью граждан, масштабами коррупции и т. п.* Как видно из данных на рис. 5.5, большинство наших сограждан привлекает в демократии надежда на установление такого социального порядка, который бы обеспечил реализацию социальных и экономических прав граждан. Такого мнения придерживаются 79% россиян, тогда как политические права и свободы считают приоритетными лишь 21%. Этот показатель несколько выше у молодежи, у респондентов, проголосовавших на прошедших выборах за М. Прохорова, а также хорошо материально обеспеченных. Но и в этих группах доля сторонников политической демократии не превышает 30–35%. Напротив, число индифферентных к политическим правам и свободам меньше всего в электоратах г. Зюганова и В. Путина. Не случайно эта тема в их предвыборных кампаниях практически не звучала (см. рис.5.5).

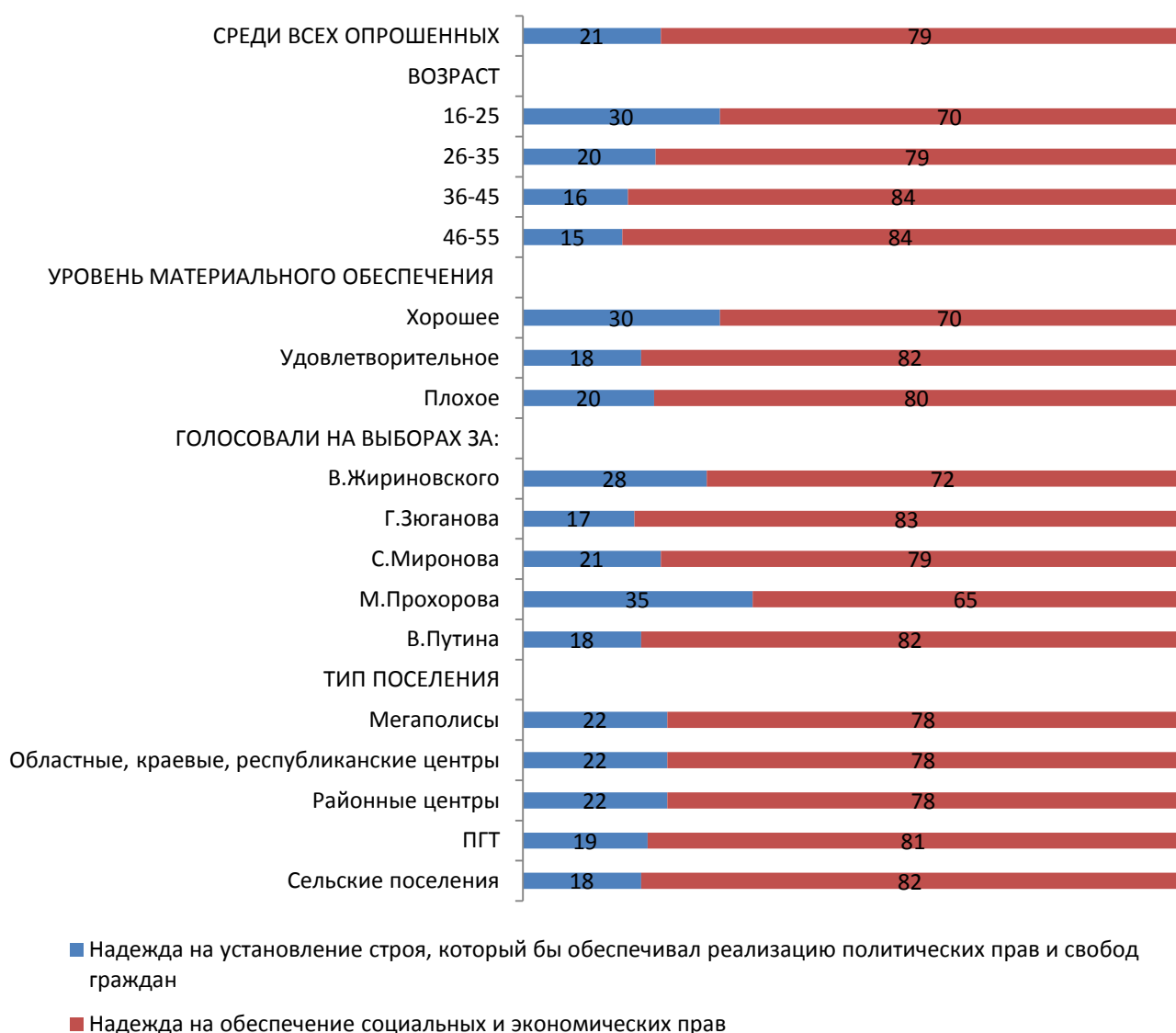

Рис. 5.5. Ответы на вопрос «Что, на Ваш взгляд, привлекает россиян в демократии?», %

В фиксации значимости социально-экономической компоненты демократии россияне отнюдь не одиноки. Исследования, проводимые во многих европейских странах, показывают высокий уровень корреляции между социальными завоеваниями трудящихся и «принятии» демократии обществом. Речь идет, прежде всего, о странах, где граждане на протяжении многих лет пользуются плодами социального государства (Голландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Швеция). Это одна из причин, почему, несмотря на постоянную критику неоконсерваторов, в этих странах, а также в большинстве других государств Западной Европы, никто от социальных завоеваний 60-х-70-х годов прошлого века отказываться не спешит.

Причем, как уже отмечалось, россияне эту социальную компоненту не сводят лишь к «толщине своего кошелька» и уровню доходов, а считают важным не декларативное, а реальное *обеспечение гражданам равенства возможностей*, когда индивиды, имеющие разный социальный опыт, разную систему ценностей, разные жизненные стратегии, могли бы сами выбирать сферу и способы приложения своих усилий.

Настоящая, а не формальная демократия, как свидетельствует мировой опыт, предполагает также более равномерное распределение богатств и ресурсов, чем это имеет место в современной России, контроль за экономической деятельностью крупных корпораций со стороны общества, особенно в тех случаях, когда эта деятельность способна нанести вред человеку и окружающей среде. Ложно и слишком буквально понятый лозунг «святости и неприкосновенности частной собственности» привел не только к череде катастроф с многочисленными человеческими жертвами, но и обусловил абсолютную закрытость и непрозрачность корпоративного сектора и рынка труда. Между тем, в мире накоплен огромный опыт правовых, политических форм воздействия на экспансионизм крупного бизнеса посредством легальных демократических институтов, начиная от профсоюзов и заканчивая СМИ и парламентами. Ничего из вышеперечисленного в реальности в России пока нет. Профсоюзы уже давно «играют» на стороне работодателей и государства, а право на забастовку, если руководствоваться нормами нового Трудового кодекса, практически *не реализуемо в законных, легальных формах*. Не случайно массовые выступления трудящихся, которые получили широкий резонанс (Пикалево, Междуреченск и т. п.), высшим руководителям государства пришлось «разруливать» лично.

Исследование показало, что в обществе есть довольно большой слой людей (свыше 20%) который понимает взаимосвязь экономических и политических прав, осознает, что именно уровень развития демократии в стране, в конечном счете, определяет возможность честно работать и зарабатывать. Из полученных данных отчетливо видно, что чем выше материальное положение и социальный статус граждан, тем сильнее у них запрос на политические права и свободы. И, соответственно, наоборот (см. ниже рис. 5.6). Учитывая тот факт, что в высокостатусных группах преобладает молодежь, городской средний класс, доля которого в социальной структуре общества постоянно растет, перспективы российской демократии не выглядят такими уж мрачными, как это иногда представляется.

Хотя нельзя не заметить и того, что большинство населения, повторяя вслед за Д. Медведевым, что «свобода лучше, чем несвобода», одновременно настаивает не только на укреплении роли государства во всех сферах жизни общества, но и на необходимости «твердой руки», которая обеспечивала бы в стране порядок. Такую «разновекторность» общественных установок можно объяснить

разными причинами. Например, возможной нестабильностью и неопределенностью, характерными для поствыборной ситуации в стране. Или тем, что россияне в массе своей воспринимают *понятия свободы, справедливости и порядка не как бинарные конфликтующие оппозиции, а как ценности, в равной степени необходимые для нормальной жизни страны и каждого отдельного человека.*

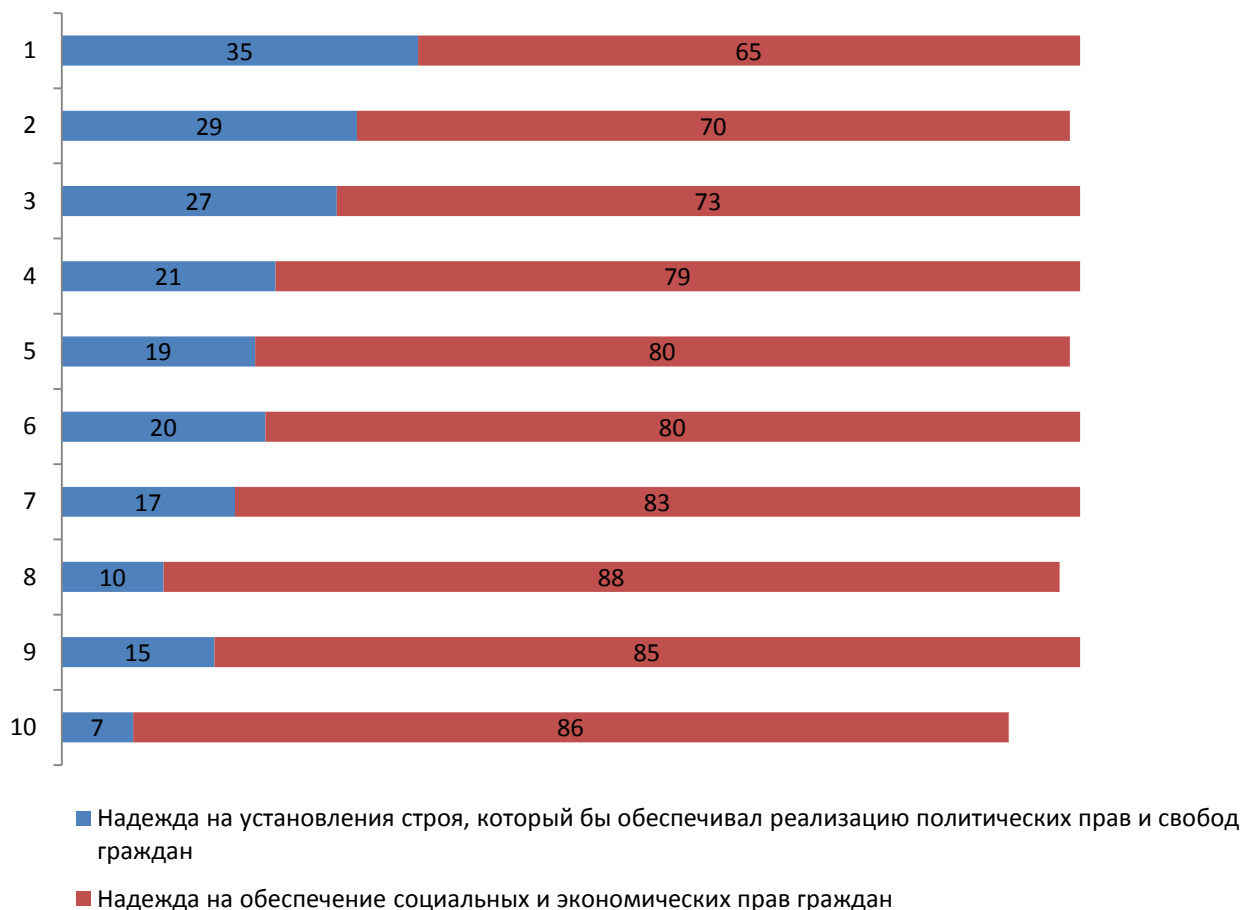

Рис. 5.6. Что привлекает в демократии представителей разных страт россиян, %¹

Но главная причина заключается в том, что в обществе появились новые линии размежевания, которые касаются не столько целей общественного развития, сколько методов их достижения. Все россияне хотят примерно одного и того же — законности, достатка, эффективно функционирующих институтов, морального оздоровления общества и т. д. Но если часть бизнеса, низовой бюрократии, бюджетников, городской молодежи готова поддержать достижение этих целей через демократизацию и либерализацию общественной и политической жизни, то «традиционалистские» слои вектор возможных изменений усматривают в усилении «порядка» путем жесткого, а в ряде случаев и силового подавления всех, кто якобы мешает властям этот порядок наводить. При этом чем ниже социальный статус и удовлетворенность жизнью, тем больше потребность в авторитарной власти. Если внизу своеобразной «социальной лестницы» сторонников «твердой руки» 79%, то на верхних ее «этажах» — 52%, что, впрочем, также не мало (см. ниже рис. 5.7).

¹ Сумма цифр по каждой страте может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

Рис. 5.7. Выбор между «твердой рукой» и политическими свободами в составе разных стран россиян, %¹

«Выборный сезон» 2011–2012 гг. в России не только пробудил протестное движение, но и обострил актуальность вопроса о ценностно-идейном единстве российского общества. Причем, в настоящее время размежевание в нем приобрело, как показало исследование, совершенно иную конфигурацию, чем это было 10–15 лет назад. Например, появились существенные различия в восприятии окружающей действительности различными группами населения, которых еще недавно не могло быть. Речь идет о появлении двух условных партий: «партии Интернета» и «партии телевидения». Гипотеза о наличии этих партий активистского меньшинства и традиционалистского большинства в настоящем исследовании получила эмпирическое подтверждение. Связано это, в первую очередь, с тем, что Интернет, а скорее даже социальные сети, являются на сегодняшний день наиболее эффективным механизмом массовой мобилизации, и во многом единственным реально действующим инструментом горизонтальных связей в социуме. Кроме того, очевидным является тот факт, что пользователи Интернета в гораздо большей степени осведомлены как о внутри-, так и о внешнеполитической обстановке, мыслят гораздо более критически, в большей степени склонны не только самостоятельно выбирать информационный продукт для себя, но и специфику его аналитического преподнесения.

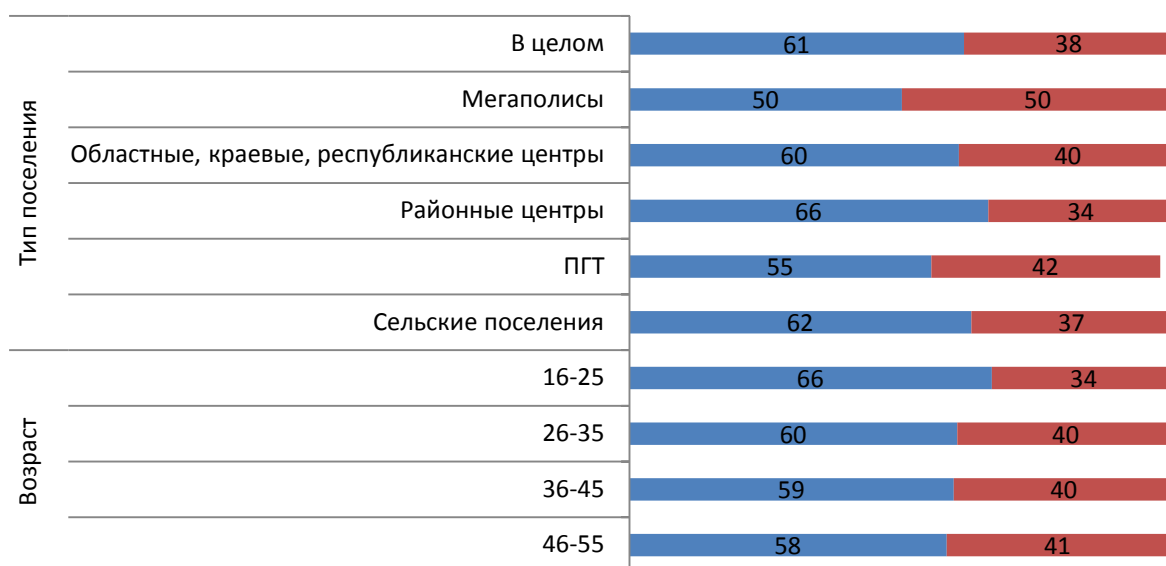
При этом активные пользователи Интернета настроены гораздо либеральнее тех, кто пользуется им редко или не пользуется вовсе. Различие во взглядах тех, кто пользуется Интернетом, и тех, кто делает это крайне нерегулярно или вообще не делает, проявилось и в блоке вопросов, касающихся ценностей свободы и демократии. Активные интернет-пользователи заметно чаще отдают предпочтение политическим правам и свободам, чем те, кто им не пользуется, и, напротив, существенно реже ориентированы на материальное преуспевание (см. ниже рис. 5.8).

¹ Сумма цифр по каждой стране может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

Рис. 5.8. Выбор в дилемме «свобода — смысл жизни» или «главное — это материальное благополучие», в зависимости от включенности респондентов в Интернет-технологии, %

Несмотря на то, что сторонников «сильной руки», «ручного управления» и сейчас практически в два раза больше, чем тех, кто ориентирован на либеральные и демократические ценности, голос последних в настоящее время слышен гораздо отчетливее, чем еще пару лет назад — и, возможно, это отчасти связано с распространением Интернета. Ведь если в начале 2000-х гг. активизмом отличались, прежде всего, пенсионеры и льготники — достаточно вспомнить массовые протесты против монетизации льгот — то для настоящего времени характерен рост участия со стороны молодежи, причем, материально обеспеченной. По данным исследования, сегодня чаще других о необходимости бороться за свои права говорят россияне в возрасте 16-25 лет, а о готовности приспосабливаться к существующей реальности, какой бы она ни была — представители средних и старших возрастных групп, хотя и среди последних большинство все-таки готово к борьбе за свои права. Одновременно опрос не подтвердил гипотезу о том, что «социальная боевитость» присуща в основном жителям мегаполисов. Ее уровень здесь даже ниже, чем в других типах поселений, включая село, райцентры и малые города, хотя в открытых формах эта готовность в российской провинции пока никак не проявлялась (см. рис. 5.9).

■ Чтобы отстоять свои интересы и права, необходимо за них активно бороться
■ Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней

Рис. 5.9. Выбор россиян в дилемме «за свои права надо бороться» или «нужно уметь приспосабливаться к реальности», %

Не менее существенным сдвигом в массовых умонастроениях можно считать изменение отношения общества, отдельных социальных групп к роли и месту оппозиции в политической жизни страны. Как уже отмечалось, лишь 18% опрошенных назвали оппозицию неотъемлемой составляющей демократического общества. Не случайно многие участники «Белого движения» не спешили соотносить себя с оппозицией. Это связано, прежде всего, с тем, что массовое сознание уже не ставит знака равенства между демократией и наличием оппозиции в качестве ключевого элемента системы сдержек и противовесов существующей власти. Если в 1998 г. 83% опрошенных считали, что настоящая демократия не может существовать без политической оппозиции, то в 2012 г. их доля сократилась до 61% (см. рис. 5.10).

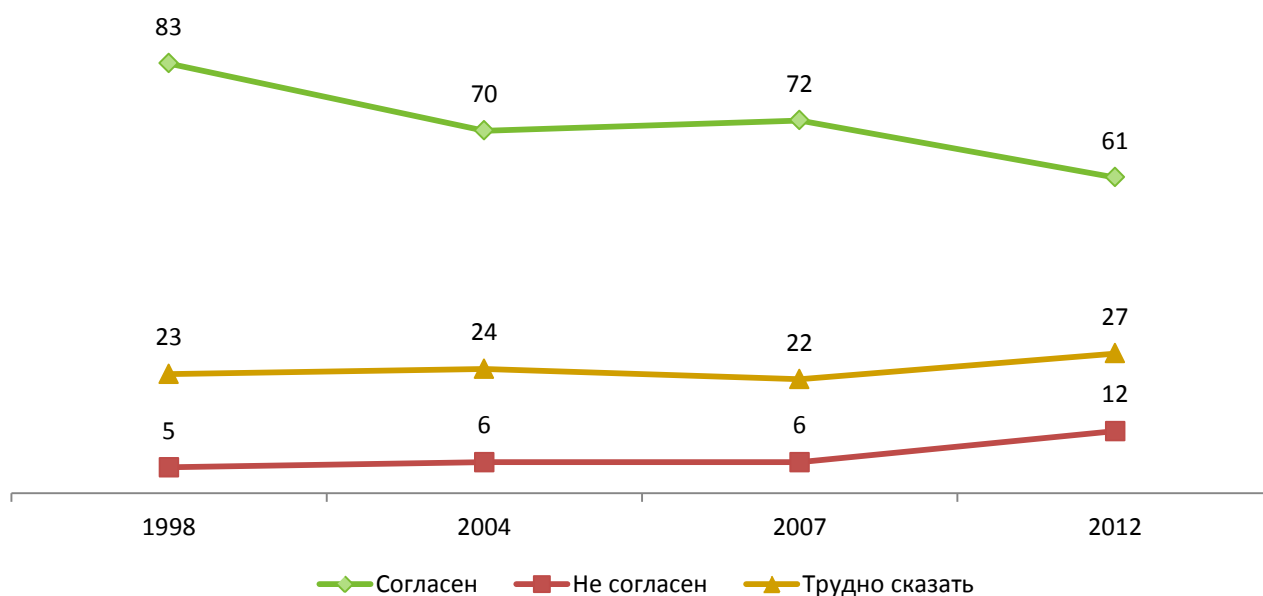

Рис. 5.10. Доля россиян, поддерживающих мнение о том, что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции, %

Такое снижение обычно объясняют, как уже отмечалось, тем, что системная часть оппозиции чрезвычайно сервильна, а несистемная — пока «далека от народа», не структурирована и не консолидирована. В действительности же главная причина состоит в ином — значительная часть общества сегодня уже просто не нуждается в посредниках и стремится самостоятельно донести свои требования до властей, действуя прямо и открыто. Во всяком случае, многих наши сограждане сегодня уже не смущает тот факт, что жесткие требования, выдвигаемые различными общественными группами правительству, могут нарушить общественную стабильность. Практически в два раза (с 61% до 32%) сократилась доля тех, кто согласен, что нужно быть умеренными при выдвижении требований к власти.

Еще больший радикализм демонстрируют наши сограждане в отношении акций прямого действия — демонстраций, забастовок. Чуть более 10 лет назад большинство россиян (60%) полагали, что граждане не должны иметь право на массовые выступления, если это как-то негативно скажется на общественной стабильности. Сегодня так считают лишь 37% (см. ниже таблицу 5.1).

Таблица 5.1

Динамика представлений россиян о границах воздействия граждан на власть, %

Жесткие требования различных общественных групп к правительству могут повредить всеобщему благополучию				
	1998	2004	2007	2012
Согласен	61	61	58	32
Не согласен	18	17	22	35
Трудно сказать	21	22	20	33
Гражданин не должен иметь право на забастовку и проведение демонстраций, если есть угроза общественному порядку				
Согласен	60	57	58	37
Не согласен	26	26	26	36
Трудно сказать	14	17	16	27

Это, с одной стороны, позитивный сдвиг в массовых настроениях, свидетельствующий о изживании патерналистских комплексов, упования на власть если не у всех, то у значительной части населения. С другой стороны, готовность бороться за свои права и интересы на фоне девальвации большинства легальных и легитимных форм политического участия (партии, профсоюзы и т. п.), не может не вызывать тревогу, особенно в ситуации наметившегося общественного раскола. При определенных обстоятельствах это может привести к конфликтному противостоянию «протестных активистов» не только с властью, но и с молчаливым большинством. Хотя возможен и другой сценарий — постепенное «перетекание» части этого большинства, еще недавно голосовавшего за В. Путина, в стан недовольных как по причине ухудшения социально-экономической ситуации в стране, так (если таковое произойдет) и стремительного разрастания социальных сетей, которые становятся не только главным мобилизующим ресурсом, но и наиболее эффективным механизмом распространения либеральных идей и воззрений.

Чтобы избежать этих рисков как раз и требуется адекватная новым вызовам времени реконструкция системы власти, расширение реальной демократии, способной побуждать толковых, неравнодушных людей к решению стоящих перед страной проблем.

6. О какой работе мечтают россияне

Согласно итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., почти 66 млн. человек (или 91%) экономически активных российских граждан в возрасте 15-72 лет составляют занятые в экономике¹. Будучи переведена на язык социологии, официальная статистическая информация свидетельствует о том, что *практически все россияне ходят на работу и проводят там большую часть своей жизни*. Иногда даже вопреки тому, что работа им не нравится и (или) неинтересна. Да и как иначе, если, по данным исследований Института социологии РАН, *именно работу 77% наших граждан считает главным источником средств существования, способом получения дополнительных заработков, фактором, предопределяющим размеры их доходов и уровень достатка*².

Одновременно для большинства россиян работа — это не только деньги, но и способ самоутверждения, повышения собственного профессионального уровня, возможность почувствовать себя нужным, воплотить в жизнь свои идеи, наконец, просто пообщаться с коллегами. Отказаться от всего перечисленного готовы немногие. На это указывают, в частности, результаты опроса экономически активных жителей РФ старше 18 лет, проведенного в октябре 2008 г. Исследовательским центром портала SuperJob.ru, согласно которым перспектива получать зарплату и при этом не ходить на работу прельстила только четверть опрошенных, тогда как 66% их оказались не готовы отказаться от удовольствий, связанных с ее посещением³.

Как бы то было, работа является одной из наиболее значимых сфер повседневной жизни наших сограждан и стабильно входит в число их важнейших приоритетов. Она же становится предметом всевозможных мечтаний, связанных с поиском идеального рабочего места, определением сфер профессиональной деятельности занятыми в которых российские граждане хотели бы видеть себя и своих детей и т. п.

¹ Экономическая активность населения // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество», № 491-492. 19-31 декабря 2011. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php>.

² Тихонова Н. Е. Жизненные проблемы и материальное положение россиян: вектор изменений // Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2011. – С. 89.

³ «Не ходить на работу – значит остановить свою жизнь», – считают россияне. URL: <http://www.hr-life.ru/news/1721>.

Что же представляет собой работа «в зеркале мечты»? Должна ли она быть обязательно интересной для человека, ее исполняющего? Обеспечивать возможности карьерного и профессионального роста? Отличаться хорошими условиями труда и достойной оплатой? Быть неустойчивой и оставлять время для отдыха, семьи и учебы? И существует ли такая работа вообще?

Один из распространенных мифов гласит, что идеальной работы не существует. На самом деле это не так. Вот только людские представления о ней сильно различаются, будучи опосредованы совокупностью факторов микро- и макро-уровня, и в этом смысле работы, которая подошла бы абсолютно всем, действительно, нет.

Согласно стереотипным представлениям, *работа мечты должна давать человеку возможность самореализоваться и получать при этом деньги, обеспечивающие ему (его семье) безбедное существование*. Иными словами, предел человеческого счастья — иметь такое «рабочее хобби», которое приносит не только моральное удовлетворение, но и достойный заработок. Однако желаемое и действительное нередко расходятся, а реальные жизненные практики заставляют людей делать выбор между работой, сулящей хороший заработок, но не приносящей удовлетворения (а иногда и морально подавляющей), и деятельностью интересной, разноплановой, дающей возможность развиваться и т. п., но низкооплачиваемой.

Применительно к работе можно говорить о существовании мечтаний разного уровня — *мечты идеальной, отражающей эмоциональный образ, формируемый представлениями россиян о том, «как хотелось бы», и мечты земной («как в реальности может быть»)*, *содержательно предопределенной характером тех жизненных ситуаций, в которых обнаруживает себя большинство населения*. Мечты первого типа основаны на желании. Они представляют собой некие грандиозные, идеализированные (и, как правило, социально одобряемые) цели, сулящие ощущение счастливой жизни. Можно сказать и иначе — это сверкающие «путеводные звезды», до которых наши сограждане хотят дотянуться, зачастую не представляя себе, как этого добиться, и возможно ли это в принципе. Это мечты в полном смысле данного слова, т. е. то, чего еще нет, и что мы представляем себе лишь тогда, когда не ограничиваемся тем, что есть в российской действительности «здесь и сейчас».

Мечты второго типа являют собой, по сути, весьма приземленные и более конкретные, ориентированные на результат, желания, выходящие за рамки воображаемого мира. Они имеют под собой твердую почву в виде мотива, основанного на реальной жизненной ситуации, например, проблемы, которую необходимо решить. Как будет показано дальше, в условиях пореформенной России мечты данного типа опосредуются, главным образом, беспокойной ситуацией на рынке труда, особенностями конкретного социально-исторического контекста, вынуждающего большинство наших соотечественников делать выбор в пользу хорошо оплачиваемых рабочих мест, нежели работы, «от которой поет душа». При этом вектор развития профессиональных ориентаций, модель мотивации трудовой деятельности, акцентируемые россиянами критерии предпочтения той или иной работы меняются в направлении от «движения к...» к «движению от...».

Неудивительно, что, будучи несхожи по характеру происхождения, *мечты идеальные и мечты земные, реальные расходятся между собой*. Вместе с тем, было бы неверно считать их полностью противоположными друг другу явлениями. Скорее, речь идет о различных взаимодополняемых аспектах восприятия российскими гражданами того, что происходит вокруг. Ведь, как известно, без реального нельзя существовать, а без идеального невозможно мечтать.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что, вопреки кризисным явлениям в экономике и провоцируемой ими неуверенности в завтрашнем дне, *идеальные (применительно к работе) мечты наших сограждан достаточно однозначны, хотя и не вполне стабильны во времени. При этом отличительной их чертой выступает преимущественный акцент на содержание трудовой деятельности и, в частности, ориентация на обретение интересной работы, дающей ему шанс реализоваться и применить на практике имеющиеся у него способности, причем ориентация, доминирующая над установками на заработок.* Свидетельством сказанному может служить, в частности, выбор респондентами одного из пары ценностных суждений, касающихся критериев предпочтения труда (см. рис. 6.1).

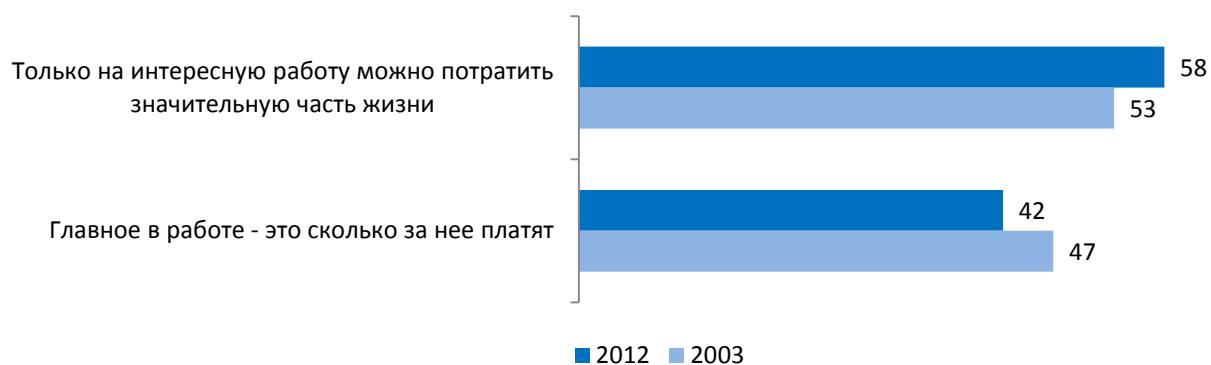

Рис. 6.1. Динамика отношения россиян к критериям предпочтения труда, 2003/2012 гг., %

Из данных, представленных на рис. 6.1, видно, что в настоящее время, как и без малого десять лет назад, большинство опрошенных заявляет, что готово потратить жизнь только на интересную работу. Более того, за последнее десятилетие доля таковых выросла, а численность сторонников противоположной точки зрения сократилась на 5%.

Заметим, что ценность интересной работы доминирует во всех возрастных когортах без исключения (см. рис. 6.2). В то же время порядка 42% опрошенных полагают, что главное в работе — это то, сколько за нее платят. Показатель по данному критерию несколько ниже среднего лишь у представителей возрастной группы 18–25 лет.

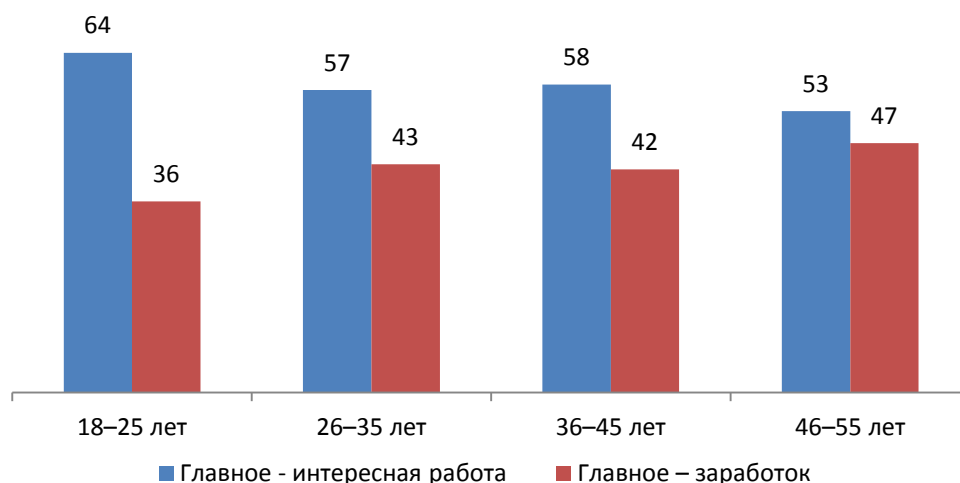

Рис. 6.2. Критерии предпочтения труда представителями различных возрастных когорт, %

Учитывая приведенные данные, можно утверждать, что в условиях пореформенной России типичная для ее граждан *мечта об идеальной работе отражает значимость труда как ценности, позволяющей заниматься тем, что им нравится*. Как результат, работа воспринимается ими, главным образом, как способ самореализации личности, возможность следовать своим «я хочу» вместо «я должен», как средство получения удовлетворения зачастую без жесткой «привязки» к уровню материального вознаграждения.

Следует заметить, что помимо возраста, практически никакого влияния на восприятие работы не оказывают такие потенциальные факторы-дифференциаторы, как место проживания, тип населенного пункта, а также социально-профессиональная принадлежность респондентов. Независимо от указанных характеристик опрошенные отдают предпочтение интересной работе. Так, например, более важное, нежели характер и содержание выполняемой работы, значение фактора оплаты труда имеет только для специалистов рабочих профессий. Представители же всех остальных профессиональных категорий и учащиеся предпочитают интересную работу. Наименьшее значение материальный интерес — размер заработка имеет для руководителей и заместителей руководителей предприятий и учреждений, большинство которых (71%) убеждено в том, что куда более важным является то, насколько интересна их работа. Подобным образом мыслят и специалисты, работающие в должностях, предполагающих высшее образование, в т. ч. офицерский состав армии, МВД и прокуратуры: лишь 30% из их числа считают более важным размер заработной платы. Готовность потратить свою жизнь исключительно на интересную работу демонстрирует и большинство студенческой молодежи (70%).

Картина меняется в том случае, когда речь заходит о втором типе мечтаний россиян о работе — то есть о *мечтах земных* или вынужденно опосредованных жизненными обстоятельствами (см. рис. 6.3). Реальный социальный контекст, в котором протекает их жизнь, заставляет наших сограждан снимать «розовые очки» и возвращаться на землю.

Рис. 6.3. Требования, предъявляемые россиянами к идеальной работе, %¹

¹ Допускалось до трех вариантов ответа.

Прежде всего, отметим, что, как и в предыдущие годы, триада требований, предъявляемых россиянами к идеальной, с их точки зрения, работе образуется такими ее характеристиками как *размер заработной платы, содержательность и предопределяемая ею способность быть интересной*, а также *хорошие условия труда*. Иными словами, большинство наших соотечественников мечтает о хорошо оплачиваемой работе, интересной для них и осуществляемой в комфортной обстановке. Очевидно, что как «идеальные», так и «земные» мечты российских граждан, касающиеся предпочитаемого ими рабочего места, предполагают обращение к категории «интерес к работе», однако, во втором случае данный критерий уступает место высоким заработкам.

Желание, чтобы их труд хорошо оплачивался, высказывает подавляющее большинство россиян (82%). Данный ответ наиболее популярен среди респондентов, независимо от их пола, возраста и места жительства (см. таблицу 6.1).

Преимущественное внимание к материальным аспектам потенциальной работы-мечты вполне объяснимо и опосредуется совокупностью экзогенных изменений, произошедших за годы реформ в социально-экономической жизни российского общества. И, прежде всего, тем, что в условиях постсоветской России, где проблемы реформирования социума ставились в условиях глубокого экономического кризиса, эскалации безработицы и удорожания жизни, развития процессов пауперизации и т. п., одно из доминирующих среди прочих жизненных ценностей мест заняли ценности достатка и бытового комфорта, обеспечиваемые, главным образом, за счет осуществления трудовой деятельности.

Значимость величины заработной платы как главного и доминирующего среди прочих фактора трудоустройства подтверждается, в частности, и результатами всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в апреле 2012 г. Согласно полученным специалистами Центра данным, больше половины россиян (55%) хотели бы сменить рабочее место. При этом основной (35% работающих респондентов) причиной недовольства имеющейся работой являлась низкая зарплата¹.

Таблица 6.1

Требования, предъявляемые к идеальной работе представителями разных социальных групп, % от соответствующей группы²

Каким требованиям должна отвечать идеальная работа	Возраст			
	18-25 лет	26-35 лет	36-45 лет	46-55 лет
Интересной для них	66,1	53,0	48,0	46,2
Обеспечивающей возможность сделать быструю карьеру	14,6	7,3	6,6	4,4
Обеспечивающей возможности профессионального роста	23,7	22,5	13,4	11,6
Разнообразной, творческой, предполагающей инициативу	15,6	14,1	16,0	14,8
Полезной обществу	10,4	10,5	14,6	14,1
Хорошо оплачиваемой	77,1	82,3	84,2	83,7

¹ Охота к перемене мест, или почему россияне хотят сменить работу. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112754>.

² Допускалось до трех вариантов ответа. В таблице не указаны те, кто вообще не хочет работать ни на какой работе.

Продолжение таблицы 6.1

Каким требованиям должна отвечать идеальная работа	Возраст						
	18-25 лет		26-35 лет		36-45 лет		46-55 лет
С хорошими условиями труда	29,9		34,8		44,5		47,9
Престижной	15,8		10,9		7,8		5,4
Оставлять много времени для других занятий (отдыха, семьи, учебы)	10,8		14,1		9,4		16,0
Не утомительной	7,5		9,8		10,8		11,6
Каким требованиям должна отвечать идеальная работа	Пол						
	Мужской				Женский		
Интересной для них	51,8				55,5		
Обеспечивающей возможность сделать быструю карьеру	10,9				6,4		
Обеспечивающей возможности профессионального роста	17,1				18,9		
Разнообразной, творческой, предполагающей инициативу	13,6				16,4		
Полезной обществу	12,8				11,8		
Хорошо оплачиваемой	80,7				82,5		
С хорошими условиями труда	37,4				40,0		
Престижной	10,0				10,4		
Оставлять много времени для других занятий (отдыха, семьи, учебы)	10,4				14,2		
Не утомительной	9,8				9,9		
Каким требованиям должна отвечать идеальная работа	Населенные пункты						
	Город с населением, чел.					ПГТ	Село, деревня
	> 1 млн.	500 тыс.– 1 млн.	250 тыс.– 500 тыс.	100 тыс.– 250 тыс.	< 100 тыс.		
Интересной для них	48,9	63,6	58,2	53,3	58,5	50,5	50,3
Обеспечивающей возможность сделать быструю карьеру	11,0	10,2	7,7	11,3	6,2	4,5	7,7
Обеспечивающей возможности профессионального роста	24,3	20,3	16,5	22,7	18,5	19,8	10,6
Разнообразной, творческой, предполагающей инициативу	15,2	17,6	25,3	22,0	11,8	14,4	12,7
Полезной обществу	12,3	15,0	6,6	19,3	8,1	8,1	14,1
Хорошо оплачиваемой	74,3	78,1	85,7	88,0	81,5	78,4	86,9
С хорошими условиями труда	35,0	40,1	35,2	30,7	39,2	39,6	44,1
Престижной	9,4	8,6	11,0	12,7	7,8	9,0	12,7
Оставлять много времени для других занятий (отдыха, семьи, учебы)	14,7	15,0	16,5	6,0	12,9	13,5	10,6
Не утомительной	10,7	3,2	11,0	8,7	9,0	6,3	13,3

Данные таблицы 6.1 показывают, что при всем сходстве общих тенденций значимость каждого из трех основных (как, впрочем, и второстепенных) критериев выбора идеальной работы неодинакова для респондентов, проживающих в разных типах поселений. Так, повышенные требования в части высокого заработка характерны в большей степени для жителей сельской местности (86,9%). Их убежденность в том, что идеальная работа должна хорошо оплачиваться, разделяют и те, кто проживает в городах с населением 100 тыс. - 250 тыс. (88%) и 250 тыс. - 500 тыс. (85,7%), и, в меньшей степени, жители городов с населением менее 100 тыс. (81,5%) человек. В то же время, признавая значимость достойной оплаты труда, жители мегаполисов менее требовательны в этом отношении (74,3%).

Примерно аналогичная ситуация складывается и тогда, когда речь заходит о хороших условиях труда. Данные обстоятельства указывают на свойственную современному российскому рынку труда ярко выраженную территориальную дифференциацию количественных и качественных показателей занятости, находящую отражение в массовом сознании россиян, и, в том числе, на наличие внутри него узких и депрессивных сегментов, резко ограничивающих возможности трудоустройства и поиска достойного рабочего места.

Характер восприятия россиянами идеальной работы не опосредуется существенно и гендерной принадлежностью респондентов. И мужчины, и женщины мечтают, прежде всего, о высоко оплачиваемом и интересном для них рабочем месте. Некоторые различия по данному показателю фиксируются лишь в отношении *возможностей карьерного роста*, более значимых для мужчин (10,9%), нежели женщин (6,4%). Кроме того, что вполне естественно, более значимо для женщин, чем для мужчин то, что идеальная работа — это *работа, оставляющая время для других занятий, в том числе для семьи* (14,2% против 10,4% соответственно).

Говоря о возрастных различиях в восприятии идеальной работы, стоит отметить следующее: молодежь в большей степени (нежели иные выделенные по критерию возраста группы) ориентирована на обретение *интересной работы* и *несколько меньше* (особенно очевидное в группе респондентов 18-25 лет) выражено *стремление к высоким заработкам*. В целом предпочтения молодых людей в части, касающейся той работы, которую они хотели бы получить, достаточно устойчивы (см. ниже рис. 6.4).

Данные, представленные в таблице 6.1, позволяют утверждать, что, помимо отмеченных выше, между требованиями, предъявляемых к идеальной работе, между представителями старшего и молодого поколений существуют и другие отличия. Во-первых, *с увеличением возраста снижается значимость возможностей быстрого карьерного и профессионального роста* (14,6% против 4,4% и 23,7% против 11,6% в группах 18-25 и 46-55 лет соответственно). Во-вторых, *очевидное различие запросов, предъявляемых к работе-мечте представителями молодежи и старшего поколения, фиксируется в отношении к условиям труда*. Разумеется, хорошие условия труда значимы для представителей всех выделенных возрастных групп, однако, внимание к ним старшего поколения заметно выше (29,9% против 47,9% в группах 18-25 и 46-55 лет соответственно).

Для показателя «престижности» выполняемой работы характерна обратная тенденция — убывания значимости по мере увеличения возраста респондентов. При ответе на вопрос о требованиях, предъявляемых к идеальной работе, данный критерий упомянули 16% молодежи, и лишь 5,4% представителей 46-55-летних респондентов.

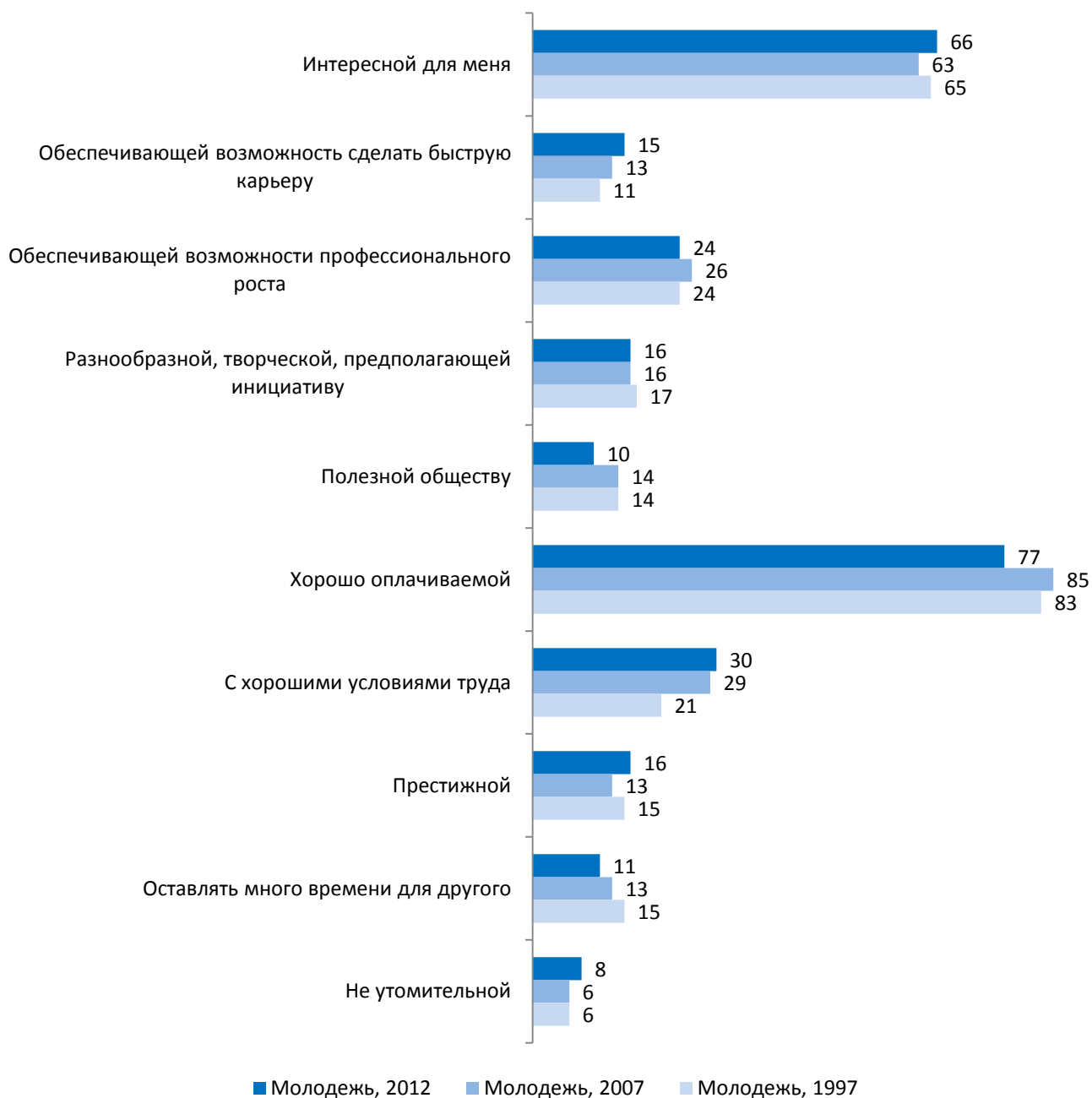

Рис. 6.4. Требования, предъявляемые к идеальной работе российской молодежью, 1997/2012 гг., %

Некоторые изменения в типичном для россиян рейтинге критериев оценки идеальной работы фиксируются при обращении к ответам респондентов, представляющих разные социально-профессиональные группы. Так, если речь идет о *предпринимателях*, то большинство их, несомненно, выдвигает в качестве двух основных условий, которым должна соответствовать идеальная работа, высокий заработок (81,3%) и способность вызывать интерес (56,3%). Однако на третьем месте оказывается требование быть полезным обществу (31,3%), тогда как наличие хороших условий труда и престижность занимают вкуче четвертую позицию (25%). Для *работников торговли и сферы бытовых услуг* условия труда, наоборот, более значимы, а потому оказываются на втором (49,8%) — после хорошей оплаты (84,6%) — месте. Аналогичная ситуация наблюдается и при обращении к группе *рабочих 3-4 разряда*. Для *студентов техникумов, колледжей*,

учеников старших классов школ, лицеев фактор престижности играет большую, нежели среда, в которой будет протекать трудовая деятельность, роль. По этой причине триаду базовых требований, предъявляемых к идеальной работе, замыкает в данном случае именно он (22,8%). В группах *руководителей, заместителей руководителей предприятий и учреждений, специалистов на должностях, предполагающих высшее образование, самозанятых*, а также *студентов высших и средних учебных заведений* отмечается несколько более высокая, чем в среднем, значимость возможностей профессионального роста на рабочем месте (28,9%, 26,6%, 18,5%, 20,8%, 31,9% соответственно).

Обретение работы-мечты вряд ли можно назвать главной жизненной целью россиян: по данным проведенного исследования, устроиться на нее мечтают лишь 7,2% опрошенных. При этом данное стремление характерно, в первую очередь, для представителей молодежи 18-25 лет (11,2%). По мере увеличения возраста респондентов интерес к хорошей работе уменьшается. Более других мечтают об удачном трудоустройстве жители городов с населением 250 тыс. — 500 тыс. человек (12,1%), а также не работающие из-за семейных и личных обстоятельств (21,4%) (см. таблицу 6.2).

Таблица 6.2

Мечты об удачном трудоустройстве как главной цели жизни в разных социальных группах, % от соответствующей группы

Возраст							
18-25 лет		26-35 лет		36-45 лет		46-55 лет	
11,2		6,6		6,1		4,2	
Пол							
Мужской				Женский			
7,4				7,1			
Населенные пункты							
Город с населением, чел.						ПГТ	Село, деревня
> 1 млн.	500 тыс.– 1 млн.	250 тыс.– 500 тыс.	100 тыс.– 250 тыс.	< 100 тыс			
5,6	9,1	12,1	8,7	7,3		7,2	6,2
Социально-профессиональный статус							
Предпри- матели, имею- щие наемных работников	Руководители, заместители руководите- лей пред- приятий или учреждений	Руководители среднего или низшего звена	Специалисты на должно- сти, пред- полагающей высшее об- разование	«Самозанятые» или имеющие чисто семей- ный бизнес	Служащие	Рядовые работник торговли или сферы бытовых услуг	Рабочие высокой квалифи- кации (от 5 разряда)
6,3	5,3	4,7	3,6	0,0	7,3	8,5	6,5
Социально-профессиональный статус (продолжение)							
Рабочие (3-4 раз- ряд)	Рабочие (1-2разряд и без раз- ряда)	Студенты вузов	Студенты техни- кумов, колледжей, ученики старших классов школ, лиц- ев и т. п.	Неработающие пенси- онеры, в т. ч. неработа- ющие пенсионеры по инвалидности	Не рабо- тают из-за семейных и личных обстоя- тельств	Безработные и ищущие работу	
8,2	6,1	11,9	11,9	0,0	21,4	8,3	

Возможно, это связано с тем, что, оценивая текущую ситуацию с работой, большинство наших соотечественников (56%) определяет ее как «удовлетворительную», а еще 30% — как «хорошую», что, в общем, соответствует показателям десятилетней давности (см. рис. 6.5).

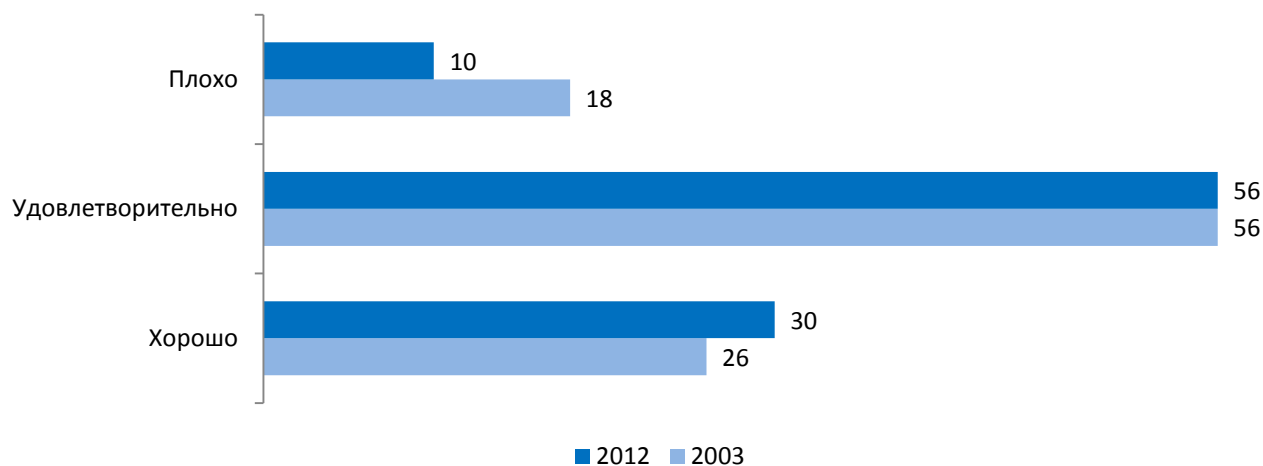

Рис. 6.5. Динамика оценки россиянами ситуации на работе, 2003/2012 гг., %¹

Однако существующее положение дел может быть опосредовано и другими причинами. Например, достаточно нервной и напряженной ситуацией, сложившейся на отечественном рынке труда, в том числе и под воздействием последствий финансового кризиса 2008–2009 гг., который, серьезно ограничил личные амбиции россиян, готовых сегодня мириться и с меньшими возможностями профессионального роста, и с менее интересными задачами, и с отказом от поиска «лучшей доли», лишь бы удержаться на устраивающем их месте и не сильно потерять в зарплате. Кроме того, преимущественная ориентация на тактику удержания «синицы в руках» может быть обусловлена и свойственными рынку труда России структурными деформациями, отличающей его очевидной диспропорцией трудовых ресурсов, не позволяющими нашим согражданам предаваться «пустым мечтаниям», надеяться на обретение лучшего рабочего места, нежели то, которое они имеют сегодня.

Одновременно ситуация с мечтой об идеальной работе не так однозначна, как может показаться на первый взгляд. Ведь более всего (40%) россияне мечтают жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, не «считая копейки», что означает для большинства из них необходимость много трудиться, причем на той работе, которая приносила бы достойный доход. А посему, случись им выловить «золотую рыбку», 15% респондентов попросили бы ее помочь им найти достойную работу и сделать карьеру.

В условиях современной России работа играет значимую роль в поляризации жизненных шансов ее граждан. Учитывая это, россияне чутко реагируют на происходящее в экономике и различных сегментах национального рынка труда, проявляя большой интерес к тем видам и сферам профессиональной деятельности, занятость в которых могла бы, по их мнению, стать залогом стабильного и относительно безбедного существования.

¹ На рисунке не указаны затруднившиеся с ответом.

В каких областях мечтают работать наши соотечественники, и какие сферы занятости выбирают они для своих детей? Анализ полученных данных позволяет утверждать, что в обоих случаях «вкусовые предпочтения» россиян достаточно согласованы, но не вполне тождественны друг другу (см. рис. 6.6).

Рис. 6.6. Области профессиональной деятельности, в которых мечтают работать россияне, и которые они предпочитают для своих детей, %¹

Прежде всего, отметим незначительную долю тех, кто мечтает не работать вообще (6%) или мечтает о том, чтобы не работали их дети (2%). Это обстоятельство еще раз подчеркивает значимость работы (как и ее наличия) в практиках повседневной жизни современных россиян.

Мечты наших сограждан о предпочтительных сферах трудовой деятельности, которые выбираются ими для себя и своих детей, вполне содержательны и довольно конкретны: так, рассуждая о себе лично, затруднились с ответом на данный вопрос лишь менее 1% респондентов. Несколько выше (3,4%) оказалась доля тех, кто сомневался в выборе для своих детей.

Другой установленный факт: *россияне рационально или интуитивно осознают происходящее на отечественном рынке труда, чувствуют основные тенденции его развития и способны в какой-то мере прогнозировать будущее, выбирая (особенно для своих детей) те области профессиональной деятельности, занятость в которых будет востребована, привлекательна и престижна (не только в материальном, но и в статусном смысле) в долгосрочной перспективе.*

¹ Допускалось до трех вариантов ответа по каждой колонке («для себя» и «для своих детей»). На рисунке не указаны затруднившиеся с ответом.

Как известно, переходный период и процессы масштабного реформирования существенно трансформировали отраслевую структуру российской занятости, что выразилось в заметном сокращении удельного веса занятых в промышленности, науке и научном обслуживании, сельском хозяйстве и т. п. при увеличении доли занятых в торговле, на транспорте и в связи, ЖКХ, здравоохранении, кредитно-финансовом обслуживании, аппарате органов управления, т. е. в основном в непроизводственной сфере. Возникла очевидная диспропорция трудовых ресурсов, производная от порожденного асимметрией информации неэффективного поведения домохозяйств при вложении в образование. Как следствие, острая нехватка одних категорий рабочей силы сопровождалась избытком других.

Во многом подобное положение дел остается актуальным и сегодня. Однако отмеченная выше тенденция рационализации восприятия россиянами желаемых областей и сфер профессиональной деятельности, постепенного сближения их представлений о том, где хотелось бы работать, со структурой потребностей национального рынка труда в работниках по отраслям экономики, позволяет надеяться на улучшение ситуации.

Немалую роль в этом сыграли годы экономической нестабильности, финансово-экономический кризис 2008–2009 г. и спровоцированные ими волны сокращений, вынудившие многих российских граждан пересмотреть свой профессиональный путь и переориентировать связанные с ним мечты. Как следствие, наши сограждане видят себя в будущем не только финансистами и банкирами.

Несомненными лидерами желаний и стремлений россиян выступают (в порядке убывания): *промышленность, энергетика, транспорт и строительство* (26% опрошенных), *отрасли социально-культурного комплекса (образование, наука, здравоохранение и культура — 25%)*, а также — *финансово-кредитная, маркетинговая, консалтинговая и т. п. сферы деятельности*, разделяющие третью — с *государственным и муниципальным управлением* — позицию (по 15% соответственно). Любопытным в связи с этим выглядит распределение респондентов по областям деятельности, в которых они заняты в настоящее время (см. рис. 6.7).

Рис. 6.7. Распределение респондентов по сферам профессиональной деятельности, %

Сравнение данных, представленных на рис. 6.7, с рейтингом тех областей деятельности, о занятости в которых наши соотечественники мечтают лично для себя, демонстрирует определенную рассогласованность «того, что есть» и «того, к чему хочется стремиться».

За редким исключением личные предпочтения в отношении выделенных (как, впрочем, и других) сфер занятости практически не испытывают на себе влияния таких характеристик как пол, возраст, место жительства и социально-профессиональная принадлежность респондентов (см. таблицу 6.3).

Таблица 6.3

Области профессиональной деятельности, в которых мечтают работать россияне, представляющие разные социальные группы, % от соответствующей группы¹

	Возраст			
	18-25 лет	26-35 лет	36-45 лет	46-55 лет
Промышленность, энергетика, транспорт, строительство	23,1	27,0	27,3	27,7
Сельское и лесное хозяйство	6,2	7,5	8,9	8,4
Армия, правоохранительные органы, охранные и другие силовые структуры	13,7	12,3	8,0	5,7
Государственное или муниципальное управление	17,0	16,6	11,5	13,6
Торговля, включая оптовую и розничную, бытовое обслуживание, ЖКХ	15,2	14,3	16,0	12,1
Образование, здравоохранение, наука, культура	25,2	21,8	28,5	26,4
Информационные технологии и связь	17,0	14,3	7,8	4,9
Финансы, кредит, страховое дело, маркетинг и т. п.	26,2	14,1	9,4	7,7
	Пол			
	Мужской		Женский	
Промышленность, энергетика, транспорт, строительство	43,3		12,1	
Сельское и лесное хозяйство	9,8		6,0	
Армия, правоохранительные органы, охранные и другие силовые структуры	16,1		5,2	
Государственное или муниципальное управление	11,8		17,2	
Торговля, включая оптовую и розничную, бытовое обслуживание, ЖКХ	10,9		17,3	

¹ Допускалось до трех вариантов ответа. В таблице не указаны затруднившиеся с ответом.

Продолжение таблицы 6.3

	Пол						
	Мужской				Женский		
Образование, здравоохранение, наука, культура	11,9				36,4		
Информационные технологии и связь	14,8				8,4		
Финансы, кредит, страховое дело, маркетинг и т. п.	10,5				18,3		
	Населенные пункты						
	Город с населением, чел.					ПГТ	Село, деревня
	> 1 млн	500 тыс.– 1 млн.	250 тыс.– 500 тыс.	100 тыс.– 250 тыс.	< 100 тыс.		
Промышленность, энергетика, транспорт, строительство	26,2	28,3	18,7	24,0	33,3	27,0	21,8
Сельское и лесное хозяйство	5,1	5,9	6,6	6,7	3,6	4,5	14,8
Армия, правоохранительные органы, охранные и другие силовые структуры	10,4	14,4	12,1	10,7	9,2	9,0	8,5
Государственное или муниципальное управление	21,4	12,3	9,9	11,3	13,7	8,1	15,0
Торговля, включая оптовую и розничную, бытовое обслуживание, ЖКХ	15,2	12,8	8,8	11,3	14,8	13,5	16,4
Образование, здравоохранение, наука, культура	27,0	26,2	37,4	25,3	25,8	18,0	23,1
Информационные технологии и связь	14,2	12,3	14,3	14,0	9,2	10,8	8,9
Финансы, кредит, страховое дело, маркетинг и т. п.	19,5	14,4	16,5	15,3	12,6	11,7	13,1

Данные таблицы 6.3 свидетельствуют, что молодые люди в возрасте 18–25 лет более склонны мечтать о работе в сферах финансово-кредитной, страховой, маркетинговой и т. п. деятельности (26,2%), в то время как респонденты возрастной группы 46–55 лет предпочитают им занятость в промышленности, энергетике, на транспорте и в строительстве (27,7%). В целом, тенденция достаточно очевидна: по мере увеличения возраста доля мечтающих о работе в промышленности возрастает, тогда как доля «грезящих» о финансах и консалтинге уменьшается. И в этом смысле полученные результаты вполне соответствуют реалиям современного российского рынка труда, в условиях которого молодежь стремится, главным образом, в сферы, где уже сейчас наблюдается кадровый профицит. Промышленность же, испытывающая потребность в специалистах рабочих профессий, не плохо оплачиваемых, но, увы, не престижных, остается пока что вне сферы ее интересов.

С точки зрения гендерного распределения, наиболее «мужскими» являются сферы промышленности, энергетики, транспорта и строительства (43,3%); армия, правоохранительные органы, охранные и другие силовые структуры

(16,1%); информационные технологии и связь (14,8%), интерес к которым опережает стремление мужчин работать в традиционно востребованных россиянами областях социально-культурного комплекса, финансов и государственного (муниципального) управления. Женщины чаще всего мечтают о карьере в сфере образования, здравоохранения, науки и культуры (36,4%); финансов, кредита, маркетинга и т. п. (18,3%).

Мечтая о работе для своих детей, большинство респондентов сходится во мнении, что наиболее подходящими для них являются сфера *образования, науки, здравоохранения и культуры*, а также *финансовая и т. п. деятельность* (по 29% соответственно). На втором — по значимости и частоте упоминания — месте оказывается *работа в органах государственного и муниципального управления* (24%). Третью позицию занимает область *IT-технологий и связи* (21%).

Очевидно, что промышленность, строительство, транспорт и энергетика — отрасли отечественной экономики, испытывающие сегодня жесточайший «кадровый голод» — не входят в данном случае в тройку лидеров. Набрав 16% голосов респондентов, мечтающих о том, чтобы именно в них были заняты со временем их дети, они конкурируют с занятостью в армии, правоохранительных органах и прочих силовых структурах. Еще меньше тех, кто выбирает для своих потомков работу в малопrestiжных, не слишком доходных и, как правило, тяжелых в плане условий труда торговле, системе бытового обслуживания и ЖКХ (8%); сельском и лесном хозяйстве (3%).

Тенденция отказа родителей от рассмотрения промышленности, энергетики и т. п. в качестве достойных их детей сфер приложения труда не может не нарастать. Тем более странно, что тенденция эта прослеживается на фоне того, что большинство опрошенных (29%) уже занято, и практически столько же (26%) хотели бы быть занятыми именно в них. *С одной стороны, объяснить происходящее можно, обращаясь к практикам формирования в России общества постиндустриального типа*, в экономике которого приоритет переходит от преимущественного производства товаров к производству разнообразных услуг, в результате чего основным производственным ресурсом становятся информация и знание. *С другой стороны, зафиксированное в ходе исследования положение дел является следствием не слишком благоприятной ситуации, складывающейся на российском рынке труда и в отдельных его сегментах и находящей отражение в оценках массового сознания россиян, а также предопределяемых ими характере восприятия социальной престижности и привлекательности тех или иных сфер профессиональной занятости.* Очевидно, что отечественный рынок труда нуждается в системной «перезагрузке», затягивание с которой чревато самыми серьезными последствиями.

Другой внушающей опасения тенденцией является преимущественная ориентация без малого четверти российских граждан на определение детей на работу в системе государственного и муниципального управления. Само по себе это не так уж плохо. Однако не секрет, что многие наши соотечественники усматривают, причем небезосновательно, в чиновничьей профессии возможность синекуры, ни к чему, кроме лояльности к вышестоящему руководству, не обязывающей. У россиян сложилось вполне справедливое представление о том, что госслужба дает максимум гарантий при минимуме затрат. Как следствие, мечтая о трудоустройстве детей в различных государственных и (или) муниципальных управленческих структурах, наши сограждане руководствуются, как правило, нехитрой и рациональной (разумеется, на индивидуальном уровне) формулой: «Работай на госслужбе, получай гарантированную зарплату, социальный статус, определен-

ную власть и ни за что не отвечай». В связи с этим нельзя не согласиться с распространённым среди отечественных специалистов мнением, согласно которому общество, стремящееся в массовом порядке попасть на госслужбу, к инновациям и системной модернизации не готово.

Немало россиян мечтает о том, чтобы их дети работали в сфере информационных технологий и связи. Внимание к данной области профессиональной деятельности вполне естественно и опосредовано, главным образом, процессами активного распространения в современной России компьютерных и иных информационно-телекоммуникационных технологий, а также ростом престижа (и доходности) профессий, связанных с инновационными разработками и творческим трудом. Осознание того факта, что к настоящему времени в стране сложились достаточно серьёзные предпосылки для успешного развития информационного общества, равно как и того, что информация представляет собой социальный ресурс будущего, предопределяет следующий выбор российских граждан: если о работе в области IT-технологий для себя лично мечтает 11% опрошенных, то в случае аналогичных мечтаний в отношении детей их доля возрастает без малого вдвое (21%).

Однако и здесь нельзя не заметить специфически российских проблем, которые сводятся к тому, что в настоящее время РФ остается крайне дифференцированной по уровню развития и распространения информационно-телекоммуникационных технологий страной. Свидетельством сказанному может служить, в частности, тот факт, что доли мечтающих работать в связанных с ними отраслях экономики, а также тех, кто мечтает о занятости в них для своих детей, оказываются максимально высокими в крупных городах и, прежде всего, мегаполисах (14,2% и 27% соответственно), т. е. в районах с существенным уровнем урбанизации.

Для респондентов, проживающих в сельской местности, указанные показатели оказываются куда более низкими (8,9% и 17% соответственно), что еще раз подтверждает как недостаточную степень развитости данных отраслей на селе, так и невостребованность последних населением современной российской деревни. Не делая далеко идущих выводов, можно предположить, что *в пореформенной России образовался и нарастает новый вид социальных неравенств — так называемое «цифровое (информационное) неравенство» или «цифровой разрыв» как одно из измерений бедности, затрагивающее значительную часть россиян, ограниченных в доступе к информационным, коммуникационным и компьютерным технологиям.*

Серьезной проблемой является, на наш взгляд, и то, что, рассуждая о предпочитаемых для своих детей сферах профессиональной деятельности, лишь 4,6% сельских жителей мечтают о том, чтобы они работали на селе, в сельском и лесном хозяйстве. Принимая в расчет идущее опережающими темпами вымирание российской деревни, данное обстоятельство дает основание для самых пессимистичных прогнозов.

Чем руководствуются россияне, делая выбор в пользу тех или иных областей профессиональной деятельности, в которых они мечтают работать? Ответ на этот вопрос дают данные, представленные ниже на рис. 6.8.

Очевидно, что реалии российского рынка труда, особенности сложившейся в пореформенной России социально-экономической ситуации, а также предопределенные ими критерии оценки нашими соотечественниками работы-мечты выдвигают на первый план факторы, внешние по отношению к содержанию труда, реализуемого в рамках конкретной области профессиональной деятельности. При этом *в процессе выбора большинство респондентов склонно (а, точнее,*

вынуждено) ориентироваться не столько на идеальные, сколько на вполне земные мечтания о желаемой работе и той сфере, в которой она могла бы стать реальностью. Как следствие, во главу угла ставятся материальное благополучие, стабильность, жизненные удобства, а не профессиональная реализация или социально значимые характеристики выполняемой работы.

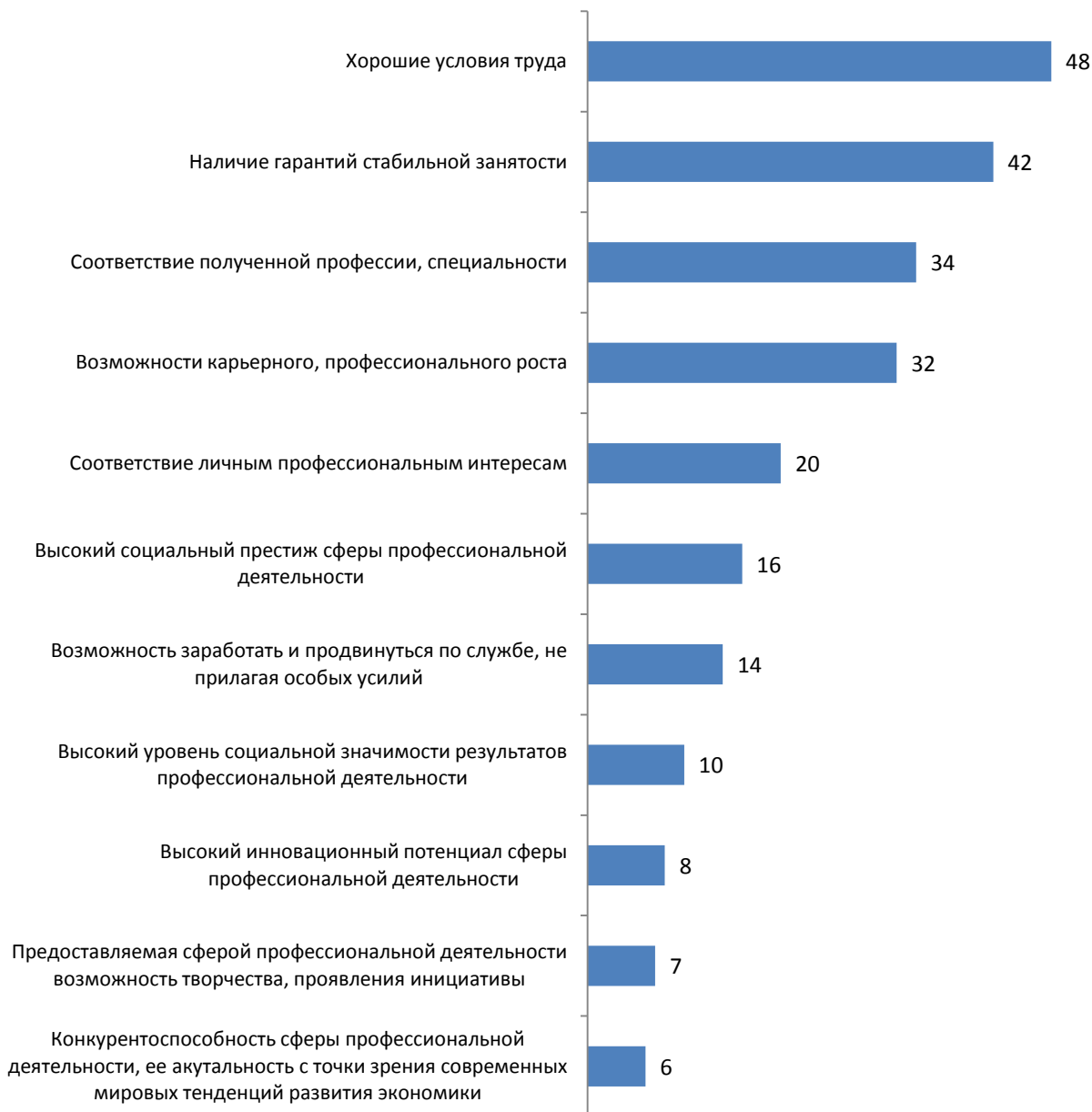

Рис. 6.8. Факторы, опосредующие выбор респондентами областей профессиональной деятельности, в которых они мечтают быть занятыми, %¹

Согласно полученным данным, главным при выборе сферы трудоустройства оказываются *хорошие условия труда, включая, разумеется, и размер получаемого от занятости в ней дохода* (48%). Второй по значимости критерий, существенный для без малого половины (42% опрошенных), — *наличие гарантий стабильной занятости*, т. е. уверенность в завтрашнем дне и в том, что ухудшений не будет. Тройку наиболее важных факторов замыкает *соответствие сферы деятельности полученной профессии (специальности)*, выбранное каждым третьим респондентом (34%).

¹ Допускалось до трех вариантов ответа. На рисунке не указаны затруднившиеся с ответом.

Менее значимыми для наших сограждан оказываются факторы субъективно-личностного свойства, роскошь учета которых доступна, увы, немногим: *возможности карьерного и профессионального роста (32%), соответствие личным профессиональным интересам (20%), возможность работать, не прилагая особых усилий (14%), а также возможности творчества и проявления инициативы (7%).*

Еще менее существенными признаются ими факторы, *связанные с характером и качественными особенностями сферы профессиональной деятельности* (социальная значимость результатов, высокий инновационный потенциал, конкурентоспособность и т. п.).

Как россияне оценивают собственные достижения в сферах, связанных с их профессиональной деятельностью? Прежде всего, отметим, что большинство наших сограждан (55%) определяет свои возможности реализовать себя в профессии как «удовлетворительные», 27% характеризуют их как «хорошие», и еще 15% — как «плохие».

Из рис. 6.9 видно, что возможность заниматься престижной или интересной работой имеется сегодня у четверти россиян (24,5%). Характерно, что десять лет назад этим могла гордиться без малого треть наших соотечественников. Произошедшие изменения связаны с уменьшением как доли тех, кто сумел получить интересную работу, так и (в меньшей степени) тех, кто устроился на работу престижную (30% против 40% и 19% против 21% в 2012 и 2001 гг. соответственно).

Рис. 6.9. Профессиональные сферы, в которых россияне добились, чего хотели, 2001/2012 гг., %¹

Результаты исследования говорят о том, что успех в деле обретения интересного и престижного рабочего места опосредуется совокупностью факторов социально-демографического, социально-экономического и территориального порядка. Так, среди тех, кто считает собственную работу престижной, преобладают *респонденты в возрасте 36–45 лет* (они же лидируют в том случае, если речь идет о работе интересной — 24% и 37% соответственно); *жители районных центров (21%), а также предприниматели, имеющие наемных работников (75%).* Помимо указанных представителей возрастной группы 36–45 лет, интересной признают свою работу, главным образом, *предприниматели, использующие наемную рабочую силу (75%), руководители и заместители руководителей учреждений (53%), руково-*

¹ В 2001 г. позиция о желании сделать карьеру в данном вопросе отсутствовала.

дители среднего и низшего звена (43%) и специалисты в должности, предполагающей высшее образование, а также (если принимать в расчет тип поселения) жители сел и поселков городского типа (по 34% в каждой группе соответственно) и районных центров (31%).

Не могут не вызывать опасения уменьшившиеся, пусть и не значительно, показатели «карьерного успеха» (6%). Заметим, что еще год назад доля респондентов, полагавших, что им удалось сделать карьеру, составляла 12%.

Вместе с тем, более трети опрошенных (37%) заявили, что, хотя и не добились пока карьерного успеха, уверены в том, что это им по силам (см. рис. 6.10). Существенно, по сравнению с началом первого десятилетия нового века, увеличились доли тех, кто не сомневается в своих возможностях обрести интересную или престижную работу.

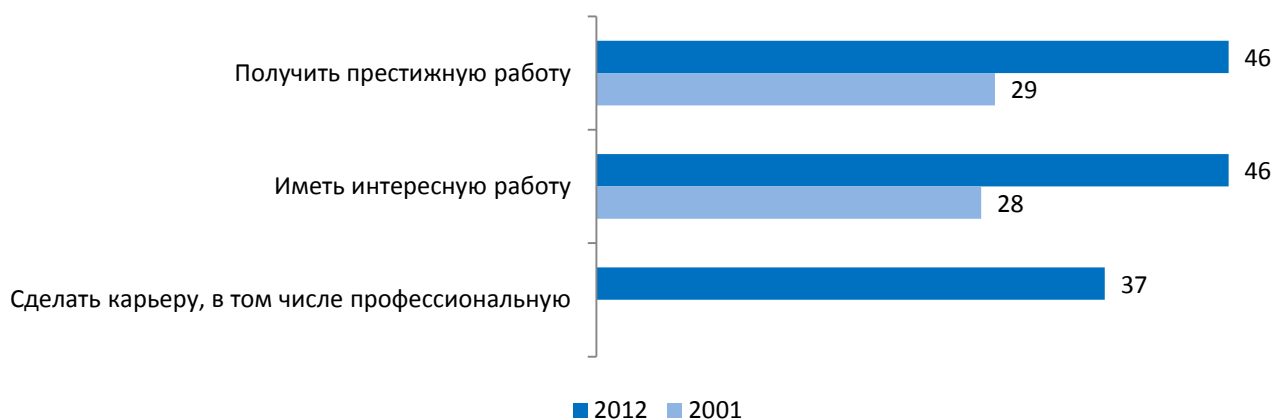

Рис. 6.10. Профессиональные сферы, в которых россияне пока не добились успеха, но считают, что это им по силам, %¹

Среди оптимистично настроенных в этом смысле российских граждан преобладают представители молодого поколения и, прежде всего, лица в возрасте 18-25 лет.

В целом фактор возраста существенно опосредует степень оптимизма россиян в отношении возможностей получения престижной и (или) интересной работы. Чем моложе респондент, тем он оптимистичнее, тем больше верит, что ему по силам достойно трудоустроиться. И, наоборот, увеличение возраста ведет к росту градуса социального пессимизма.

Наиболее неуверенно ощущают себя в данном случае респонденты старших возрастов, большинство представителей которых убеждено в том, что не сможет получить ни престижной (46%), ни интересной (34%) работы.

Отрадно, что, несмотря на экономические и социальные перипетии, за последние шесть лет произошло некоторое уменьшение доли российских граждан, убежденных в том, что карьеру им сделать не удастся (с 24% до 17% в 2006 и 2012 гг. соответственно). Благодаря этому данный выбор утратил свои некогда лидирующие среди прочих вариантов ответа позиции. К другим положительным изменениям относится снижение доли уверенных в собственной неспособности получить престижную и (в меньшей степени) интересную работу. Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на крайне непростую ситуацию, характеризующую современное состояние общероссийского и большинства региональных рынков труда, выражающуюся, в частности, в сокращении количества наших сограждан,

¹ В 2001 г. позиция о желании сделать карьеру в данном вопросе отсутствовала.

сумевших добиться того, о чем мечтали (трудоустроиться на интересное, престижное рабочее место, сделать профессиональную карьеру и т. п.), большинство их не только уверено в своих силах, но и смотрит в будущее достаточно оптимистично.

Но, пожалуй, самым примечательным является в настоящее время то, что, как и шесть лет тому назад, большинство (без малого половина — 39%) российских граждан не стремится продвинуться по службе и занять высокую должность. Таким образом, *демонстрирующая удивительную устойчивость национальная особенность наших соотечественников заключается в том, что они готовы добиваться не столько карьерного роста, сколько интересной и в несколько меньшей степени престижной работы.*

Тот факт, что подавляющее большинство россиян стремится не столько к карьере, сколько к интересной работе — несомненный плюс в плане возможностей дальнейшей модернизации российского общества. Каким же образом обстоят дела с такими характеристиками работы, как ее престижность и интересность? Данные проведенного исследования показывают, что *интересная работа занимает в системе жизненных ценностей российских граждан несколько более значимое, нежели работа престижная, место.* Отличаются и реальные достижения в указанных областях: так, успешными в смысле престижного трудоустройства считает себя лишь пятая часть опрошенных россиян, тогда как интересной для себя работой занимаются порядка 30%. При этом успех в данной области опосредуется как уровнем квалификации, так и характером выполняемой работы.

Нельзя утверждать при этом, что престижная работа вовсе не интересует россиян. Более того, доля стремящихся получить ее и уверенных в собственных силах соответствует доле выбравших аналогичный вариант ответа по позиции «интересная работа» (по 46% в 2012 г. соответственно). Однако когда речь идет об «интересной работе», полученные данные выглядят все же более оптимистичными. Так, если к получению интересной работы стремится, но не рассчитывает ее обрести пятая часть российских граждан, то в случае с работой престижной доля их возрастает до без малого трети (28%).

Известно, что *годы реформ кардинально изменили практики распределения населения не только по отраслям, но и по секторам экономики. В результате разгосударствления предприятий, создания новых негосударственных компаний, развития самостоятельной занятости населения в российской экономике сформировался обширный негосударственный сектор, появились новые сектора, связанные с частной собственностью и частными собственниками, лицами ненаемного труда.*

Из рис. 6.11 видно, что *1990-е годы ассоциировались у российских граждан с некоторым увеличением возможностей заниматься предпринимательством.*

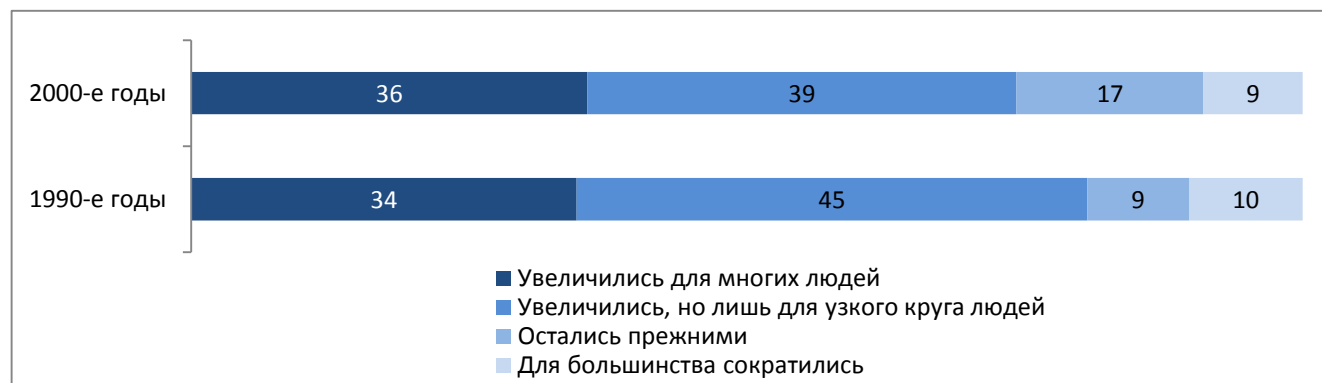

Рис. 6.11. Динамика оценки россиянами возможностей заниматься предпринимательской деятельностью в 1990-е и 2000-е гг., %

В последнее десятилетие консолидация экономики и связанное с этим ужесточение конкуренции, экономические кризисы, специфика взаимоотношений власти и бизнеса (в условиях которых быть предпринимателем в России сегодня зачастую не просто невыгодно, но и неинтересно), изменили сложившуюся в 1990-е гг. картину. Как следствие, в 2000-е гг. на 6% сократилась доля лиц, полагающих, что эти годы способствовали увеличению возможностей для занятия предпринимательством хотя бы и для ограниченного круга людей. Но одновременно, несмотря на тенденции продвижения российского общества в направлении дальнейшего формирования и укрепления рыночной экономики, не мыслимой вне практик усиления частного бизнеса и предпринимательства, возросло число респондентов (на 8%), рассматривающих данные возможности как неизменившиеся.

Неудивительно в связи с этим, что организация собственного дела не входит в число главных жизненных целей россиян. Открыть его мечтает порядка 15% российских граждан, доли которых различаются в разных социальных группах опрошенных (см. таблицу 6.4). Еще меньше респондентов (всего 3%) просили бы помочь им в этом гипотетическую «золотую рыбку».

Таблица 6.4

Мечты об открытии собственного дела как главной цели жизни в разных социальных группах, % от соответствующей группы

Возраст							
18-25 лет		26-35 лет		36-45 лет		46-55 лет	
20,0		15,9		14,6		6,7	
Пол							
Мужской				Женский			
16,2				13,2			
Населенные пункты							
Город с населением, чел.					ПГТ	Село, деревня	
> 1 млн.	500 тыс.– 1 млн.	250 тыс.– 500 тыс.	100 тыс.– 250 тыс.	< 100 тыс			
12,3	9,6	13,2	13,3	17,1	10,8	17,9	
Социально-профессиональный статус							
Предпри- матели, имею- щие наемных работников	Руководители, заместители руководите- лей пред- приятий или учреждений	Руководители среднего или низшего звена	Специалисты на должно- сти, пред- полагающей высшее об- разование	«Самозанятые» или имеющие чисто семей- ный бизнес	Служащие	Рядовые работник торговли или сферы бытовых услуг	Рабочие высокой квалифи- кации (от 5 разряда)
6,3	15,8	16,3	12,5	25,9	10,1	15,4	14,7
Социально-профессиональный статус (продолжение)							
Рабочие (3-4 раз- ряд)	Рабочие (1-2разряд и без раз- ряда)	Студенты вузов	Студенты техни- кумов, колледжей, ученики старших классов школ, лице- ев и т. п.	Неработающие пенси- онеры, в т. ч. неработа- ющие пенсионеры по инвалидности	Не рабо- тают из-за семейных и личных обстоя- тельств	Безработные и ищущие работу	
14,4	15,3	18,8	18,8	0,0	10,7	25,0	

Более трети наших сограждан (38%) не склонны включать создание собственного бизнеса в число приоритетных жизненных планов, а еще треть (29%) хотела бы организовать его, однако, понимает, что вряд ли сможет добиться желаемого. Примечательно, что первое десятилетие XXI века увеличило долю последних на 6% (с 23% до 29% в 2001 и 2012 гг. соответственно). И это не может не настораживать. Особенно, учитывая тот факт, что нынешние российские власти активно пропагандируют реализацию программ самозанятости населения, позиционируя их в качестве одного из наиболее действенных средств и инструментов стабилизации ситуации на национальном рынке труда. Несоответствие между реальной готовностью россиян к использованию открывающихся перед ними возможностей и декларациями государства заставляет задуматься о необходимости развития инфраструктуры отечественного рынка труда, улучшения работы государственных служб занятости населения. Констатация их низкой эффективности является общим местом при критике государственной системы регулирования рынка труда, указывает на настоятельную потребность в совершенствовании проводимой в России политики занятости населения в целом.

7. В каких условиях живут и хотели бы жить граждане России

Как уже отмечалось, наиболее распространенная мечта россиян — «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, не считая копейки» (40%). При этом ее распространенность не снижается с ростом уровня жизни, не демонстрирует зависимости от возраста или типа поселения (кроме жителей Москвы и Санкт-Петербурга, которым она свойственна в меньшей степени). Кроме того, 39% населения, поймав «золотую рыбку», также попросили бы ее обеспечить их достаток. Единственная просьба к сказочной рыбке, которая опережает стремление к достатку — это здоровье для себя и своих близких (43%). Примечательно, что даже среди тех двух третей респондентов, которые считают, что без свободы жизнь теряет смысл, около 40% называют жизнь в достатке одной из своих главных целей и основных мечтаний в жизни. Стоит отметить и тот факт, что стремление жить в достатке напрямую связано с желанием трудиться — только 6% россиян мечтают не работать вообще, и лишь 2% мечтают, чтобы не работали их дети. Таким образом, *мечта о благосостоянии вовсе не связана с мечтой бросить работу, а сам достаток, возможность «не считать копейки», наоборот, предполагает приложение трудовых усилий.*

Приведенные данные свидетельствуют о том, что улучшение условий повседневной жизни занимает ключевые позиции в мечтах россиян. Почему так происходит? Действительно ли в России формируется общество потребления, где все стремления сосредоточены на материальных аспектах жизни, или это, скорее, реакция на те бытовые условия, в которых наши сограждане вынуждены жить в настоящее время? Для ответа на этот вопрос следует проанализировать, как в нынешних условиях живет население страны, как оно хотело бы жить, и в чем причины такой выраженной тяги к мечте о достатке.

Среди оценок, которые россияне дают различным аспектам своей повседневной жизни, наиболее важными являются материальное положение, состояние здоровья, возможность питаться и одеваться (см. ниже таблицу 7.1).

Как видно из данных таблицы 7.1, *оценивая бытовые условия своей жизни, россияне склоняются к средним, удовлетворительным оценкам. При этом по всем аспектам бытовой жизни доля положительно оценивающих их превышает долю тех, кто оценивает их негативно.* Максимальная разница наблюдается при оценке питания — доля оценивающих свои возможности питаться как хорошие значительно превышает долю дающих негативные оценки (45% и 3%, соответственно).

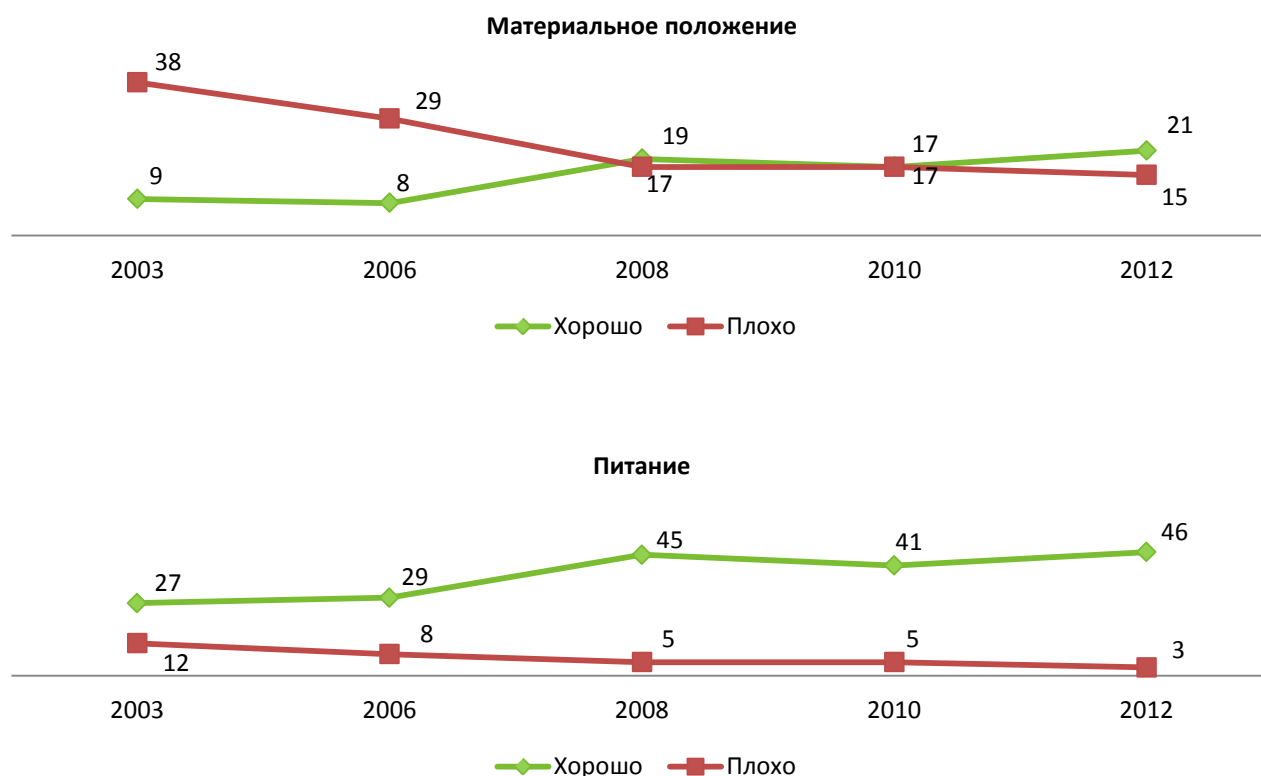
Противоположная картина наблюдается при общей оценке материального положения: доля тех, кто оценивает его позитивно, лишь на 6% больше доли тех, кто дает негативные оценки.

Таблица 7.1

Оценка россиянами отдельных аспектов своей жизни, %¹

	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
Питается	45	52	3
Одевается	33	61	5
Состояние здоровья	35	57	8
Материально обеспечены	21	64	15
Жизнь в целом складывается	38	58	3

В целом же, данные показывают, что россияне достаточно оптимистично смотрят на свою повседневную жизнь. Более того, динамика оценок по этому вопросу свидетельствует о том, что уровень удовлетворенности различными аспектами своей повседневной жизни к настоящему периоду достиг своих максимальных значений (см. рис. 7.1).

¹ В таблице не представлены те, кто затруднились с ответом.

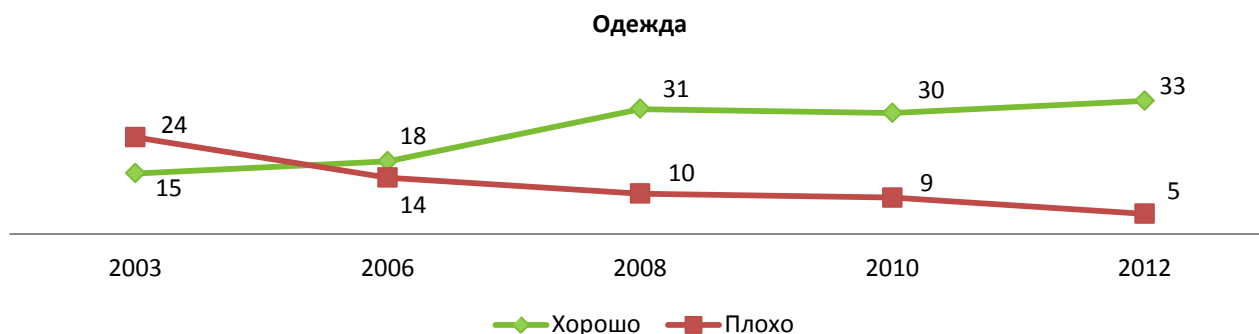

Рис. 7.1. Оценки ситуации как «хорошей» или «плохой»¹, 2003–2012 гг., %²

Таким образом, удовлетворенность населения бытовыми сторонами своей жизни в последние годы (без учета кризисного 2009 года) растет. Более трети россиян и сами фиксируют эту динамику, отмечая, что их материальное положение за последние три года улучшилось (38%). При этом половина наших сограждан заявляет о том, что изменений в материальной сфере они не наблюдали, в то время как об ухудшениях здесь говорили лишь 13% россиян.

Интересно, что мечта жить, «не считая копеек», не зависит от динамики личного благосостояния. Доли отмечающих жизнь в достатке как свою главную мечту совпадают в составе тех, кто фиксировал в последние годы положительную динамику своего материального положения, и тех, кто отмечает его отрицательную динамику. При этом выявляется все же зависимость этой мечты от оценки текущего уровня своей материальной обеспеченности: среди тех граждан, кто считает ее хорошей о достатке мечтают 30% и кто оценивает ее как плохую — 44%.

В отношении жилищных условий данные показывают, что удовлетворенность населения своими жилищными условиями в последние годы возрастает, и в настоящий период более трети населения считает свои жилищные условия хорошими (35%) при 13%, характеризующих их как плохие (см. рис. 7.2).

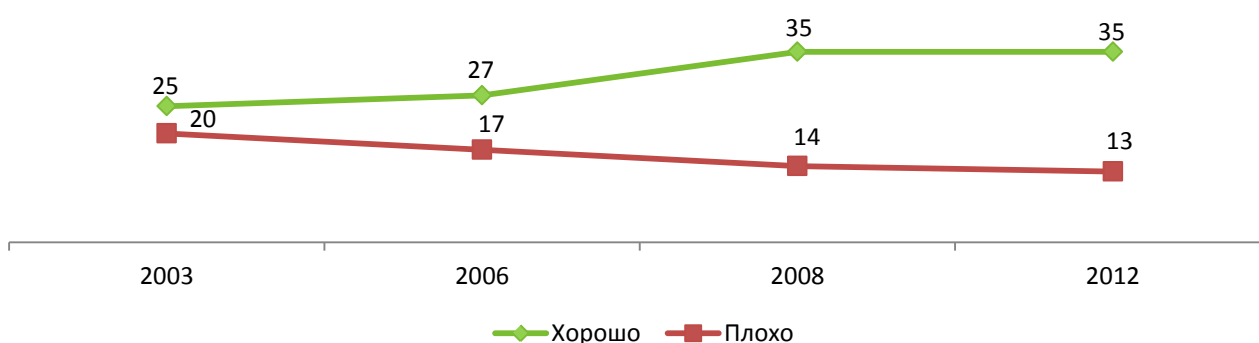

Рис. 7.2. Оценки своих жилищных условий как «хороших» или «плохих», 2003–2012 гг., %³

¹ В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунках, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

² Здесь и далее для сопоставимости с выборкой 2012 г. данные предыдущих годов приводятся только для тех россиян, кто был не старше 55 лет на момент опроса.

³ В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

Чем же объективно характеризуются жилищные условия россиян? Если говорить о средних показателях, то в настоящий момент, судя по результатам исследования, на каждого человека в России приходится 21,1 м² общей площади. Этот показатель нельзя назвать высоким, однако его динамика свидетельствует о заметных улучшениях в этой области: по сравнению с 2003 годом он вырос на 3,6 м². При этом 79% населения имеют жилье со всеми коммунальными удобствами (центральное отопление, электричество, канализация, душ), в то время как у 18% есть только часть из них, а у 3% удобств нет вообще.

Что касается типов жилья, которые занимают сегодня россияне, то их распределение не сильно изменилось за последние годы (см. рис. 7.3). Половина россиян проживает в отдельных квартирах с двумя и более комнатами, 23% занимают отдельные дома и даже коттеджи. В однокомнатных квартирах проживает 9% населения, остальные живут в общежитиях, коммунальных квартирах, части дома или съемном жилье. По сравнению с 2003 годом, значительные изменения произошли только среди живущих в отдельном доме (их доля выросла более чем в два раза — с 10% до 22%), а также среди живущих в многокомнатных квартирах (их доля снизилась с 29% до 21%, в том числе за счет переехавших из многокомнатных квартир в отдельные дома).

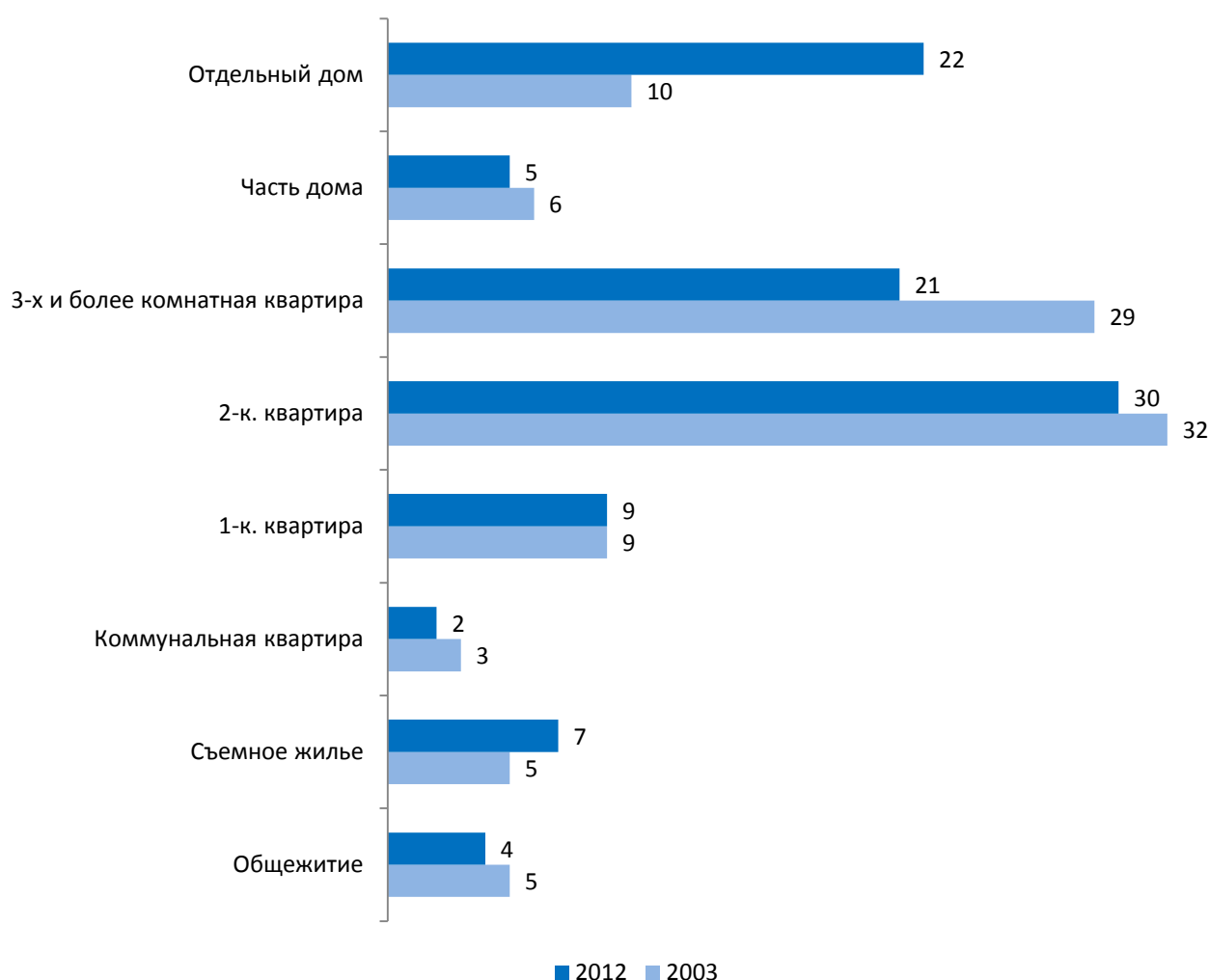

Рис. 7.3. Типы жилищ, в которых проживают российские домохозяйства, 2003 / 2012 гг., %

Улучшить свои жилищные условия за счет покупки или строительства жилья, согласно данным опроса, только за последние три года удалось 12% населения, при этом еще 10% улучшили свои жилищные условия за это время другими способами. Частично этим и объясняется рост удовлетворенности россиян ситуацией с жильем и увеличение количества квадратных метров, приходящихся на человека.

Таким образом, *несмотря на достаточно скромные жилищные условия, в этом отношении наблюдается позитивная динамика, и россияне в целом удовлетворены ситуацией со своим жильем. При этом каждый пятый (21%) мечтает иметь свою отдельную квартиру или дом. В первую очередь такое желание свойственно тем, кто сейчас снимает жилье или проживает в служебной квартире — более половины из них (55%) называют отдельную квартиру или дом как одну из основных целей в своей жизни. Мечтает о своей квартире или доме и треть тех, кто проживает в коммунальной квартире или занимает часть дома. У тех, кто включает владение отдельным жильем в число наиболее значимых для себя мечтаний, жилищная ситуация объективно менее благополучная: среднее количество квадратных метров составляет среди них 18 м² на человека (при 22 м² среди тех, кто не мечтает о собственном жилье), и сами они оценивают свои жилищные условия как плохие гораздо чаще, чем те, кто не мечтает об отдельной квартире или доме (29% против 9%).*

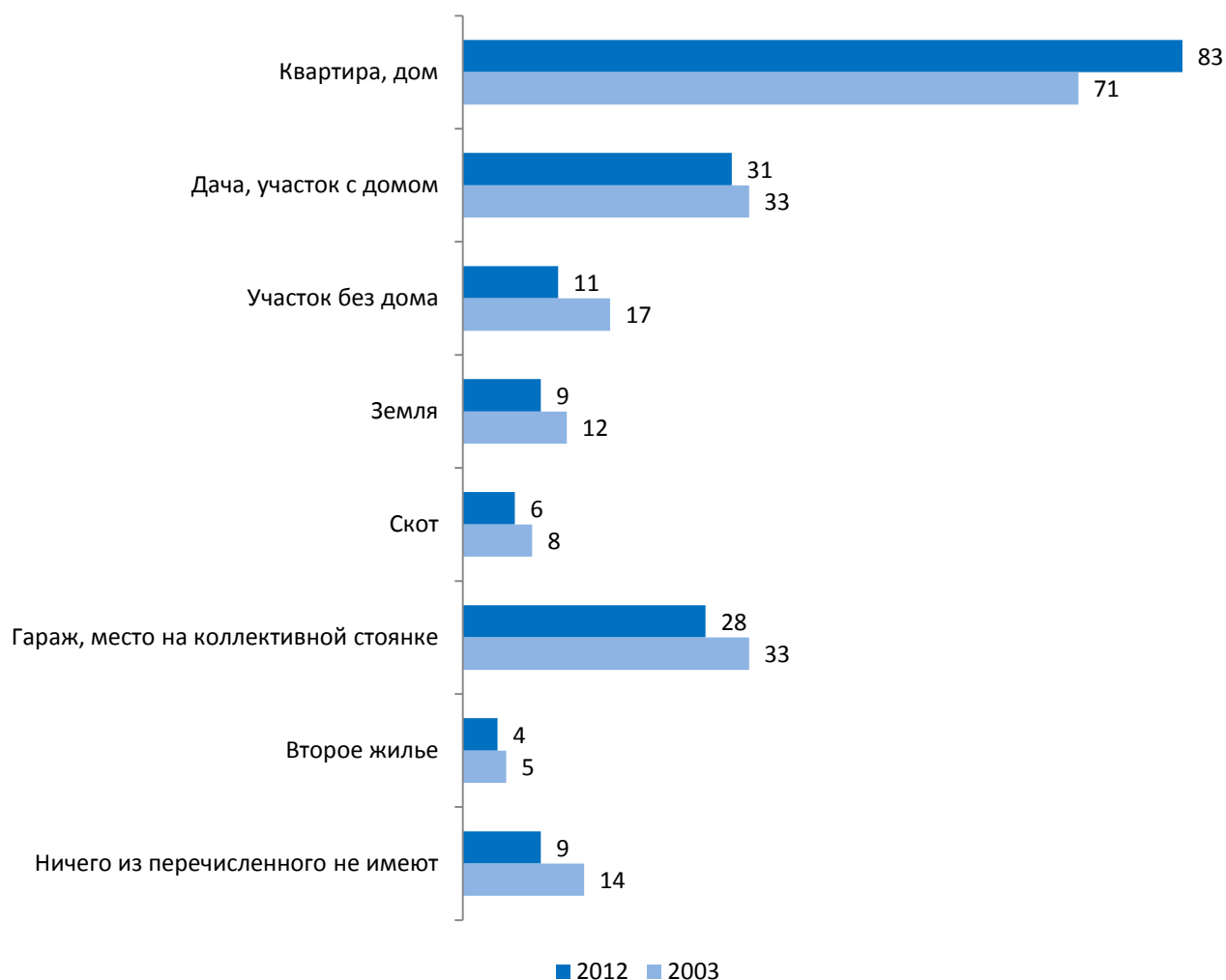

Рис. 7.4. Имущество, находящееся в собственности россиян, 2003 / 2012 гг., %

Ситуация с владением россиянами недвижимостью, как показало исследование ИС РАН (см. рис. 7.4), оставалась в течение последних десяти лет достаточно стабильной — значительно возросла только доля имеющих в собственности дом или квартиру, что отражает результаты продолжавшейся в данный период приватизации жилого фонда. В настоящее время 83% россиян имеют в собственности дом или квартиру, чуть менее трети (31%) — участок с домом, 28% — гараж или место на коллективной стоянке, 11% — участок без дома. Второе жилье имеют лишь 4% россиян. Отдельно стоит упомянуть ситуацию с владением землей и скотом. Хотя за последние 10 лет сократились доли тех, кто вообще имеет в собственности землю (с 12% до 9%) или скот (с 8% до 6%), среднее значение количества гектаров земли, которые находятся в собственности имеющих землю, возросло с 3,3 до 6,5, а среднее количество голов скота увеличилось с 3 до 3,8. Таким образом, Россия постепенно перестает быть крестьянской страной, и на смену частично натуральному хозяйству в ней приходит товарное производство.

Отсутствие других серьезных изменений в сфере владения большинством видов недвижимости, с одной стороны, говорит о стабильности уровня жизни россиян, но с другой — демонстрирует отсутствие качественных изменений в их повседневной жизни, несмотря на общий рост уровня благосостояния, который констатируют они сами.

Исследование также показало динамику изменений бытовой жизни россиян с точки зрения других элементов ее предметной среды — обладания товарами длительного пользования (ТДП), заметно влияющими на уровень и качество жизни, и проследим изменения в этой сфере, произошедшие за последние десять лет (см. таблицу 7.2).

Таблица 7.2

Наличие ТДП у россиян, 2003/2012 гг., % (группы выделены по данным 2012 г.)

Предметы длительного пользования	2003	2012
1 группа ТДП (присутствует более чем у 2/3 всех россиян)		
Холодильник	99	98
Телевизор цветной	96	98
Пылесос	85	91
Мебельный гарнитур (стенка, мягкая мебель или кухонный гарнитур)	85	91
Стиральная машина (в т. ч. полуавтомат)	87	88
Ковер, палас	94	86
Мобильный телефон	25	81
Микроволновка, кухонный комбайн, гриль и др. кухонная техника	44	80
Компьютер	22	72
2 группа ТДП (присутствует более чем у 1/3, но менее чем у 2/3 россиян)		
Электродрель, электро- или бензопила, другой инструмент	48	56
Видеокамера, цифровой фотоаппарат	9	47
Музыкальный центр	36	46
Отечественный автомобиль	33	33

Продолжение таблицы 7.2

Предметы длительного пользования	2003	2012
3 группа ТДП (присутствует менее чем у 1/3 всех россиян)		
Автомобиль-иномарка	8	28
Антенна спутникового телевидения	2	18
Морозильная камера	12	17
Мотоцикл, мотороллер	14	12
Домашний кинотеатр	1	9
Посудомоечная машина	2	8
Кондиционер	2	7
Импортные тренажеры	2	4
4 группа ТДП (исчезающие из жизни россиян)		
Видеомагнитофон	60	44
Телевизор черно-белый	24	9

Как видно из данных таблицы 7.2, набор товаров длительного пользования, составляющий важную часть повседневной жизни россиян, за последние 10 лет значительно изменился и число ТДП, которые имеет большинство российских домохозяйств, заметно выросло. Если в 2003 году среднее количество товаров длительного пользования в домохозяйстве составляло 8,9 предметов из 23-х, наличие которых замерялось, и при этом в среднем 4,7 из них были куплены более чем семь лет назад, то в 2012 году эти значения составили 11,2 и 8 предметов соответственно. Таким образом, *наблюдаются заметные количественные улучшения в бытовых условиях жизни наших сограждан, расширение предметной среды их обитания. Именно это россияне обычно имеют в виду, когда говорят о положительной динамике своего материального благосостояния.*

Условно имущество россиян можно разделить на несколько групп. **Первая группа** включает 9 предметов, присутствующих в подавляющем большинстве домохозяйств страны. В 2003 году в эту группу ТДП попадали холодильник, цветной телевизор, ковер или палас, пылесос, стиральная машина и мебельный гарнитур. В 2009 г. к ним добавились мобильный телефон и мелкая кухонная бытовая техника (гриль, микроволновка и т. п.), а в 2012 г. в эту группу попал еще и компьютер. При этом максимальные показатели роста обеспеченности ими за последние 10 лет в этой группе показали именно мобильные телефоны и компьютеры, обеспеченность которыми выросла более чем в 3,2 раза, а также кухонная бытовая техника, обеспеченность которой возросла почти в два раза. Что касается остальных предметов длительного пользования, то за последние 7 лет россияне активно их обновляли, и прежде всего обновление коснулось различной бытовой техники: более чем две трети россиян приобрели за этот период новые цветные телевизоры, холодильники, стиральные машины и пылесосы. Кроме того, более чем половина населения обновили мебельные гарнитуры, треть купили ковры и паласы.

Вторую группу товаров длительного пользования составляют предметы, имеющиеся более чем у трети домохозяйств: в настоящий момент сюда попадают различные электроинструменты, цифровая видеотехника (камера, фотоаппарат), музыкальные центры и отечественные автомобили. При этом первые три, по всей видимости, постепенно становятся нормой жизни россиян, так как в настоящий момент ими обладает около половины населения. В этой группе максимальная динамика была характерна для цифровой видео- и фототехники, распространенность которой по сравнению с 2003 годом увеличилось более чем в пять раз.

Третья группа предметов — это товары, которые не вошли массово в повседневную жизнь россиян (либо из-за финансовых, либо из-за стилевых соображений), и обладание ими характеризует менее трети всего населения. В эту группу попадают автомобиль-иномарка, мотоцикл, антенна спутникового телевидения, морозильная камера, домашний кинотеатр, посудомоечная машина, кондиционер, тренажеры. Хотя доля граждан, обладающих такими предметами пока невелика, она также выросла за последние 10 лет.

Отдельно следует остановиться на владении автомобилями. За последние 10 лет значительный рост (в 3,5 раза) показало владение иномарками, в то время как доля имеющих отечественный автомобиль осталась той же. Однако и у владельцев отечественных автомобилей происходили положительные изменения — так, 19% россиян, то есть более половины всех владельцев отечественных машин, имеют относительно новые автомобили (не старше 7 лет). Если же говорить об общих показателях автомобилизации населения, то машины имеют 57% населения, причем 5% имеет более одного автомобиля. При этом число иномарок в российских домохозяйствах в последние годы почти догоняет количество отечественных автомобилей.

Наконец, в **четвертую группу** — группу ТДП, постепенно уходящих из повседневной жизни россиян — можно отнести черно-белый телевизор, а также видеомэгнитофон, который до сих пор присутствует у 44% домохозяйств, но эта доля со временем сокращается.

Таким образом, есть основания уверенно говорить о том, что *предметная среда, составляющая базу повседневной жизни россиян, за последние 10 лет значительно расширилась и обновилась*. Возможно поэтому товары длительного пользования, даже относящиеся к престижному потреблению, занимают сравнительно небольшое место в мечтах россиян, и единственным ТДП, удостоившегося статуса «мечты» (не считая столь экзотичного их вида как «яхта») стал автомобиль — его попросили бы у «золотой рыбки» в числе трех желаний 6% россиян или 8% всех, кто стал бы ее просить о чем-либо.

Определенные изменения произошли и в финансовом положении россиян (см. ниже рис. 7.5).

Несмотря на позитивную динамику с точки зрения бытовой, предметной среды существования, *«запас прочности» россиян, к сожалению, пока остается невысоким*. Хотя в последние годы возросла доля тех, кто имеет сбережения, достаточные, чтобы прожить на них не менее года, такие сбережения характерны лишь для каждого двадцатого россиянина. *Доля тех, кто имеет небольшие сбережения, незначительно увеличилась в последние годы, однако при этом заметно выросла доля имеющих невыплаченные кредиты в банках (сейчас это 30% населения) — по всей видимости, часть процесса обновления товаров длительного пользования у российских домохозяйств проходила как раз с помощью кредитов*.

Рис. 7.5. Финансовые активы и пассивы населения, 2003/2012 гг., %

Тем не менее, понятно, что с точки зрения бытовых условий жизни (одежды, питания, характеристик жилья, наличия товаров длительного пользования), ситуация в последние годы улучшается. Причем эти изменения носят не только объективный характер, что отражается, например, в увеличении количества товаров длительного пользования, имеющих в домохозяйствах, но и во все более позитивных оценках россиянами своих жилищных условий, возможности нормально питаться и одеваться. Однако при этом *практически не наблюдается качественных изменений с точки зрения ресурсобеспеченности россиян – владения ими недвижимостью или увеличения их финансового «запаса прочности».*

Интересно выделить на этом фоне те качественные изменения с точки зрения собственных достижений, которые россияне фиксируют в последние годы (см. таблицу 7.3).

Таблица 7.3

Динамика достижений россиян, 2003-2012 гг., %

Чего удалось добиться	2003	2008	2012
Повысить уровень своего материального благосостояния	27	35	30
Улучшить жилищные условия	16	15	22
Сделать дорогостоящие приобретения	18	18	20
Повысить уровень образования, квалификации	25	13	17
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу	21	18	15
Побывать в другой стране мира	5	6	13
Открыть собственное дело	5	2	3
Ничего из вышеперечисленного добиться не удалось	41	41	36

Сразу обращает на себя внимание *сохранение значительной доли россиян, убежденных в том, что ничего существенного за последние годы добиться не удалось*. Эта доля в настоящий момент составляет более трети всего населения (36%). Среди самых распространенных достижений, как и в прошлые годы, оказывается повышение уровня материального благосостояния (30%), улучшение жилищных условий (22%), совершение дорогостоящих приобретений (20%). По сравнению с 2003 годом распространенность этих достижений выросла.

Однако беспокойство вызывает динамика достижений, связанных с повышением уровня образования и квалификации и получением повышения на работе или сменой ее на более подходящую. По сравнению с 2003 годом, уровень этих достижений значительно сократился — более чем на четверть в относительном выражении. И *хотя уровень жизни россиян продолжает повышаться, они фиксируют все меньшие качественных изменений, связанных с увеличением их ресурсобеспеченности (недвижимость, сбережения, человеческий капитал) или же производственных позиций*.

Этот вывод подтверждается и данными о тех платных социальных услугах, которые использовали россияне за последние годы (см. рис. 7.6)

Рис. 7.6. Динамика потребления платных социальных услуг россиянами, 2003/2012 гг., %

Как видно на рис. 7.6, доли использующих платные медицинские, образовательные, оздоровительные услуги для взрослых, представляющие собой инвестиции в человеческий капитал, заметно снизились за последнее десятилетие, несмотря на общий рост благосостояния. Не возросло при этом и потребление услуг для детей, в то время как увеличилась доля использовавших туристические поездки за рубеж¹, которые представляют собой скорее вид престижного потребления, нежели инвестиции в свой человеческий капитал. При том, что хорошее образование все еще

¹ Напомним – мечты о путешествиях упомянули среди трех своих основных желаний 7% россиян и, возможно, этот показатель будет расти и дальше.

остается мечтой многих россиян — его выбирали в составе основных мечтаний 12% россиян, а 8% даже упомянули его в числе просьб, обращенных к «золотой рыбке» — инвестиции в него имеют тенденцию к снижению.

Среди прочих желаемых изменений в своей жизни россияне выделяют следующее: жить не хуже других, стать богатым человеком, стать знаменитым (см. таблицу 7.4).

Таблица 7.4

Оценки россиянами вероятности добиться успеха в различных сферах, %¹

Сфера достижения успехов	Уже добились, чего хотели	Пока не добились, но считают, что это по силам	Хотелось бы, но вряд ли смогут этого добиться	В планах этого не было
Жить не хуже других	35	51	11	3
Стать богатым человеком	1	28	42	27
Стать знаменитым	1	11	18	68

Как показывают данные таблицы 7.4, желание жить не хуже других входит в планы подавляющего большинства россиян (только 3% населения не имеют в своих планах такой цели). При этом треть россиян (35%) уже, по их самооценкам, этого добились, а половина считает, что это им по силам. Не верит в осуществление такого стремления каждый десятый. По всей видимости, именно стремление «жить как все», столь характерное для россиян, приводит к тому, что они хотели бы жить в достатке, не считать копейки, и при повышении уровня своего благосостояния стараются не отставать от других, направляя появляющиеся деньги на новые товары длительного пользования, чтобы внешние маркеры их положения говорили о том, что у них все «не хуже, чем у других людей».

Менее оптимистично настроены россияне в отношении второго желания. Стать богатыми хотели бы три четверти россиян, но только 28% считают, что им это по силам. Наконец, стать знаменитыми хотели бы менее трети россиян (32%), а в осуществимость этого верят только 11%.

Итак, анализ ситуации с различными бытовыми аспектами повседневной жизни россиян, показал, что в целом материальная сторона их жизни в последние годы демонстрировала положительную динамику. Однако средние показатели могут скрывать значительные различия в уровне жизни между разными группами населения, поэтому важно оценить не только ситуацию в тех или иных сферах, но и получить общую модель современного российского общества, построенную по критерию уровня жизни. Для решения данной задачи был использован специально сконструированный индекс. Построение индекса уровня жизни основывалось на следующей гипотезе: реальный уровень жизни определяется не только наличием у индивида (домохозяйства) необходимых предметов пользования, но и тем, чего у него нет. Поэтому индекс учитывал как признаки благосостояния, так и признаки депривации, которые входили в индекс с противоположными знаками, то есть могли частично компенсировать друг друга. Для построения индекса были использованы показатели субъективных оценок наличия значимых форм депривации (ограничения, значимые с точки зрения общепринятого

¹ В таблице не представлены затруднившиеся с ответом.

для России образа жизни — оценка респондентом своих возможностей питаться, одеваться, проводить свободное время и отдыхать в период отпуска как плохих), имущественная обеспеченность (учитывалось как непосредственное наличие разного типа имущества, так и его обновление), наличие недвижимости, качество жилищных условий, наличие инвестиционных ресурсов и сбережений, использование платных социальных услуг для детей и взрослых, возможности проведения досуга. На основе рассчитанного по этим показателям интегрального индикатора уровня жизни была построена модель российского общества, которая позволила оценить численность в нем различных страт и массовых слоев населения, а также их динамику в последние годы (см. таблицу 7.5).

Таблица 7.5

Численность основных слоев и страт российского общества, выделенных по критерию уровня жизни в составе населения не старше 55 лет, 2003-2012 гг., %¹

Слои и страты	2003	2009	2012
Бедные слои	29	14	6
Нищие (1 страта)	6	2	1
Представители глубокой бедности (2 страта)	12	4	1
Собственно бедные (3 страта)	11	8	4
Нуждающиеся (4 страта)	25	25	26
Малообеспеченные (5 страта)	17	20	23
Среднеобеспеченные слои	22	28	32
Нижний средний класс (6 страта)	8	8	11
Средний класс – 1 (7 страта)	9	11	12
Средний класс – 2 (8 страта)	5	9	9
Хорошо обеспеченные слои	7	13	13
Обеспеченные (9 страта)	5	10	10
Состоятельные (10 страта)	2	3	3

Как видно из данных таблицы 7.5, за период 2003-2009 гг. произошли заметные изменения в численности основных слоев российского общества: *в 2 раза сократилось численность бедных слоев, при этом выросла численность среднеобеспеченных и хорошо обеспеченных слоев* (по сравнению с 2003 годом, численность последней группы увеличилась практически вдвое). За последние три года изменения носили уже не столь резкий характер: *по сравнению с 2009 годом, к настоя-*

¹ Напомним, что выборка исследования охватывала население в возрасте не старше 55 лет. При построении модели российского общества с учетом пенсионеров, как показывают данные прошлых лет, картина меняется – растет доля бедных и малообеспеченных при сокращении численности среднеобеспеченных и хорошо обеспеченных слоев.

щему моменту выросла численность среднеобеспеченных слоев за счет дальнейшего сокращения бедных слоев населения; численность хорошо обеспеченных слоев населения при этом не изменилась.

Чем же характеризуется уровень жизни разных слоев, существующих в нынешний период в российском обществе? Различия начинаются уже на уровне ежемесячного среднедушевого дохода на члена семьи, который, согласно самооценкам, составляет в среднем 10 657 руб. у бедных, нуждающихся и малообеспеченных (представителей 1-5 страт), 13 623 руб. у среднеобеспеченных и 21 044 руб. у хорошо обеспеченных. Однако средний уровень дохода не отражает в полной мере те различия в уровне жизни, которые можно увидеть при анализе наличия недвижимости, сбережений, товаров длительного пользования в домохозяйствах, принадлежащих к разным слоям.

Так, если говорить о жилищных условиях разных слоев россиян, то средние показатели количества квадратных метров на человека заметно возрастают по мере роста уровня жизни: среди бедных средний показатель составляет 15 м² на человека, среди нуждающихся — 17%, среди малообеспеченных — 21 м², среди среднеобеспеченных — 23 м² и, наконец, среди хорошо обеспеченных — 29 м². При этом у бедных и малообеспеченных в более чем четверти случаев (28%) жилье имеет лишь часть коммунальных удобств или не имеет их вообще (при аналогичных долях в 15% среди среднеобеспеченных и 8% среди хорошо обеспеченных россиян). Имеются различия и в распределении по типам жилья: бедные и малообеспеченные более чем в трети случаев проживают в общежитии или снимают жилье, в то время как наибольшая доля хорошо обеспеченных проживает в отдельных трехкомнатных квартирах (31%). В связи с этим очевидно, что удовлетворенность своей жилищной ситуацией представителей разных слоев находится в прямой зависимости от уровня жизни (см. рис. 7.7).

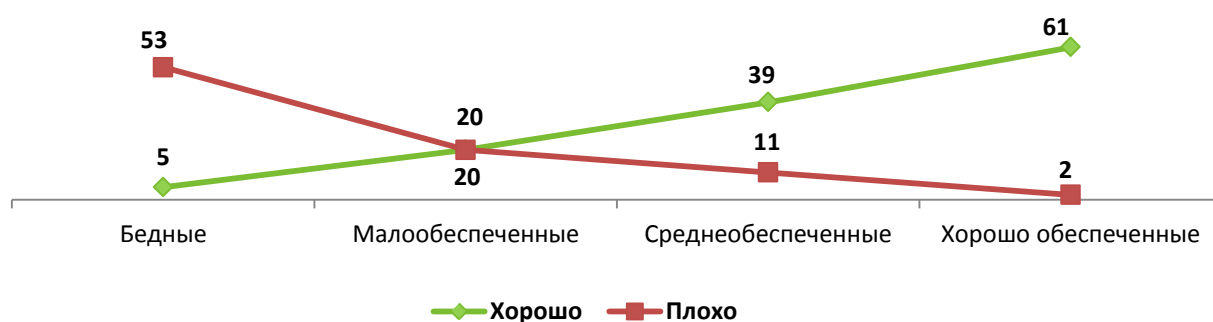

Рис. 7.7. Оценка жилищных условий в разных слоях по уровню жизни, в %¹

Как видно из данных рис. 7.7, «перелом» происходит в группе малообеспеченных: если среди бедных доля негативно оценивающих свои жилищные условия превышает долю оценивающих их позитивно, то в группе малообеспеченных картина изменяется, и по мере дальнейшего роста благосостояния разница между положительными и отрицательными оценками своих жилищных условий все более возрастает. Таким образом, хотя существующие цены на жилье делают его одинаково недоступным для всех слоев населения в России, кроме хорошо обеспеченных, все же возможность решить свою жилищную проблему для подавляющего большинства россиян напрямую зависит от их уровня жизни.

¹ В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

Посмотрим теперь, какие оценки дают россияне, принадлежащие к разным слоям по уровню жизни, другим аспектам своей повседневности (см. таблицу 7.6).

Таблица 7.6

Оценки различных аспектов своей жизни в разных слоях населения, выделенных по уровню жизни, %¹

		Бедные, нуждающиеся и малообеспеченные	Среднеобеспеченные	Хорошо обеспеченные
Материальное положение	Хорошо	11	28	47
	Плохо	20	9	6
Питание	Хорошо	32	57	74
	Плохо	4	1	0
Одежда	Хорошо	20	42	65
	Плохо	8	3	0
Здоровье	Хорошо	27	40	58
	Плохо	11	4	2
Жизнь в целом	Хорошо	26	48	67
	Плохо	4	2	1

Данные таблицы 7.6 показывают, что оценка россиянами всех без исключений аспектов своей жизни резко возрастает с ростом уровня жизни. Причем это касается не только базовых бытовых аспектов (доход, питание, одежда), но и состояния здоровья, которое во многом определяет жизненные шансы населения. Следует отметить, что *эти различия только усугубляются со временем, так как об улучшении своего положения за последние годы чаще говорят те, кто занимает более высокие позиции по уровню жизни в обществе*, в то время как ухудшения фиксируют, в первую очередь, представители неблагополучных слоев населения (см. таблицу 7.7).

Таблица 7.7

Самооценка динамики своего материального положения за последние три года (2009-2012 гг.) в разных группах населения, выделенных по уровню жизни, %²

Материальное положение	Улучшилось	Ухудшилось
Бедные	18	29
Нуждающиеся	23	18
Малообеспеченные	35	11
Среднеобеспеченные	43	10
Хорошо обеспеченные	68	5

¹ В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный в таблице, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

² В анкете присутствовал также ответ «осталось без изменений», не представленный в таблице, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

Среди качественных характеристик жизни разных слоев населения бытовые условия россиян существенно отличаются в зависимости от их принадлежности к тому или иному социальному слою (см. таблицу 7.8).

Таблица 7.8

Некоторые особенности повседневной жизни разных групп населения, выделенных по критерию уровню жизни, 2009-2012 гг., %¹

	Бедные, нуждающиеся и малообеспеченные	Среднеобеспеченные	Хорошо обеспеченные
Имеют дачу, участок с домом	18	42	57
Имеют второе жилье	1	5	18
Имеют машину	39	73	92
Имеют гараж	13	39	63
Имеют крупные сбережения	3	14	37
Имеют мелкие сбережения	17	29	26
Имеют мелкие долги, долги по квартплате	23	12	14
Не использовали за последние три года никаких платных социальных услуг для себя или для детей	42	19	6
Не удалось добиться никаких качественных улучшений в своей жизни за последние три года	50	23	5

Как видно из данных таблицы 7.8, условия жизни бедных и малообеспеченных слоев населения качественно отличаются от условий, характерных для среднеобеспеченных и хорошо обеспеченных слоев. Это касается как наличия недвижимого имущества и сбережений, так и возможности инвестиций в человеческий капитал (в свой и капитал своих детей), и добиваться значимых улучшений в жизни. Если среди бедных и малообеспеченных лишь половина смогла добиться определенных позитивных результатов за последние три года, то среди хорошо обеспеченных эта доля составляет 95%.

Следует обратить внимание и на отличия во владении товарами длительного пользования разных слоев населения (см. таблицу 7.9).

Таблица 7.9

Наличие товаров длительного пользования в домохозяйствах, принадлежащих к разным слоям по уровню жизни, %*

Предметы обихода	Бедные	Нуждающиеся	Мало-обеспеченные	Средне-обеспеченные	Хорошо обеспеченные
Телевизор	+	+	+	+	+
Холодильник	+	+	+	+	+
Мобильный телефон	+	+	+	+	+
Ковер, палас	+	+	+	+	+

¹ В анкете присутствовал также ответ «осталось без изменений», не представленный в таблице, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

Продолжение таблицы 7.9

Предметы обихода	Бедные	Нуждающиеся	Мало-обеспеченные	Средне-обеспеченные	Хорошо обеспеченные
Мебельный гарнитур (включая кухонный, мягкую мебель)	+	+	+	+	+
Стиральная машина	+	+	+	+	+
Пылесос	+	+	+	+	+
Микроволновка, гриль, тостер и прочая мелкая бытовая техника	-	+	+	+	+
Компьютер	-	+	+	+	+
Электродрель, электро- или бензопила и т. п.	-	*	+	+	+
Видеомагнитофон	-	-	*	+	+
Музыкальный центр	-	-	*	+	+
Видеокамера, цифровой фотоаппарат	-	-	*	+	+
Автомобиль-иномарка	-	-	-	*	+
Отечественный автомобиль	-	-	-	*	*
Антенна спутникового телевидения	-	-	-	-	*
Морозильная камера	-	-	-	-	*
Мотоцикл, мотороллер	-	-	-	-	-
Посудомоечная машина	-	-	-	-	-
Импортные тренажеры	-	-	-	-	-
Домашний кинотеатр	-	-	-	-	-
Кондиционер	-	-	-	-	-
Черно-белый телевизор	-	-	-	-	-

Знаком «+» отмечены те ТДП, которые есть более чем в 50% домохозяйствах, знаком «» те, которые есть более чем в трети, но менее чем в половине домохозяйств.

Из данных таблицы 7.9 видно, как расширяется товарный набор по мере роста уровня жизни. Если более половины бедных домохозяйств владеют только телевизором, холодильником, стиральной машиной, пылесосом, ковром, мебелью и мобильным телефоном, то для нуждающихся этот набор расширяется за счет мелкой кухонной техники и компьютера. К набору, характерному для малообеспеченных слоев, прибавляется электроинструмент; среднеобеспеченные слои в более чем 50% случаев обеспечены также видеомагнитофоном, музыкальным центром и цифровой видеотехникой; для хорошо обеспеченных россиян этот набор дополняется автомобилем-иномаркой. Медианное значение количества товаров длительного пользования, имеющихся у бедных домохозяйств, составляет 7 предметов из 23-х, и только 4 из них куплены не позже, чем 7 лет назад. В нуждающихся домохозяйствах соответствующие медианные значения составляют 9 и 6 предметов, соответственно, в малообеспеченных домохозяйствах — 11

и 8. В среднеобеспеченных домохозяйствах эти значения подрастают до 12 и 10, причем появляется и один предмет, купленный не более года назад. Наконец, среди хорошо обеспеченных домохозяйств медианное значение общего количества предметов длительного пользования составляет 15 предметов из 23-х, из них 12 куплены не позже 7 лет назад, и 3 куплены в течение последнего года.

Итак, различия уровня жизни между разными слоями населения очень велики, и носят не только количественный, но и качественный характер, отражаясь, в частности, в наличии или отсутствии у их представителей жизненных шансов в самых разных областях.

8. Личная и семейная жизнь в мечтах россиян

Выше уже отмечалось, что в условиях атомизации российского общества и расплывчатости общей идеи, которая смогла бы объединить население страны, наши сограждане все больше закрываются от окружающего их мира, который кажется им все более тревожным, а зачастую и более враждебным. Не случайно, говоря об изменениях в качествах людей и их отношениях за последние 15–20 лет, большинство россиян отмечают, что такие качества как цинизм и агрессия в людях только усилились. При этом ослабли такие ранее типичные для россиян черты как уважение к старшим и к женщине, бескорыстие, доброжелательность, искренность, честность, душевность — т. е. именно те качества, на которых традиционно строится российская модель семьи и дружбы. Поэтому о чем бы в целом ни мечтали россияне, их пожелания и чаяния связаны с благополучием их ближайшего окружения.

Однако еще более распространенным и одним из самых заветных желаний россиян выступает столь необходимое им в этом непредсказуемом мире хорошее здоровье — свыше трети наших сограждан называют его, выделяя самые значимые для себя мечты. Более того, большинство россиян (56%), поймав «золотую рыбку», попросило бы здоровья себе, родным и близким. Именно оно оказалось самым распространенным их чаянием, которое опережает такие, входящие в первую тройку желания, как достаток и счастье родным и близким (50% и 33% соответственно из тех, кто вообще стал бы выражать какое-либо желание). При этом, чем хуже здоровье россиян, тем более активно они говорят о том, что, поймав «золотую рыбку», попросили бы ее выполнить пожелание, связанное со своим здоровьем. Так, об этом желании говорят 36% тех, кто оценивает состояние своего здоровья как хорошее, 46% — удовлетворительное, и 55% — плохое.

В этой связи стоит отметить, что ситуация со здоровьем россиян в последние годы стала улучшаться: если в 1997 году доля тех, кто говорил о своем здоровье как о плохом была ненамного ниже доли тех, кто говорил о нем как о хорошем, то в 2000-е годы разрыв между этими показателями увеличился, и сейчас доля населения, оценивающего свое здоровье как хорошее, практически в 4,5 раза выше доли тех, кто оценивает его как плохое (35% и 8% соответственно). Благополучный период экономического роста и последующей стабильности, видимо, позволил россиянам улучшить состояние здоровья. Однако сложно сказать, за счет чего это произошло — преодоления ситуации стресса 1990-х годов, улучшения питания в ходе роста их благосостояния или за счет роста доступности медицинских услуг или улучшения их качества (см. ниже рис. 8.1).

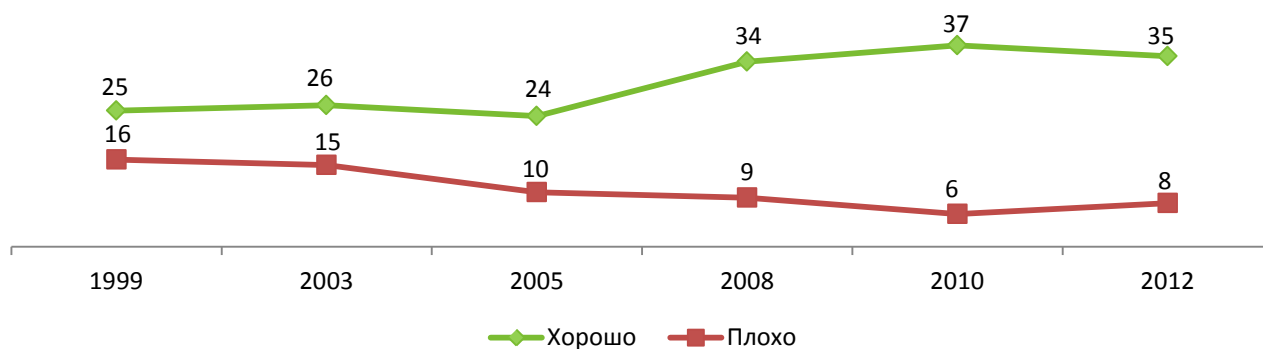

Рис. 8.1. Самооценка россиянами своего здоровья, 1999-2012 гг., %

Кроме того, 10% россиян заявляют о том, что за последние 3 года они сами или члены их семей смогли улучшить состояние своего здоровья. Чаще всего сделать это удавалось представителям 9-10 страт (20-25%), в то время как россиянам из 1-4 страт это было доступно не более чем в 5% случаев. В разных возрастных когортах стратегии поддержания и улучшения здоровья несколько различны, хотя для всех когорт наиболее свойственно обращение за медицинской помощью. Платные медицинские услуги использовали 64-66% россиян, улучшивших свое здоровье в возрасте до 45 лет, и 76% россиян в возрасте 46-55 лет. Обратная ситуация наблюдается с методами поддержания здоровья, а не только лечения. Так, спортом в свободное время занимаются 26-32% россиян 16-45 лет и только 6% тех, кто старше 45 лет. При этом оздоровительные услуги использовали в последние три года 27-31% населения 26-55 лет и 21% молодежи до 25 лет. В целом же большинство россиян (54%) использовало за последние 3 года платные медицинские услуги, 26% — оздоровительные услуги для себя и 12% — для детей, а 22% занимались спортом и физкультурой в свободное время.

Таким образом, в части сохранения здоровья профилактические меры для наших сограждан в целом непопулярны. Об этом свидетельствует и то, что среди говорящих о хорошем здоровье как своей мечте, активность в сфере поддержания здоровья была менее, а в части лечения — более интенсивной, чем для россиян в целом: платными медуслугами среди них пользовались 59% при 54% по населению в целом, оздоровительными услугами для себя — 12%, и для детей — 7% (12% и 8% для населения в целом соответственно), а спортом занимались 11% и 14% соответственно. Таким образом, в целом состояние здоровья, являясь необходимым условием благополучия на микроуровне и гармонии с самим собой, как правило, не задается россиянами в качестве цели до возникновения проблем со здоровьем, когда уже становится трудно что-то изменить и остается только мечтать о хорошем здоровье.

Россияне редко обозначают в качестве мечты такие важные для социально-психологического комфорта человека аспекты его жизни как наличие хороших детей и семьи, а также — настоящей любви. Между тем именно данные сферы жизни в последнюю очередь поддаются маркетингизации в условиях рыночных отношений и позволяют микромиру человека существовать в виде надежной защиты, обеспечивающей ему социально-психологический комфорт. К числу трех жизненных приоритетов эти позиции относят 25%, 19% и 7% из тех, кто говорил о наличии у него мечты или цели жизни. В качестве желания, которое хотели бы попросить выполнить наши сограждане, счастье в личной жизни называли только 18% (или 24% из тех, кто стал бы загадывать желание).

Как же это коррелирует с тем, что практически все россияне (99%) говорят о значимости для них семьи? Это тем более важно понять, если учесть, что для 90% семья очень значима, а две трети из них (65%) часто испытывают с ней чувство общности¹. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что для большей части населения счастливая семья и хорошие дети либо уже стали реальностью, либо кажутся вполне достижимой целью, о которой, в принципе, можно и не мечтать. Пессимизм относительно возможностей достижения успеха по этим направлениям испытывают только 9% и 6% россиян соответственно, а не имеют желания создать счастливую семью и воспитать хороших детей только 1% и 2%. При этом практически половина россиян (48%) уже имеют счастливую семью, а 42% считают, что им это по силам. Однако стоит подчеркнуть в связи с этим, что в данной области обозначились некоторые проблемы, и впервые за последнее десятилетие самооценка наличия счастливой семьи опустилась в 2012г. ниже 50% (см. таблицу 8.1).

Таблица 8.1

Достижения россиян в создании семьи и воспитании детей, 1994-2012 гг., %²

Успехи в создании счастливой семьи					
	2003	2006	2008	2010	2012
Уже добились, чего хотели	52	58	52	52	48
Еще не добились, но считают, что смогут	32	27	32	36	42
Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться	14	13	13	11	9
В планах этого не было	2	2	2	1	1
Успехи в воспитании хороших детей					
Уже добились, чего хотели	34	40	37	38	36
Еще не добились, но считают, что смогут	57	48	53	52	56
Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться	7	7	7	7	6
В планах этого не было	2	5	3	3	2

Таким образом, счастливая семья — весьма доступное и реализуемое, по мнению россиян, желание, поэтому они рассматривают его, скорее, как текущую задачу, а не заветную мечту. Только 13% имеющих и 23% намеревающихся иметь счастливую семью продолжают говорить о ней как о своей мечте и ценить необходимость ее сохранения.

Чаще о семье как о мечте говорят те, у кого ее еще нет: 22% никогда не состоявших в браке и 26% не состоящих в браке, но имеющих постоянного партнера россиян. Для женатых, разведенных, вдовых и состоящих в гражданском браке этот показатель значительно ниже (14, 15, 16 и 16% соответственно). В качестве желаемой цели (по пока не достигнутой) создание семьи рассматривают 94% никогда не состоявших в браке, 88% не женатых, но имеющих постоянного партнера, 77% разведенных, 50% вдовых россиян. Для состоящих в официальном браке этот показатель равен 20%, а в гражданском браке — 59%. Данные факты свидетельствуют не столько о том, что гражданские браки не являются счастли-

¹ См. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. — М.: «Весь мир», 2010.

² В таблице не представлены ответившие «удовлетворительно» и затруднившиеся с ответом.

выми, сколько о том, что они часто вообще не воспринимаются россиянами как семья¹. Тем самым, создание семьи — часть жизненной программы россиян, необходимость и значимость которой не ставится ими под сомнение, но, с другой стороны, сама по себе семья не является «заоблачной мечтой». Значима ли в таких условиях семья как необходимое условие для реализации другой важной жизненной цели — рождения и воспитания детей?

Воспитание хороших детей отсутствует в планах только у 2% россиян, более трети (36%) их уже имеют, более половины (56%) думают, что смогут их воспитать и 6% хотели бы этого, но отрицательно оценивают свои шансы в данной сфере. При этом мечтают иметь хороших детей только 23% населения в целом и 21% тех, кто их уже имеет. Таким образом, дети рассматриваются в качестве значимой жизненной ценности, но также имеющей скорее характер текущей задачи, чем глобальной мечты. Как мечта эта задача актуализируется, как ни странно, в браке, в том числе гражданском: 25% официально женатых и 29% состоящих в гражданском браке россиян говорят, что мечтают иметь хороших детей, в то время как для разведенных и вдовых этот показатель составляет 22% и 20%, а для холостых и не состоящих в браке, но имеющих постоянного партнера — 19% и 14% соответственно.

Кроме того, стоит подчеркнуть, что наличие детей в семье остается для россиян важной социальной нормой: среди тех состоящих в браке россиян, кто уже достиг успеха в воспитании хороших детей, 88% говорят и об успехе в создании хорошей семьи, в то время как среди состоящих в браке россиян, считающих, что успеха в воспитании детей они пока не имеют, хотя он в принципе достижим, этот показатель заметно меньше и равен только 67%. Эта тенденция усиливается с ухудшением отношений в семье, и соответствующие показатели составляют 93 и 81% для женатых россиян с хорошими и 78 и 49% — с удовлетворительными отношениями в семье.

Среди россиян существует также типичное представление о том, сколько детей должно быть в семье: и по средним, и по медианным показателям желаемое число детей составляет 2. В целом, в настоящее время 25% россиян хотят одного ребенка, 59% — двоих и 16% — больше двух. При этом в случае отсутствия материальных ограничений для рождения детей желаемое россиянами количество детей увеличивается в среднем до 2,4, что означает выход как минимум на простое воспроизводство населения страны и прекращения падения численности населения России: при отсутствии материальных ограничений 11% населения завели бы не одного, а двух детей, еще 20% — трех детей. В целом в этих случаях у трети населения увеличилось бы количество детей. Несколько выше среднего показателя пожелания относительно количества детей в семье наблюдаются в составе наиболее благополучного населения — в 9-10 стратах (в среднем в них хотели бы иметь 2,09 и 2,45 детей — в случае отсутствия ограничений материального характера), а также среди тех, для кого дети выступают значимой артикулируемой ценностью и кто мечтает о хороших детях (2,06 и 2,54 соответственно) и представителей семей с хорошими отношениями между супругами (2 и 2,46 соответственно). Таким образом, отношение к детям в современных российских семьях по большей мере носит нормативный характер — дети должны быть, причем желательно, чтобы их было минимум двое. Они укрепляют и наполняют смыслом семейный союз, делают его более прочным и успешным.

¹ Данный факт был зафиксирован в предыдущих исследованиях, см., например, Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. — М.: «Весь мир», 2010.

Счастливые российские семьи отличаются хорошими отношениями как в целом, так и между супругами в частности, включая их сексуальную жизнь. И наоборот, хорошие отношения в семье и полноценная сексуальная жизнь повышают оценки россиян их успехов в создании счастливой семьи. Примечательно при этом, что сексуальный мотив практически никак не прозвучал в мечтах россиян, хотя подобная сторона жизни оказалась очень важной для счастливого супружества: 84% женатых россиян, оценивающих свою сексуальную жизнь на «хорошо», уже имеют счастливую семью, а среди тех, кто дает своей сексуальной жизни удовлетворительную оценку — только 67%. При этом в сфере сексуальной жизни у россиян далеко не все складывается гладко, даже у молодежи. В настоящее время свою сексуальную жизнь оценивают на «хорошо» только 44% россиян, а 12% дают ей оценку «плохо». При этом женщины негативно оценивают состояние этой сферы жизни в два раза чаще мужчин (16% и 8% соответственно). Наименее благоприятна ситуация в этом отношении, как это ни парадоксально, в крупных городах: только 44% состоящих в браке (в том числе в гражданском) жителей мегаполисов дают своей сексуальной жизни оценку «хорошо», в то время как для женатых представителей остальных населенных пунктов этот показатель не ниже 51%.

Относительно благополучнее складывается сексуальная жизнь у неженатых россиян, но имеющих постоянного партнера: хорошо свою сексуальную жизнь оценили 54% женатых, 49% состоящих в гражданском браке и 62% неженатых, но имеющих постоянного партнера, в то время как для холостых, разведенных и вдовых этот показатель был равен 37%, 19% и 18% соответственно. Однако среди состоящих в браке россиян даже молодежь, будучи в целом более удовлетворенной этой сферой жизни, в трети случаев оценивает свою сексуальную жизнь как удовлетворительную или плохую (29% россиян в возрасте до 25 лет и 34% россиян в возрасте 26–35 лет). При этом положительно на ней сказываются высокий уровень благосостояния и хорошие отношения в семье (см. таблицу 8.2) как источники общего положительного фона личных отношений, в том числе сексуальных. Более того — отношения в семье очень тесно коррелируют с удовлетворенностью сексуальной жизнью.

Таблица 8.2

Оценка россиянами своих сексуальных отношений, %¹

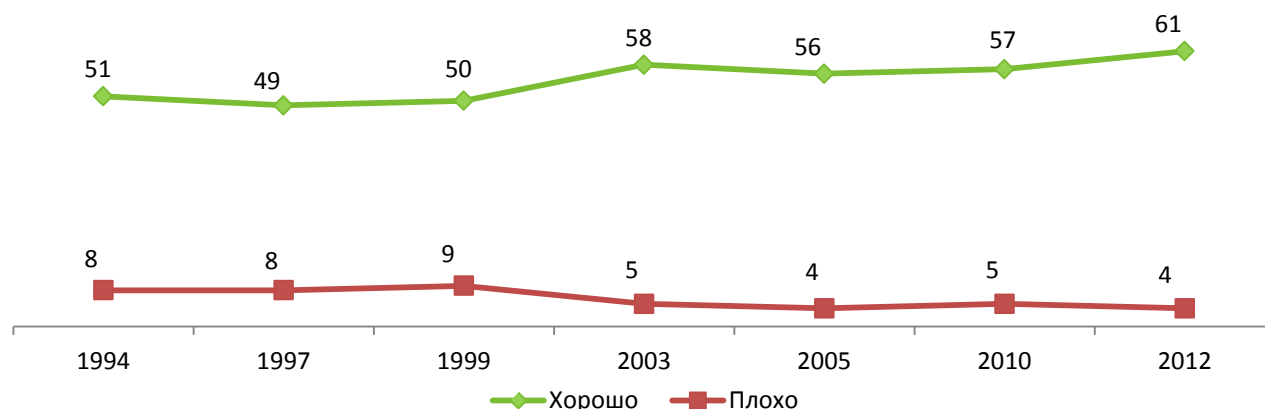
	Хорошие	Удовлетворительные	Плохие
Возраст			
16–25 лет	71	28	1
26–35 лет	66	33	1
36–45 лет	51	44	5
46–55 лет	38	51	11
Уровень жизни			
1–4 страты	43	50	7
5–8 страты	55	40	5
9–10 страты	71	27	2

¹ В таблице не представлены ответы состоящих в браке, в том числе и гражданском.

Продолжение таблицы 8.2

	Хорошие	Удовлетворительные	Плохие
Отношения в семье			
Хорошие	78	20	2
Удовлетворительные	11	80	9
Плохие	22	35	43

Важно подчеркнуть, что отношения в российских семьях в основном хорошие (61%), и только 4% россиян отзываются о них как о плохих. При этом за последнее десятилетие ситуация в данной сфере только улучшалась, что может быть связано с ростом уровня жизни населения, ведь, как уже неоднократно демонстрировалось в исследованиях ИС РАН¹, материальная обеспеченность и удовлетворенность своим социальным положением оказывают непосредственное влияние на отношения в семье. Среди россиян с высоким социальным статусом и хорошим по самооценке материальным положением почти все (90-93%) говорят о хороших отношениях с родными. Для тех, чье благосостояние оценивается ими удовлетворительно, этот показатель заметно ниже (53-57%), а у негативно оценивающих свое материальное положение и социальный статус он еще более низкий (49% и 30% соответственно).

Рис. 8.2. Самооценка россиянами отношений в семье, 1994-2012 гг., %²

Удивительно, но, тем не менее, семья может восприниматься россиянами как счастливая и в случае удовлетворительных и даже плохих отношений в ней: россияне из семей с хорошими и удовлетворительными отношениями говорят, что уже имеют счастливую семью в 86% и 61% случаев, однако, и 13% россиян из семей с плохими отношениями также считают их счастливыми, и еще 48% рассчитывают, что будут иметь такую семью³. При этом плохая сексуальная жизнь россиян не означает, что они не будут оценивать свою семью как счастливую — 46% (!) женатых россиян, оценивающих свою сексуальную жизнь на «плохо», говорят, что уже имеют счастливую семью, и 23% думают, что смогут этого до-

¹ Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М.: «Весь мир», 2010; Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М.: 2009.

² На рисунке не представлены ответившие «удовлетворительно» и затруднившиеся с ответом.

³ Приведены показатели для россиян, состоящих в браке, в том числе и гражданском.

биться. Приведенные данные говорят о том, что *при создании семьи наши сограждане далеко не всегда ставят задачу обеспечения себе комфортной системы личных отношений, включая сексуальные — во всяком случае, они не ставят эту задачу во главу угла*. Так каково же место семьи в духовной жизни россиян и каково место любви и душевной привязанности в отношениях супругов?

Как уже было отмечено выше, россияне практически не мечтают встретить настоящую любовь — о таком желании говорят только 6% из них; чаще женщины, чем мужчины (8% и 4% соответственно); россияне из благополучных слоев (11% для представителей 9-10 страт, в то время как для остальных — только 6%); молодежь (13% в возрасте до 25 лет, 7% в возрасте 26-35 лет и только 2% в более старших возрастах) и никогда не состоявшие в браке (17%, при 10% для не состоящих в браке, но имеющих постоянного партнера). При этом в три раза активнее те россияне, кто, поймав «золотую рыбку», попросили бы выполнить в качестве одного из трех желаний — обеспечить счастье в личной жизни (18%). Из тех, кто получил бы это, только 16% мечтают о хороших детях, 25% — о хорошей семье и 20% — встретить настоящую любовь. *Таким образом, счастье в личной жизни для россиян связано не только с любовью и семьей, а включает более широкий комплекс составляющих. Одна из них — соответствие человека, находящегося рядом, некоему идеальному портрету, внутренним ожиданиям, позволяющим прожить с ним жизнь в условиях, когда семья, точнее ее наличие, воспринимается как некое обязательное условие своего жизнепроектирования.*

Как же выглядят сегодня идеальные мужчина и женщина в глазах россиян? Какими должны быть те мужчина и женщина, о которых они мечтают? По мнению представителей сильного пола, идеальный мужчина должен быть, в первую очередь, физически сильным и здоровым (67%), и здесь с ними солидарны, хотя и в меньшей степени, женщины (53%) (см. таблицу 8.3). Правда, следует отметить, что для женщин умеренная физическая сила может компенсироваться привлекательной внешностью, которую они относительно чаще ценят в мужчинах. Оценка значимости для идеального мужчины физической силы и здоровья выше в сельской местности (65%), и с возрастом она несколько теряет, хотя и ненамного, свою значимость (61% для россиян до 25 лет и 55% в возрасте 46-55 лет).

Таблица 8.3

Качества, наиболее важные для идеальных мужчины и женщины, по мнению мужчин и женщин, % (допускалось до трех вариантов ответа)

	Идеальный мужчина		Идеальная женщина	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Физическая сила, здоровье	67	53	9	14
Ум, интеллект	35	32	16	19
Отсутствие вредных привычек (алкоголизм, наркомания и т. п.)	33	42	19	21
Уверенность в себе	29	19	7	18
Умение обеспечить материальный достаток	29	35	2	2
Сексуальность	15	18	48	34
Чувство юмора	15	14	12	11
Твердость	15	9	2	3

Продолжение таблицы 8.3

	Идеальный мужчина		Идеальная женщина	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Хозяйственность, практичность	14	10	19	24
Привлекательная внешность	13	21	69	66
Верность в любви	9	19	31	18
Любовь к детям	6	8	20	27
Доброта	6	6	12	16
Легкий характер, покладистость	3	4	23	19

Около трети представителей сильного пола считают, что идеальный мужчина также должен быть умным (35%) и не иметь вредных привычек (33%). Женщины, при этом, еще больше мужчин ценят отсутствие вредных привычек (42%), а третьим по уровню значимости качеством идеального мужчины называют умение обеспечить материальный достаток (35%). Ценность отсутствия вредных привычек у мужчины нарастает с возрастом (34% для россиян в возрасте до 25 лет, 44% — 46–55 лет) и относительно выше в наименее благополучных группах населения (44% для представителей 1–4 страт, 38% для 5–8 страт и 24% для 9–10 страт). Это свидетельствует о том, что именно в данных социальных группах в наибольшей степени актуализирована соответствующая проблема.

При этом можно выделить определенные типы идеальных мужчин, о которых говорят россияне¹ (см. ниже таблицу 8.4). Наиболее распространенный тип (его отмечают 19% россиян) — «*надежный*» мужчина, который, пусть и не обладает выраженной физической силой и сексуальностью, но может обеспечить достаток, умен, не имеет вредных привычек, в меру привлекателен, верен и тверд. «*Семьянин*» (16%) отличается физическим здоровьем, хозяйственностью и отсутствием вредных привычек, а также верностью и любовью к детям. Мужчина — «*душа компании*» (15%) имеет хорошее чувство юмора, умен и сексуален, одним словом, идеальный спутник для выхода в свет. Мужчина — «*сексуальный партнер*» видится идеалом 15% россиян. Он физически силен, привлекателен, сексуален и может обеспечить материальный достаток. «*Брутальный*» мужчина, о котором как об идеале говорят 13% россиян, физически силен, уверен в себе и не имеет вредных привычек. «*Труженик*» — здоровый мужчина без вредных привычек, который может обеспечить материальный достаток, является идеалом по мнению 11% россиян, как и несколько неопределенный типаж «*сильного и умного*» мужчины без вредных привычек.

При этом наблюдаются гендерные различия во взглядах на идеального мужчину. Так, мужчины переоценивают потенциал «брутальности», но при этом недооценивают спрос женщин на «надежных» мужчин и «тружеников» (см. ниже таблицу 8.4). Сказываются на распространенности образов идеального мужчины и другие факторы. Так, у жителей мегаполисов представление об идеальном мужчине смещено в сторону типажа «душа компании» (20%, в то время как для населения в целом этот показатель составляет 15%), а в сельской местности — «семьянина» (21% в противовес 16% по массиву в целом). Представители 9–10 страт чаще других рисуют портрет идеального мужчины как «души компании» (21% при 15% по массиву), а одинокие (вдовы и разведенные) — как «надежного» (23% и 19% соответственно).

¹ Типы идеальных мужчин выделены на основе двухшагового кластерного анализа.

Таблица 8.4

Типы идеальных мужчин, %¹

	Брутальный	Душа компании	Семьянин	Сексуальный партнер	Надежный	Труженик	Сильный и умный	В целом
Привлекательная внешность	4	16	3	47	29	11	4	18
Физическая сила, здоровье	66	48	63	93	0	78	100	59
Сексуальность	10	44	0	42	0	23	0	17
Верность в любви	0	10	31	19	20	0	9	14
Отсутствие вредных привычек (алкоголизм, наркомания и т. п.)	44	5	43	0	47	100	43	38
Ум, интеллект	37	45	5	0	51	0	100	33
Чувство юмора	3	67	5	0	8	14	0	14
Уверенность в себе	100	15	1	26	24	0	0	24
Хозяйственность, практичность	7	4	51	0	10	0	0	12
Умение обеспечить материальный достаток	0	8	27	49	61	48	25	33
Доля кластеров								
По населению	13	15	16	15	19	11	11	100
Для женщин	9	14	17	15	23	13	9	100
Для мужчин	17	16	16	15	15	8	13	100

Совсем иной набор качеств характеризует идеальную женщину. По мнению и мужчин, и женщин, она должна быть в первую очередь привлекательной внешне (69% и 66%) и сексуальной (48% и 34%). При этом сексуальность больше ценится жителями мегаполисов (48%), не женатыми россиянами (45%) и молодежью (46%). Третье по уровню значимости для идеальной женщины качество, по мнению мужчин, — верность в любви (31%), а по мнению женщин — любовь к детям (27%). При этом в целом любовь женщины к детям больше ценится в мелких населенных пунктах (17% в мегаполисах, 20-25% в городах и 29% в сельской местности) и менее благополучных слоях населения (28% в 1-4 стратах, 23% — в 5-8 стратах и 18% в 9-10 стратах), где роли жены и матери являются для женщины основными.

Согласно представлениям россиян об идеальной женщине также можно выделить некоторые типы (см. таблицу 8.5). Наиболее распространенное видение идеальной женщины — «душа компании»: привлекательная, сексуальная, умная, уверенная в себе и с чувством юмора. Почти четверть населения считает именно такую женщину идеальной (24%). При этом чувство юмора в женщине наиболее востребовано в крупных населенных пунктах: качеством идеальной женщины его считают 20% жителей мегаполисов, 15% жителей областных центров и только 7% жителей сельской местности. Одна пятая часть россиян видит в качестве идеала «семейную» женщину, которая верна, хозяйственна, добра и любит детей. При этом в целом хозяйственность не очень значима для жителей мега-

¹ В таблице представлены качества, отмеченные более чем 25% респондентов хотя бы для одного из типов идеальных мужчин.

полисов, которые ценят ее в 12% случаев (21-25% для жителей других населенных пунктов). 20% россиян идеалом считают просто женщину «без вредных привычек». Относительно небольшое внимание на наличие/отсутствие вредных привычек обращают жители мегаполисов – 13%, в то время как для остального населения этот показатель равен 17-23%. «Современная домохозяйка» – привлекательная, сексуальная, хозяйственная, любящая детей и физически здоровая женщина кажется идеалом для 15% россиян. «Женственные» представительницы слабого пола – верные, привлекательные, сексуальные и любящие детей, являются идеалом 10% россиян, а «сексуальные партнерши» (привлекательные, сексуальные и при этом с легким характером) – 9%. Легкий нрав в целом привлекает жителей мегаполисов (39%, в то время как для остального населения этот показатель составляет 17-20%) и население старше 45 лет (29%, а для остальных – 17-21%).

Таблица 8.5

Типы идеальных женщин, %¹

	Без вредных привычек	Семейная	Современная домохозяйка	Душа компании	Сексуальная партнерша	Женственная	В целом
Привлекательная внешность	51	25	90	76	100	93	67
Физическая сила, здоровье	10	16	36	1	0	0	12
Сексуальность	25	10	42	64	56	56	40
Верность в любви	16	52	0	0	0	99	24
Любовь к детям	20	38	36	11	0	34	24
Отсутствие вредных привычек (алкоголизм, наркомания и т. п.)	100	0	0	0	0	0	20
Ум, интеллект	12	14	8	41	16	0	18
Чувство юмора	3	9	2	31	12	0	12
Уверенность в себе	9	10	6	34	1	0	13
Легкий характер, покладистость	13	22	13	4	100	14	21
Хозяйственность, практичность	18	42	49	5	0	0	14
Доброта	12	36	0	16	11	0	14
Доля кластеров							
По населению	20	20	17	24	9	10	100
Для женщин	20	21	19	26	8	6	100
Для мужчин	19	20	15	21	11	14	100

¹ В таблице представлены качества, отмеченные более чем 25% респондентов хотя бы для одного из типов идеальных женщин.

При этом в крупных городах особенно востребован типаж «души компании» (29-31%), в мегаполисах еще и «сексуальной партнерши» (21%), а сельской местности — «современной домохозяйки» (21%).

Среди тех, в чьи мечты не входит мечта о счастливой личной жизни, наиболее востребованными типажам являются «надежный» мужчина (19%) и женщина — «душа компании» (24%). При этом «надежный» мужчина выступает идеалом и для тех женщин, которые мечтают устроить личную жизнь, т. е. обратились бы с соответствующим желанием к «золотой рыбке» (23%), мечтают иметь хорошую семью (19%), хороших детей (23%) и встретить настоящую любовь (24%). В то же время идеальной женщиной для мужчин, связывающих свои чаяния с личной жизнью, является либо «семейная» женщина (25% для тех, кто мечтает о хороших детях), либо женщина без вредных привычек (29% для тех, кто мечтает встретить настоящую любовь и 21% тех, кто мечтает иметь счастливую семью). При этом стоит отметить, что плюрализм мнений об идеальных мужчинах и женщинах ярко выражен и в среде мечтающих о любви и личном счастье.

Таким образом, представления россиян об идеальных мужчине и женщине крайне разнообразны и не локализованы в тех или иных социальных группах. При этом наиболее востребованный тип женщины — «душа компании», а мужчины — «надежный». Наличие у россиян мечты о любви и личной жизни (как и о хорошей семье) дает некоторое смещение предпочтений населения в сторону тех типажей, которые органичнее встраиваются в семейную жизнь («семейные» женщины и «надежные» мужчины), но не размывает ярко выраженной дифференцированности предпочтений. Соответственно, для личной жизни как отношений с противоположным полом, сегодня характерно разнообразие востребованных типажей.

При этом ситуация с образами идеальных супругов — мужа и жены — принципиально иная. Сразу стоит отметить, что представления об идеальном муже, хотя и коррелируют с представлениями об идеальном мужчине, но не совпадают с ними (см. ниже рис. 8.3). Для идеального мужа в значительно большей степени, чем для идеального мужчины, важно умение обеспечить материальный достаток (56% и 33% соответственно), верность в любви (38% и 14% соответственно) и любовь к детям (31% и 7% соответственно), а вот физическая сила и здоровье играют меньшее значение (37% и 59% соответственно). При общей для разных полов ценности в идеальном муже умения обеспечить материальный достаток (55% для мужчин и 57% для женщин), второе по значимости качество идеального мужа для женщин — верность в любви (44%), в то время как для мужчин оно не входит в тройку основных (31%). Для мужчин же второе качество идеального мужа — физическая сила и здоровье (41%). Отсутствие вредных привычек, занимая третью позицию в числе качеств идеального мужа, по мнению и мужчин, и женщин, все-таки более важно для последних (33% и 43% соответственно). *В целом же, несмотря на некоторые разночтения, представления об идеальном муже для россиян и россиянок похожи в значительно большей степени, нежели представления об идеальном мужчине.*

При этом для жителей мегаполисов для мужа более значимы характеристики, позволяющие ощущать душевный комфорт: верность (51% в мегаполисах, 41% в областных центрах и 33-37% в районных центрах и сельской местности), легкий характер (11% против 5% по массиву). В то же время в других населенных пунктах более значимо отсутствие вредных привычек (26% у жителей мегаполисов и 40% среди жителей остальных населенных пунктов) и наличие хозяйственности (ее как значимое качество идеального мужа отмечают 15% жителей

мегаполисов и 19-25% россиян из других населенных пунктов). При этом те, кто мечтает о хорошей семье, выше остальных ценят в муже верность (42% при 37% по массиву), как и те, кто попросил бы счастье в личной жизни, поймав «золотую рыбку» (47% и 36% соответственно).

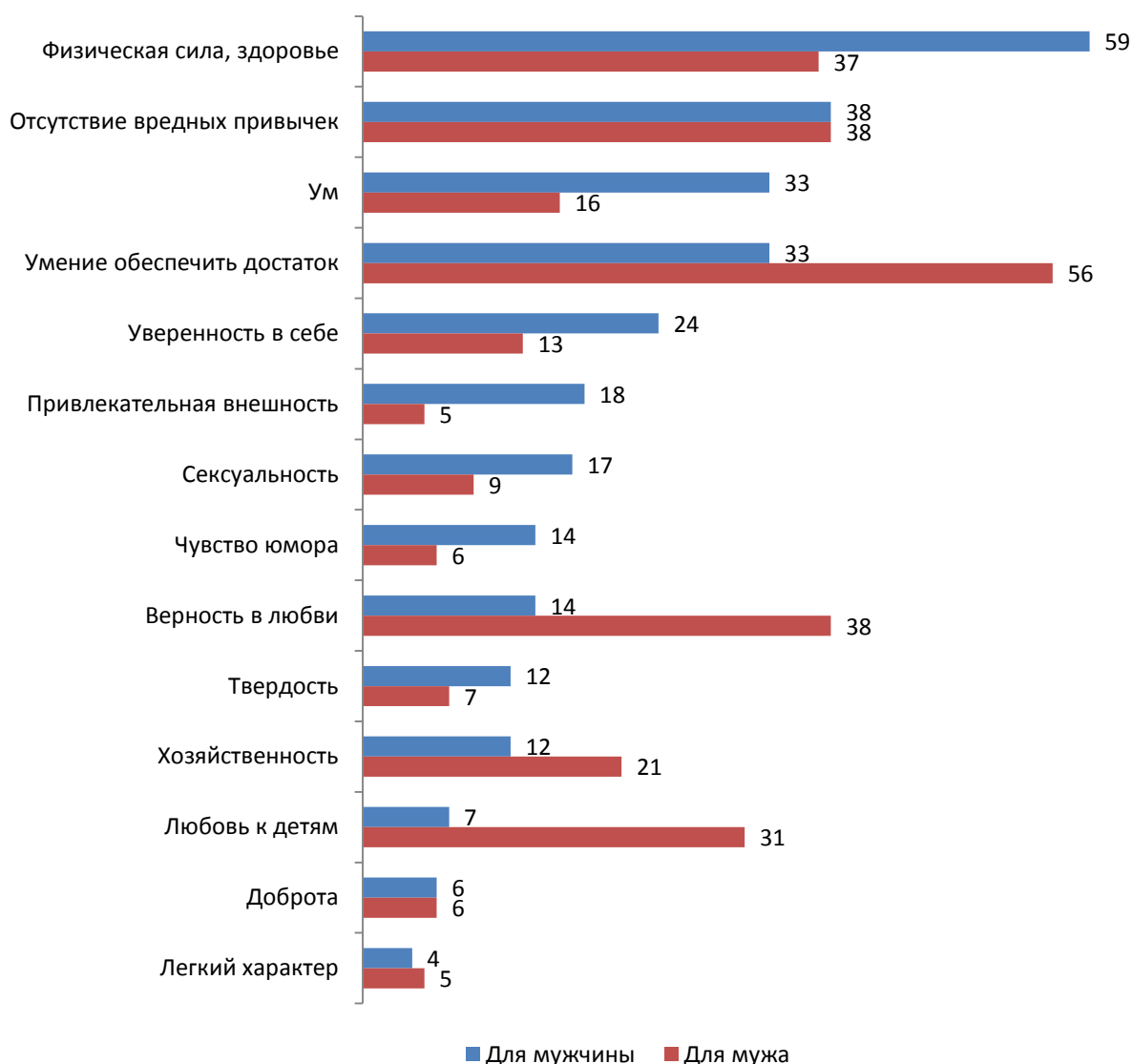

Рис. 8.3. Наиболее важные для идеального мужчины и мужа качества, %
(допускалось до трех вариантов ответа)

А какой же должна быть, по мнению россиян, идеальная жена? Если ключевыми характеристиками для женщины были привлекательность и сексуальность, то для идеальной жены этот набор принципиально иной: любовь к детям (55%), хозяйственность (47%) и верность в любви (44%) (см. ниже рис. 8.4). Эту совокупность качеств отмечают и мужчины, и женщины, правда, в разном порядке. Так, по мнению мужчин идеальная жена должна, во-первых, быть верной (52%), во-вторых, любить детей (50%) и, в-третьих, быть хозяйственной (42%). По мнению женщин, наиболее важное качество для идеальной жены — любовь к детям (59%); данному качеству несколько уступает хозяйственность (51%) и верность (37%) (см. рис. 8.4). При этом образ идеальной жены не зависит от пола, возраста, образования, места проживания и других характеристик.

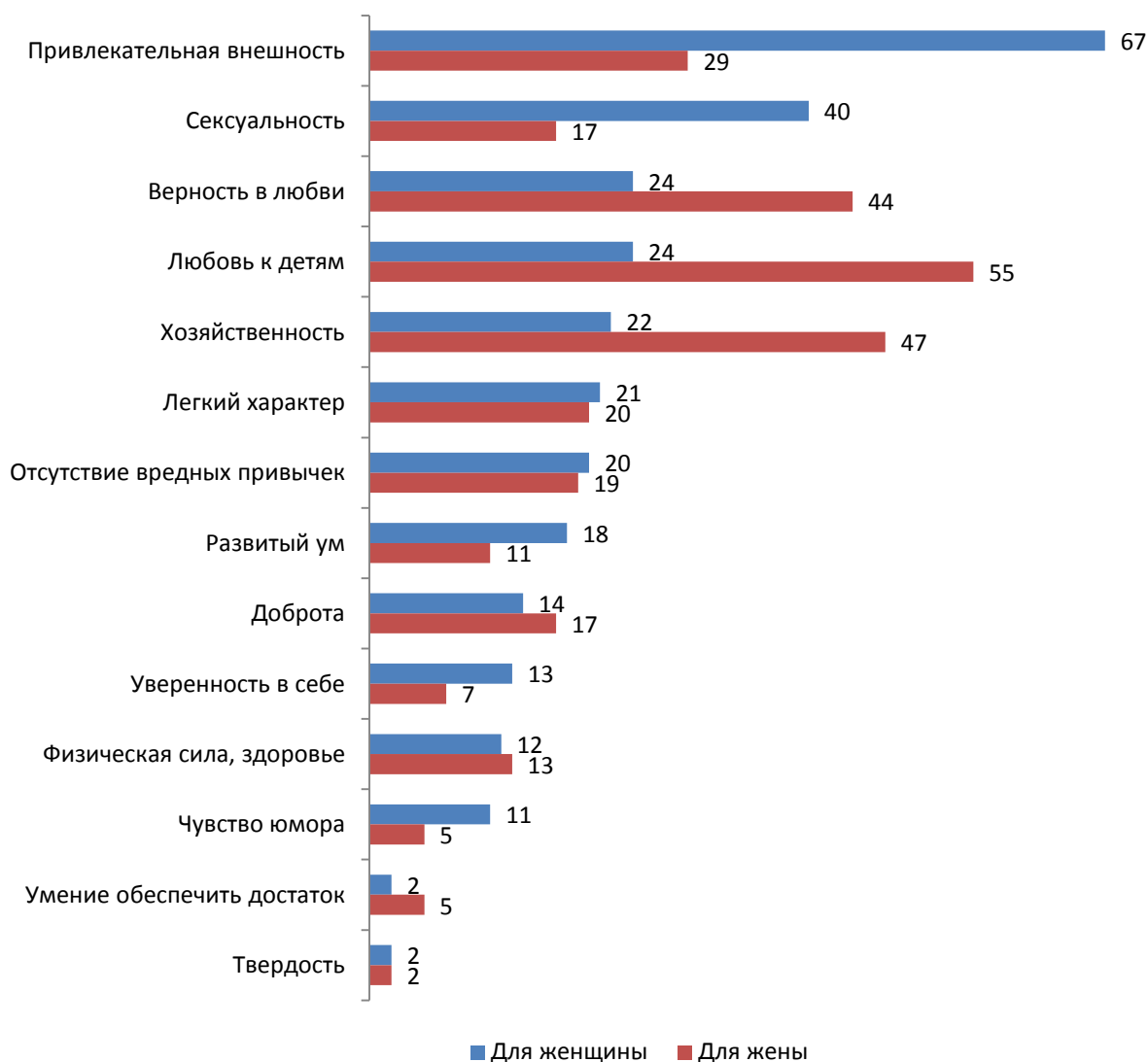

Рис. 8.4. Наиболее важные качества для идеальной женщины и жены, %

Как видно, представления россиян об идеальном муже и идеальной жене соответствуют традиционным представлениям об этих ролях и являются менее разнообразными, нежели представления об идеальных мужчине и женщине. При этом, исходя из характеристик, приписанных мужу и жене, семья является тем микрокосмом, который супруги должны оберегать (верностью), обеспечивать (участвуя в его хозяйственной деятельности) и развивать (за счет рождения и воспитания детей). Тем не менее, это не исключает существования разных семейных моделей на практике¹ в связи с различными жизненными обстоятельствами, и скорее подтверждает устойчивость глубинных, нормативных представлений россиян об идеальной семье. В условиях демографической модернизации, которая активно протекает в российском обществе сегодня, подобная устойчивость и стабильность являются свидетельством наличия особой роли семьи в рамках российского социального проекта.

Вторая важнейшая для россиян ипостась микромира, в которой они себя рассматривают наряду с семьей — дружеские отношения. Для большинства россиян (55%) друг — это тот, на кого можно рассчитывать в критической жизненной ситуации. Еще 14% говорят о друге как о том, кто готов оказать услугу в любой

¹ См. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Кrumma, Н. Е. Тихоновой. — М.: «Весь мир», 2010; Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Кrumma, Н. Е. Тихоновой. — М.: 2009.

момент. Для пятой части населения с другом легко общаться (17%) и не скучно (4%), а для 10% россиян друг — это тот, кто разделяет их мечты и цели. *Тем самым, дружба для россиян — скорее опора и ресурс взаимопомощи и поддержки, нежели зона повседневного комфорта или компания единомышленников. При этом доминирование ориентации на помощь друзей только в критических случаях свидетельствует о том, что маркизация как таковая пока не затронула (или, по крайней мере, не затронула существенно) систему дружеских отношений.*

У большинства россиян (84%) есть друзья, о которых они мечтают. Правда, среди тех, для кого друг — это, в первую очередь, приятный и легкий собеседник, такого друга имеют 89%, среди друзей-единомышленников — 85%, а наиболее распространенный запрос на поддержку со стороны друзей удовлетворен в 82% случаев.

Среди имеющих друга-единомышленника и друга, готового помочь и поддержать, 73% и 75% соответственно отмечают, что уже имеют надежных друзей. При этом для тех, чьи друзья легки в общении, этот показатель равен только 59%. Это означает, что россияне, предъявляющие спрос на друзей, с которыми не скучно и легко общаться, осознают, что такие друзья не всегда обеспечивают надежную поддержку и опору. Видимо поэтому 29% обладающих подобным другом считают, что пока не имеют надежных друзей. В целом же достижения россиян в формировании круга надежных друзей наиболее существенны по сравнению с успехами в остальных сферах жизни — в целом, 63% населения уже имеют надежных друзей и 27% думают, что смогут этого добиться. Только 2% не ставят себе такой задачи, а 8% считают, что не смогут ее реализовать.

Тем не менее, почти половина населения (47%) считает, что за последние 15-20 лет верность россиян по отношению к своим товарищам ослабла и только 9% говорят о ее усилении. *Возможно, таким образом россияне фиксируют размывание традиционных для них представлений о дружбе (описываемых как «Сам погибай, а товарища выручай»), которые пока еще доминируют, с заменой их запросом на комфортную дружбу с легкими в общении людьми.* Тем не менее, именно друзья сегодня в значительной степени формируют круг общения россиян (см. таблицу 8.6).

Таблица 8.6

Круг общения россиян, % (допускалось несколько ответов)

С кем в свое свободное время общаются россияне	Имеющие легкого в общении друга	Имеющие надежного друга	Имеющие друга-единомышленника	Население в целом
Соседи	33	44	43	41
Родственники	65	75	78	72
Друзья на работе	65	64	64	62
Устоявшийся круг старых друзей и знакомых	57	68	59	61
Люди, с которыми я вместе хожу в спортклуб, на занятия, в кружки	13	11	20	11
Люди, с которыми я обычно развлекаюсь в компании	19	15	19	16
Единомышленники, разделяющие религиозные, философские взгляды	8	7	17	8

Круг общения населения в России включает, в основном, родственников (72%), друзей по работе (62%) и старых друзей и приятелей (61%), а также соседей (41%). При этом россияне, имеющие друга, готового помочь, значительно чаще остальных общаются со старыми друзьями. Стоит отметить также, что россияне, имеющие друзей-единомышленников, чаще остальных общаются с теми, кто разделяет их взгляды и верования (14% в противовес 7-8% для других групп). Однако, с учетом того, что доля населения, ориентированного на этот тип дружбы, достаточно мала, сложно говорить о формировании у россиян отношения к дружбе как среде самопознания и саморазвития.

Большинство россиян (55%) оценивают возможности общения со своими друзьями как хорошие, 41% — как удовлетворительные, и только 4% — как плохие. При этом чем выше уровень жизни, тем выше оценка этих возможностей: оценили их как хорошие около трети представителей 1-4 страт (38%), более половины (60%) 5-8 страт и три четверти — 9-10 страт. В среднем при этом наблюдается доминирование положительных оценок возможностей общения с друзьями (см. рис. 8.5).

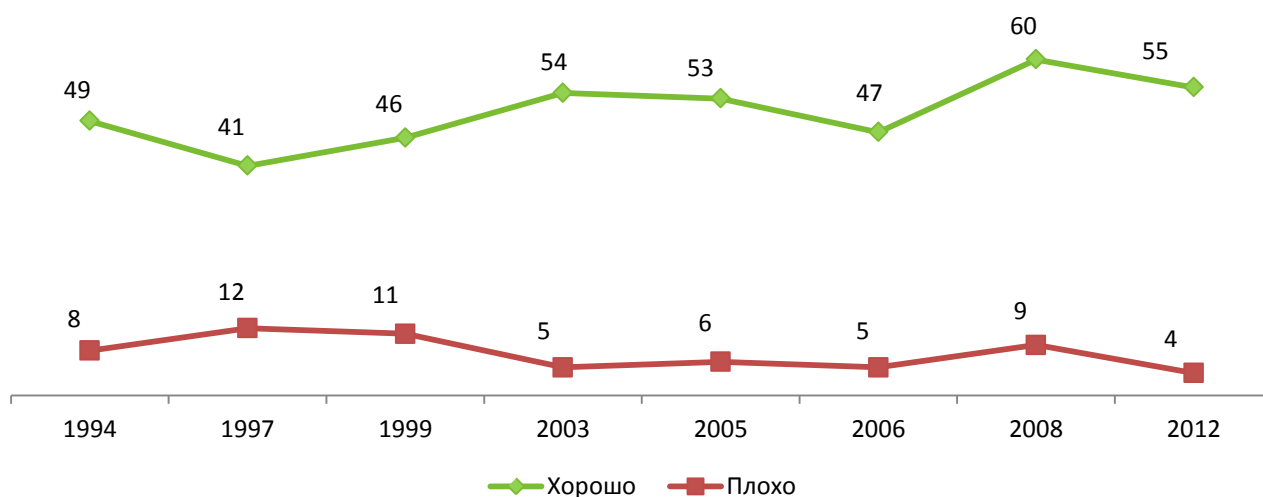

Рис. 8.5. Самооценка россиянами возможностей общения с друзьями, 1994-2012 гг., %¹

Однако достижению удовлетворенности дружеским общением существенно мешает нехватка времени. Недаром только 10% россиян говорят о том, что имеют много свободного времени, а 66%, не имея его, хотели бы им располагать. Именно поэтому в условиях высокого динамизма жизни и существенных издержек на организацию досуга в мегаполисах оценки возможностей общения с друзьями их жителей ниже (лишь 51% оценивают их как хорошие), чем у жителей других городов (58-60%). В итоге в настоящее время россиянам не хватает дружеского общения: только две трети из имеющих надежных друзей говорят о том, что хорошо оценивают возможности общения с ними, а еще треть оценивает их удовлетворительно.

¹ На рисунке не представлены ответившие «удовлетворительно» и затруднившиеся с ответом.

9. Досуговые практики и свободное время россиян в мечтах и в реальной жизни

Как показали результаты проведенного исследования, россияне активно приобретают и обновляют товары повседневного пользования; в меньшей степени, но также достаточно активно потребляют различные услуги, включая оздоровительные и туристические. Однако рассматривают ли наши сограждане досуг и свободное время как желанные и востребованные блага?

По самооценкам самих россиян, вопросы досуга и свободного времени достаточно важны для них. Так, подавляющее большинство населения (77%) хотело бы иметь много свободного времени, хотя половина из них (38%) не верит в то, что они смогут добиться реализации этой цели в своей жизни. В наибольшей степени желание иметь свободное время выражает молодежь (80% включают этот пункт в свои жизненные планы), в меньшей степени оно свойственно тем, кому от 35 до 46 лет — но и среди них 71% выражают такое желание.

При этом *наличие свободного времени — одно из базовых условий активно-го и разнообразного досуга*. Поэтому чем больше у наших сограждан свободного времени, тем выше оценка, которую они дают своим возможностям проведения досуга (см. рис. 9.1). В целом, в настоящее время доля населения, оценивающего свои возможности проведения досуга как хорошие, в три раза превышает долю тех, кто оценивает их как плохие (35% и 12% соответственно). При этом более высокие оценки своим возможностям проведения досуга дает молодежь и жители крупных городов, разнообразие досуга которых выше.

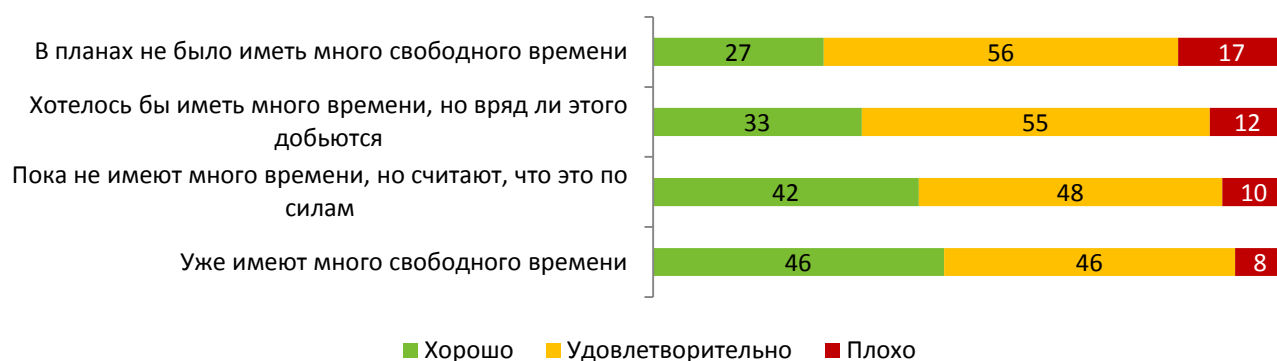

Рис. 9.1. Оценка возможностей проведения досуга в зависимости от наличия свободного времени, %

Примечательно, что *досуг для россиян — один из способов осуществления мечты об интересной жизни и возможности реализовать себя* (о чем мечтают 18% населения). Как же россияне распоряжаются своим свободным временем, и в каких формах они обычно его проводят?

Две трети населения уделяют время просмотру телевизионных программ, более половины — встречам с друзьями, чуть менее половины — просто отдыху и расслаблению, а также ведению домашнего хозяйства, 40% слушают музыку, читают книги, смотрят видео, более трети отдыхают на природе, увлекаются компьютером, Интернетом, чуть менее трети читает прессу. В остальные виды использования свободного времени включены не более 20% населения. Таким образом, в целом *россияне, в первую очередь, осваивают те формы проведения досуга, которые не сопряжены ни с внутренней активностью, ни с необходимостью привлечения дополнительных финансовых ресурсов*, т. е. в организации своего досуга они идут «по пути наименьшего сопротивления» (см. рис. 9.2).

Рис. 9.2. Распространенность различных способов проведения досуга среди россиян, %

Практически все виды досуговой деятельности, которые распространены хотя бы среди 30% россиян, связаны с их домом, местом проживания. Просмотр телепередач, ведение домашнего хозяйства, чтение, встречи с друзьями и т. д. реализуются обычно в домашних условиях¹. В связи с этим стоит отметить, что *ситуация пространственной локализации досуга в одном месте, наблюдаемая в условиях российской действительности — характерная черта традиционного образа жизни. Кроме того, это свидетельствует также о слабой распространенности среди наших сограждан норм городской культуры, предполагающей разнообразный досуг.*

¹ Исключение могут составить лишь прогулки и отдых на природе, однако они в массе своей связаны с проведением времени на дачах и садовых участках, т. е. с местом хоть и не основного проживания, но частого пребывания.

В течение последних 10 лет две наиболее распространенные формы досуга не изменились — в 2012 г., как и в 2003 г., более половины россиян проводили свое свободное время за просмотром телепередач и встречаясь с друзьями (см. таблицу 9.1). Однако среди данной группы произошли заметные изменения: по сравнению с 2003 г. значительно сократились доли тех, кто смотрит телевизор (с 81% до 66%), встречается с друзьями (с 65% до 55%), занимается домашним хозяйством (с 67% до 47%), слушает музыку, читает книги, смотрит видео (с 61% до 40%), и, особенно, читает газеты и журналы (с 57% до 30%). Единственный вид досуга, который показал за это время значительный рост по степени своей распространенности среди россиян — это увлечение компьютером и интернетом. Доля граждан, практикующих такой вид досуга, возросла за последние 10 лет более чем в два раза, и сейчас подобное проведение своего свободного времени характерно более чем для трети россиян (36%). По всей видимости, *происходит виртуализация досуга: общение с друзьями заменяется общением в социальных сетях, телевидение и газеты заменяются Интернетом* и т. д. В наибольшей степени данный вид досуга характерен для молодежи: более половины наших сограждан в возрасте от 16 до 25 лет посвящают свое свободное время компьютеру (57%), в то время как в других возрастных группах эта доля постепенно сокращается, составляя в следующей группе (26–35 лет) уже менее половины (43%). В группе 36–45 лет этот показатель снижается до 25%, 46–55 лет — до 16%.

Таблица 9.1

Распространенность различных способов проведения досуга среди россиян, 2003/2012 гг., %*

	2003	2012
Телевизор, радио	81	66
Встречи с друзьями дома или в гостях	65	55
Просто отдых	49	49
Домашнее хозяйство	67	47
Музыка, книги, видео	61	40
Прогулки на природе	38	37
Компьютер, Интернет	15	36
Чтение газет и журналов	57	30
Театры, кино	20	21
Кафе, бары	13	16
Домашнее хобби	19	15
Секции, тренировки	10	14
Церковь	8	10
Получение образования	15	13
Дискотеки, клубы	11	12
Музеи, выставки	8	6
Общественные организации	3	4
Клубы по интересам	2	4
Политические организации	1	2

*Курсивом выделены виды досуга, распространенность которых в период 2003–2012 гг. заметно сократилась, а жирным шрифтом — тот вид досуговой активности, распространенность которого значительно выросла.

Интересно, что в 2003 г. медианное значение элементов досуга, к которым прибегали в свободное время россияне, составляло 5 из 19 вариантов его проведения, представленных в вопросе, в то время как в настоящий момент этот показатель сократился до 4 видов досуга из 19. *Таким образом, можно зафиксировать снижение разнообразия досуговой активности россиян, произошедшее в последние 10 лет.* Данный вывод подтверждается и динамикой доли тех, кто имеет высоконасыщенный или, наоборот, низко насыщенный, бедный досуг (см. таблицу 9.2).

Таблица 9.2

Степень насыщенности досуга, характерная для россиян, 2003 / 2012 гг., %

	2003	2012
Высоконасыщенный досуг (используют 6 и более видов досуга из 19)	45	32
Насыщенный досуг (3-5 видов досуга)	44	50
Ненасыщенный досуг (1-2 вида досуга)	11	18

При этом в группе тех, кто оценивает свои возможности проведения досуга как хорошие, медианное количество используемых видов досуга составляет 5, среди оценивающих свой досуг удовлетворительно данный показатель снижается до 4, в то время как россияне с плохими, по их оценке, возможностями проведения досуга прибегают только к 3 видам досуговых практик. В этих условиях закономерной выглядит и распространенность мечты о разнообразной и интересной жизни, и скепсис россиян в отношении оценок своего досуга.

На сегодняшний день наиболее насыщенные формы досуга характерны для хорошо обеспеченных слоев населения, т. к. фактически только они могут позволить себе существенные «финансовые вложения» в отдых. Не случайно 63% из них практикуют высоконасыщенный досуг, и лишь у 8% из них досуг ненасыщенный. В то же время для бедных и малообеспеченных аналогичные доли составляют 21% и 24%, соответственно. Более разнообразны досуговые практики в среде молодежи — для 42% граждан в возрасте от 16 до 25 лет свойственен высоконасыщенный досуг.

Интересно, что насыщенность досуга демонстрирует связь с использованием платных социальных услуг: для тех, кто осуществляет подобные инвестиции в свой человеческий капитал и / или человеческий капитал своих детей, характерен более разнообразный досуг, чем для тех, кто не прибегает к социальным услугам. Причем, чем выше количество услуг, используемых одновременно, тем выше обычно оказывается и насыщенность досуга. Частично такая связь опосредована более высоким уровнем жизни в этих группах, но, так или иначе, оказывается связана с общими практиками инвестирования в себя и своих детей.

В подобных условиях не удивительно, что наши сограждане с более высоким уровнем человеческого капитала как в части полученного образования, так и в части состояния своего здоровья, имеют более разнообразный досуг: для россиян, отличающихся хорошим состоянием здоровья и как минимум высшим образованием, более чем в трети случаев характерен именно высоконасыщенный досуг, а доля имеющих ненасыщенный досуг составляет среди них 12% — при 19-21% для остальных россиян (см. ниже таблицу 9.3). Это свидетельствует о том, что *уровень образования и состояние здоровья, как элементы человеческого капитала, с одной стороны, могут выступать в качестве ограничений для освоения тех или иных досуговых практик (например, повышения квалификации и занятий*

спортом); с другой стороны — желание инвестировать в свое здоровье и образование, рассматриваемые как активы, стимулирует включенность в соответствующие виды досуговой активности.

Таблица 9.3

Степень насыщенности досуга, характерная для россиян с разным уровнем человеческого капитала, %

	Характеристики человеческого капитала		
	Состояние здоровья		
	Хорошее	Удовлетворительное	Плохое
Высоконасыщенный досуг	40	29	19
Насыщенный досуг	48	50	60
Ненасыщенный досуг	12	21	21
	Уровень образования		
	Не выше среднего	Среднее специальное и неоконченное высшее	Не ниже высшего
	Не выше среднего	Среднее специальное и неоконченное высшее	Не ниже высшего
Высоконасыщенный досуг	27	28	43
Насыщенный досуг	54	51	45
Ненасыщенный досуг	19	21	12

На основе различных способов проведения россиянами свободного времени могут быть выделены определенные типы досуга. **Простой** досуг не требует никаких дополнительных затрат и включает в себя только просмотр телевизионных программ, домашнее хозяйство, простой отдых. Досуговая практика такого рода характерна для подавляющего числа россиян (91%). Посвящение свободного времени таким занятиям, как чтение, хобби, просмотр видео и прослушивание музыки, которые реализуются в домашних условиях, формируют **домашний** тип досуга, который свойственен для 59% населения. Деятельность, связанная с проявлением дополнительной индивидуальной активности — увлечение компьютером, встречи с друзьями, посещение церкви и прогулки на природе — обеспечивает **расширенный** досуг, который характерен для 68% россиян. Менее распространенный (31%) и требующий затрат ресурсов **развлекательный** досуг включает в себя посещение дискотек, клубов по интересам, секций, кафе и т. п. Личностный и духовный рост 30% населения, реализуется, в том числе, в рамках **развивающего** досуга, который включает посещение театров, выставок, получение образования. Наименее редкий досуг-**участие** (6%) требует выраженной социальной активности, которая реализуется через деятельность в рамках политических и общественных организаций.

Различные типы досуговой активности могут реализовываться населением одновременно, причем в разных комбинациях. Не менее половины россиян реализуют одновременно три типа досуга. При этом разнообразие досуга значимо для россиян: чем больше количество реализуемых типов досуга, тем выше оказывается самооценка их возможностей в проведении досуга (см. ниже рис. 9.3).

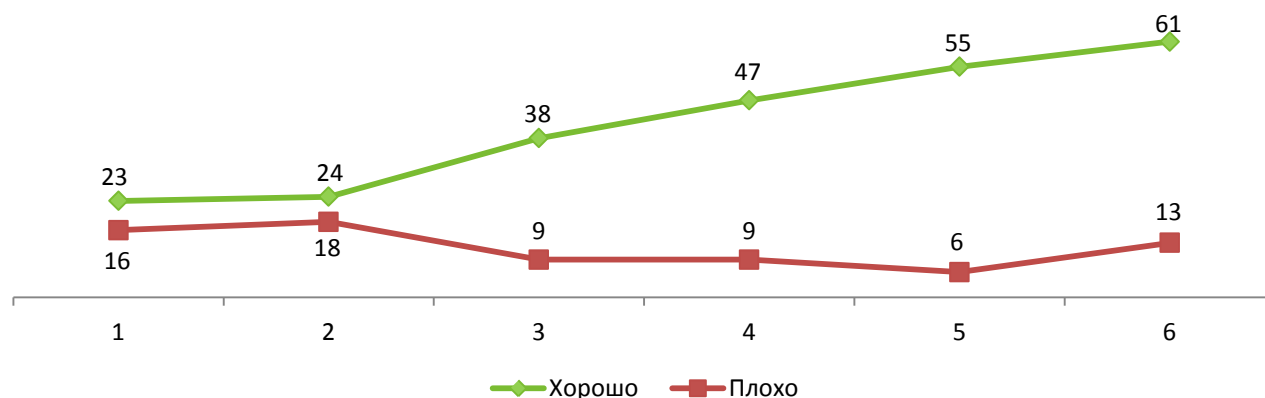

Рис. 9.3. Самооценка россиянами возможностей проведения досуга в зависимости от разнообразия досуга (количества реализуемых типов досуга), %¹

Наибольшее удовлетворение нашим согражданам приносят активные формы досуга: развлекательный, развивающий и досуг-участие, что дает основание большинству россиян (54–55%) оценивать свои возможности проведения свободного времени как хорошие. Наименее же позитивные оценки таким возможностям дают те россияне, которые практикуют простой досуг (см. рис. 9.4).

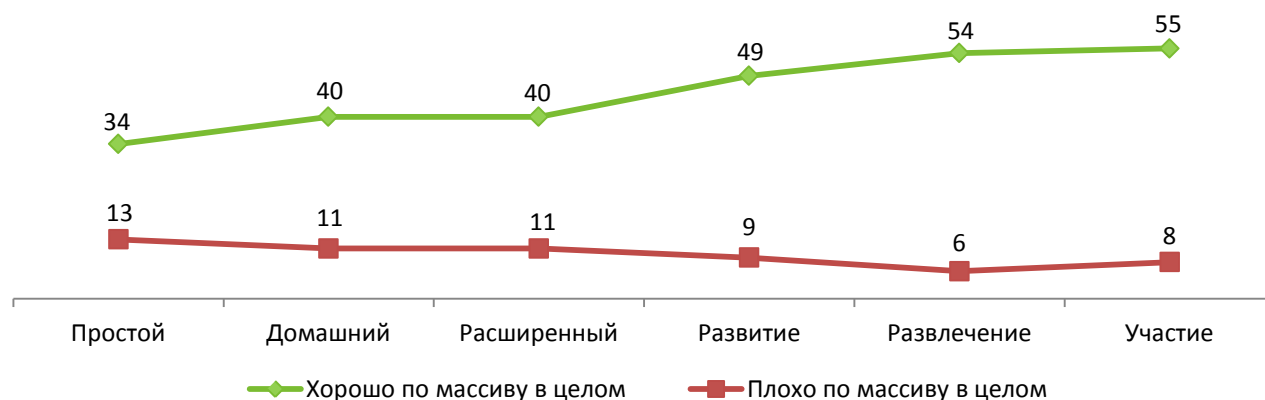

Рис. 9.4. Самооценка россиянами своих возможностей проведения досуга в зависимости от типа досуга, %

Российские граждане, мечтающие об интересной жизни и возможностях реализовать себя, в большей степени, чем население в целом, ориентированы на наличие разнообразного досуга. Так, для первых среднее значение используемых видов досуга составляет 5,6, в то время как для вторых этот показатель равен 4,6 (из 19 учитывавшихся видов досуга). Количество же реализуемых типов досуга для первых равно 3,3, а для вторых — 2,8 (из 6 типов, выделенных выше). Россияне, мечтающие жить интересно, чуть реже остальных включены в простой досуг (84% и 88% соответственно — видимо, приверженцы подобных форм досуга вообще имеют относительно ограниченный тип потребностей в этой области), но чаще реализуют модели домашнего (73% и 56%), расширенного (84% и 74%) и развлекательного (40% и 29%) досуга. Более чем в полтора раза чаще встречается у них и развивающий досуг (46% и 27%), а также досуг-участие (8% и 5%), т. к. они дают возможность не только жить интересно, но и реализовать себя.

¹ На рисунке не представлены ответившие «удовлетворительно» и затруднившиеся с ответом.

В целом организация досуга россиян имеет иерархическую структуру, в рамках которой переход от одних форм (от простого досуга) к другим (более насыщенным, содержательным и активным, вплоть до досуга-участия) происходит за счет расширения набора досуговой активности. Однако траектории подобного расширения различны, и комбинации различных видов досуга подчинены определенной логике. Так, простой досуг, свойственный практически всем, усложняется, в первую очередь, за счет обычного домашнего досуга или его расширенного варианта. Досуг, включающий все эти три компонента, насыщается за счет развлекательного и/или развивающего досуга, и обычно только после этого пополняется досугом-участием. Освоение относительно продвинутых типов досуга происходит в первую очередь в среде молодежи, благополучных слоев населения (представителей 9-10 страт), жителей мегаполисов и населения с высоким уровнем образования. Эти факторы свидетельствуют о формировании под влиянием различных субкультур не только разных досуговых потребностей, но и различных досуговых практик.

Однако наряду с ними на возможность удовлетворения даже весьма скромных запросов в сфере досуга влияют и взаимосвязанные друг с другом структурные ограничения, в частности — низкий уровень благосостояния, место проживания (в сельской местности и малых городах, где возможностей для проведения разнообразного досуга меньше, относительно выше и доля малообеспеченного и бедного населения) и т. д. В агрегированном виде все подобные ограничения отражаются в самооценке россиянами своего социального статуса. Вот почему оценка возможностей в сфере проведения досуга у наших сограждан тесно связана с самооценками своего положения в обществе и их материальным благополучием. Доля оценок «хорошо» по отношению к возможностям проведения досуга превышает долю оценок «плохо» только для россиян, которые оценивают свой статус и материальное положение как хорошие или удовлетворительные (см. рис. 9.5).

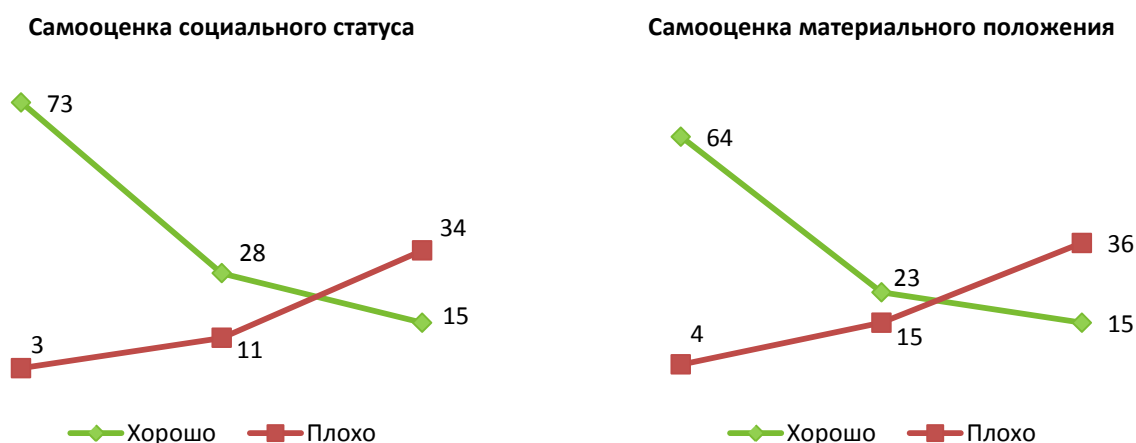

Рис. 9.5. Самооценка россиянами возможностей проведения досуга в зависимости от самооценки статуса и материального положения, %¹

В связи с этим неудивительно, что среди представителей бедных и малообеспеченных слоев населения (представителей 1-5 страт) лишь 16% оценивают имеющиеся у них возможности проведения досуга как хорошие и 29% характеризуют их как плохие, в то время как для среднеобеспеченных (представителей

¹ На рисунке не представлены ответившие (при оценке своих возможностей проведения досуга) «удовлетворительно» и затруднившиеся с ответом.

6-8 страт) данные показатели составляют 32% и 8%, а для хорошо обеспеченных (9-10 страты) — 57% и 4% соответственно. *Причем более высокие оценки возможностей проведения досуга у представителей благополучных слоев населения сближаются и с более высокими запросами в этой области.* Так, для того, чтобы назвать возможности проведения досуга хорошими, россиянам из 1-5 страт необходимо реализовывать 4 вида досуговой активности, для представителей 6-8 страт — 5, а для россиян из 9-10 страт этот показатель достигает 7 (из 19 приводимых в опросе). Отмеченные различия становятся более заметными при сравнении досуговых практик, которые характерны для тех или иных слоев населения, выделенных по уровню жизни (см. таблицу 9.4)

Таблица 9.4

Распространенность разных видов досуговой активности среди представителей разных слоев населения, выделенных по уровню жизни, %*

	Бедные	Нуждающиеся	Мало-обеспеченные	Средне-обеспеченные	Хорошо обеспеченные
Телевизор, радио	+	+	+	+	+
Просто отдых	+	+	+	+	+
Встречи с друзьями дома или в гостях	+	+	+	+	+
Домашнее хозяйство	+	+	+	+	+
Музыка, книги, видео	-	+	+	+	+
Прогулки на природе	-	-	+	+	+
Компьютер, Интернет	-	-	+	+	+
Чтение газет и журналов	-	-	-	-	+
Театры, кино	-	-	-	-	+
Кафе, бары	-	-	-	-	+
Секции, тренировки	-	-	-	-	+
Хобби	-	-	-	-	-
Церковь	-	-	-	-	-
Получение образования	-	-	-	-	-
Дискотеки, клубы	-	-	-	-	-
Музеи, выставки	-	-	-	-	-
Общественные организации	-	-	-	-	-
Клубы по интересам	-	-	-	-	-
Политические организации	-	-	-	-	-

*Знаком «+» отмечены виды досуга, характерные для более чем трети группы.

Как показывают данные таблицы 9.4, наиболее ограничен набор видов досуга у бедных — более трети из них в свободное время только смотрят телевизор, ведут домашнее хозяйство, просто отдыхают и встречаются с друзьями. У нуждающихся к этому добавляются книги, музыка и видео; для более, чем трети малообеспеченных и среднеобеспеченных в досуге появляются также прогулки

и использование компьютера, Интернета. И только для хорошо обеспеченных россиян становится характерным проведение досуга вне дома — более трети из них посещают кафе и бары, театры и кино, различные спортивные секции.

Наиболее ярко влияние уровня жизни на досуговые возможности проявляется при рассмотрении перспектив отдыха в период отпуска. Оценки, которые в этом случае дают представители разных слоев населения, значительно различаются: положительно оценивают эти возможности лишь 6% бедных, 12% нуждающихся, 24% малообеспеченных, 32% среднеобеспеченных и 57% хорошо обеспеченных, в то время как доля негативных оценок составляют 55%, 29%, 21%, 16% и 5%, соответственно, хотя понятно, что запросы в области отдыха в отпускной период у представителей данных слоев неодинаковы. Эти оценки отражают те качественные различия в уровне жизни, которые характеризуют глубину социальных неравенств представителей разных слоев населения в современной России, причем даже в отношении многих первоочередных потребностей, влияющих на состояние здоровья.

Однако нельзя не отметить и позитивные изменения — *общий рост уровня благосостояния населения в последние годы привел, например, к тому, что существенное превышение негативных оценок своих досуговых возможностей, наблюдаемое до середины 2000-х годов, сменилось обратной тенденцией* (см. рис. 9.6).

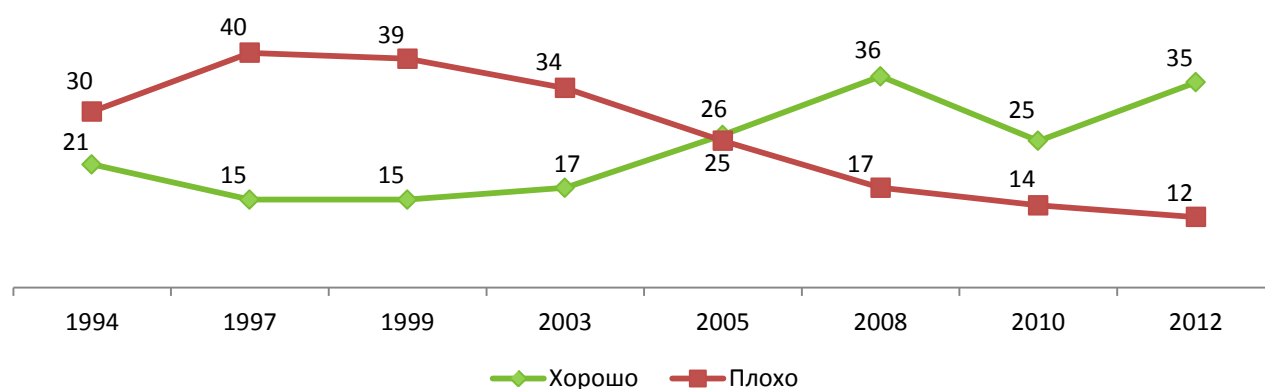

Рис. 9.6. Самооценка россиянами возможностей проведения досуга, 1994–2012 гг., %¹

Таким образом, несмотря на то, что приведенные выше данные говорят скорее об ухудшениях в сфере проведения досуга — сокращении разнообразия досуга и долей населения, использующего те или иные досуговые практики, одновременно наблюдается рост субъективной удовлетворенности от возможностей проведения своего досуга. Отчасти это свидетельствует об изменении потребностей в данной сфере. Кроме того, как было показано ранее, в последнее время расширяется предметная среда жизни россиян, в связи с чем им, возможно, становится приятнее находиться дома и проводить там свое свободное время. Наконец, у все большей доли населения появляется возможность проводить досуг не в реальном, а в виртуальном мире. Нельзя исключить и того, что ощущение роста агрессивности внешней среды, нарастание отчуждения в обществе и все большее замыкание россиян на своем микромире также стимулирует сокращение стремления выходить за пределы этого микромира.

¹ На рисунке не представлены ответившие «удовлетворительно» и затруднившиеся с ответом.

10. Религиозность российских граждан и русская мечта

Существует представление о том, что одно из измерений русской мечты имеет религиозный контекст — прямой или превращенный. Причины этого понятны — религия как глубинный фактор, более долговременный, чем политические и идеологические пристрастия, определяет наиболее устойчивые формы и основания социального устройства, его цивилизационную специфику, ментальные структуры. Не случайно характерной чертой религиозности россиян, постоянно фиксируемой исследованиями ИС РАН, является восприятие религии в двух проекциях — как личный персональный мистический опыт, как Вера, с одной стороны, и как культурно-цивилизационная идентичность — с другой¹. Причем последний аспект становится определяющим и для отдельной личности, и для различных общностей вплоть до цивилизационных, и проявляется в различных гранях: как форма солидарности на фоне элиминации традиционных политических и гражданских ее форм, как измерение политического процесса, как «мягкая сила» в политике и как ресурс для повышения активности различных религиозных организаций. Институционализированные религиозные организации, главной задачей которых является пастырское служение, не только не отдаляются от институтов власти, но и играют все более значительную роль в политическом процессе как субъекты политического целеполагания. Между тем Патриарх Московский и всея Руси Кирилл пожелал, чтобы Церковь никогда не подменяла духовное влияние на народ на «соблазны использовать мирскую, политическую силу для достижения своих целей»².

Религия становится все более важным измерением многих сообществ и значимым источником ценностей для людей. Она может играть определяющую роль в формировании позитивного отношения к другим культурам, религиям и стилям жизни, способствуя построению гармоничных отношений между ними³. Усиление роли религии на национальном уровне также является маркером новых

¹ Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад: подготовлен в сотрудничестве с Фондом Ф. Эберта в РФ // Институт социологии РАН. – М.: 2007. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_ident.html; Российская повседневность в условиях кризиса/Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой – М.: 2009; Готово ли российское общество к модернизации / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой М.: «Весь мир», 2010; Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. — М.: Весь Мир, 2011.

² URL: <http://www.nr2.ru/policy/323700.html>.

³ Альянс цивилизаций: Из Доклада Группы высокого уровня 13 ноября 2006 г. // URL: http://www.unaoc.org/repository/HLG_report_RU.pdf.

конфигураций социальности. Это проявляется в увеличении количества религиозных движений, отстаивающих, зачастую помимо сугубо религиозных, и социально-политические интересы; в участии лидеров религиозного мнения в мероприятиях светского характера и попытках решения многих социальных вопросов; в возрастании роли и пропаганде религиозного воспитания и образования. Как следствие, религия, приобретающая все больший вес в публичном пространстве, становится «интерпретирующим сообществом» и начинает играть значимую роль в формировании общественного мнения и народной воли. Одновременно институционализированные российские конфессии распространяют в определенной мере свое влияние на неверующую часть населения, вследствие чего граница между верующими и неверующими не являются непрозрачной и незыблемой.

Насколько и в каких формах влияет религия или религиозность на мечты в России? Согласно исследованию, в Российской Федерации 79% ее жителей причисляют себя к последователям православия, 4% являются последователя ислама, 9% — верят в высшую силу, но ни к какой конфессии не принадлежат, 7% придерживаются атеистических взглядов. Если сравнивать с аналогичными индикаторами 2009 года, то можно отметить снижение на 2% количества внеконфессиональных верующих и на 5% — количества атеистов (с 12% до 7%) (см. рис. 10.1). Одновременно количество идентифицирующих себя как православных выросло на 7%. Последнее свидетельствует как о потребности в форме солидарности, основанной на православии, чье воздействие во многом сформировало российскую культурную традицию, так и о вовлечении все большего числа россиян в смыслообразующий с помощью институционализированных конфессиональных институтов социальный и политический контекст. Нельзя также исключать и обращение к Богу в сложившихся трудных социально-экономических условиях все большего количества людей как к последней надежде, ранее рассчитывавших на свои силы или высшую силу вообще. Доказательством этого может служить огромное количество желавших прикоснуться к привезенному в Россию в ноябре 2011 г. Поясу Богородицы.

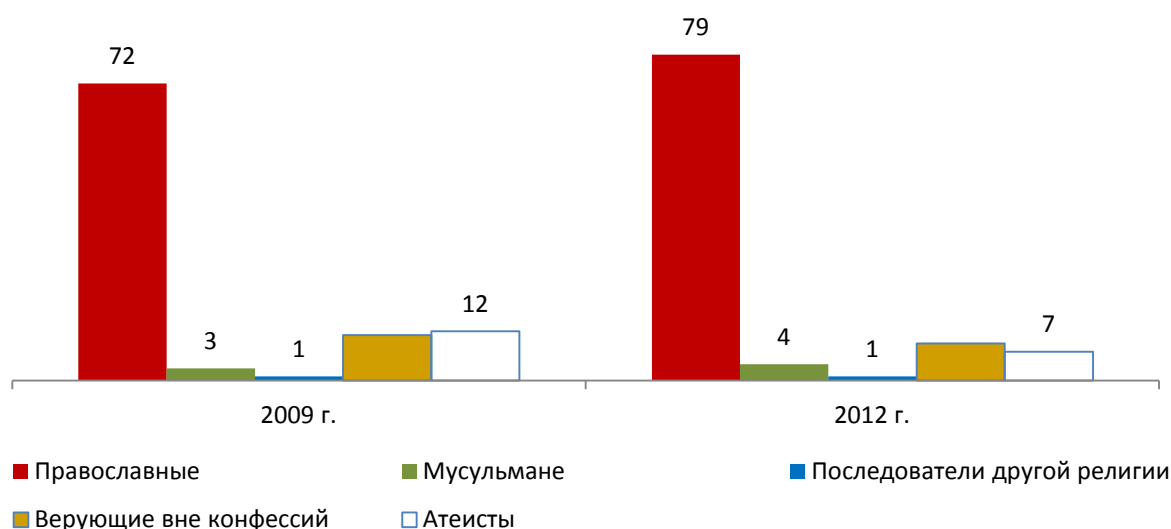

Рис. 10.1. Религиозно-мировоззренческие группы россиян, 2009¹ / 2012 гг., %

¹ Данные всероссийского исследования ИС РАН «Российская повседневность в условиях кризиса» (2009 г.). Сумма цифр по каждому году может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

В данном контексте ключевым становится вопрос о реальной религиозности россиян, в сравнении с подобным показателем в других странах, особенно если мы хотим понять религиозную сторону или ее отсутствие у русской мечты. Согласно данным Европейского социального исследования ценностей (см. таблицу 10.1) религиозность россиян находится на среднем уровне. Наименьшую степень религиозности демонстрируют такие страны как Чехия, Франция, Израиль, наибольшую — Польша, Кипр, Турция.

Таблица 10.1

Степень религиозности ряда европейских стран, %¹

Страна	Совсем НЕ религиозные	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Очень религиозные
Чехия	39	18	10	7	4	7	4	5	4	2	1
Франция	24	8	9	9	7	18	8	7	6	2	3
Израиль	24	5	4	5	4	17	8	9	10	5	11
Швеция	22	10	13	11	7	15	8	7	4	2	3
Норвегия	17	9	11	12	9	17	8	8	6	2	2
Россия	10	7	8	11	9	21	9	10	9	3	4
Украина	10	6	6	8	7	24	10	11	10	4	6
Португалия	4	3	4	6	6	19	14	17	16	6	6
Польша	2	2	3	4	4	18	13	18	17	10	10
Кипр	1	1	2	4	7	17	14	19	18	11	8
Турция	1	0	1	1	2	16	8	18	22	8	23

Следует подчеркнуть, что уровень религиозности населения не зависит от конституционно закреплённого принципа светскости. Ярким показателем является Турция. Это светское государство, однако уровень религиозности населения в данной стране наивысший. Также уровень религиозности не зависит от доминирующей конфессии или формы присутствия Церкви в политической структуре общества. Так, в скандинавских странах, где присутствует институт государственной церкви, уровень религиозности населения очень низок. Одновременно, четко можно зафиксировать зависимость уровня религиозности населения от потребности в консолидации общества, от актуализации конфессионального параметра как идентификационного. Особенно показательны в данном ракурсе Польша и Кипр. В России, несмотря на существующие проблемы, глубоко религиозных людей всего 4%, большинство же россиян скорее не религиозны.

Является ли посещение Церкви для россиян необходимым, и часто ли они отправляются на встречу с Богом? Как подтверждается данными исследования, «дорога к храму», несмотря на столь мощное проникновение религиозных смыслов в социальность, не самая выбираемая россиянами. За последние 10 лет произошла стабилизация группы, для которой посещение церкви является приоритетным в свободное время: в 2003г. 11% россиян посещали церковь в свободное время, в 2009 — тоже 11%, в 2012 — 10%. Причем посещение Церкви приверженцами православия, для которых участие в публичных богослужениях является

¹ Данные Европейского социального исследования 2008 г. // URL: www.europeansocialsurvey.org.

обязательным предписанием вероучения, несмотря на их общий численный рост за счет внеконфессиональных верующих, а теистов и т. д., даже сократилась с 2009 года на 3% (с 14% до 11%) (см. рис. 10.2).

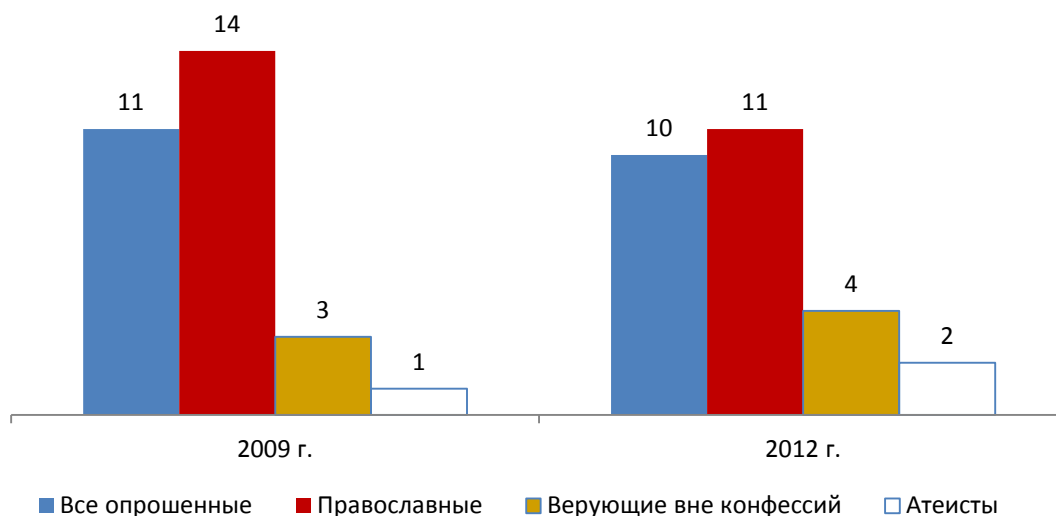

Рис. 10.2. Посещение церкви и других религиозных собраний в свободное время в различных религиозно-мировоззренческих группах, 2009¹ / 2012 гг., %

Насколько же мечты и религиозность россиян пересекаются? Ответ на этот вопрос демонстрирует, что, *как и все россияне, представители различных религиозно-мировоззренческих групп считают, что без мечты жить невозможно*. Лидируют в этом убеждении внеконфессиональные верующие — среди них 81 % полагают, что мечта наполняет жизнь смыслом. Среди православных мечтают 76%, среди атеистов — 68%. Треть атеистов уверена, что жить нужно в реальном мире, среди них также наиболее высок процент тех, кому вообще мечтать не свойственно никогда — 14%. Среди православных, считающих, что в мечтах нет практического смысла, их четверть, а среди внеконфессиональных верующих — пятая часть. При этом чаще всего мечтательные люди встречаются среди внеконфессиональных верующих (65%).

Внутренний человеческий мир, его духовное наполнение, стремление к счастью, красоте, добру, истине является объектом религии. Все эти стремления, идеальные представления о своем и коллективном будущем лежат в основе человеческих мечтаний, и вопрос о том, накладывают ли на них отпечаток религиозность и конфессиональная принадлежность в условиях современной России, представляется очень интересным. Так, 91% православных и 93% внеконфессионально верующих имеют личную мечту, а вот среди атеистов таковых 85%. Данные цифры позволяют сделать вывод о том, что *религиозность в любых формах повышает в человеке стремление к идеалу, а уверенность в существовании трансценденции помогает определять главные цели в жизни*. Однако, с другой стороны, факт посещения церкви или религиозных собраний в свободное время никаким образом не влияет на наличие личной мечты, что еще раз доказывает — религиозность россиян не находит выражения во внешних формах ее проявления.

В чем же выражается основная мечта или жизненная цель россиян, и отличается ли ее наполнение в зависимости от мировоззрения? Выше уже не раз отмечалось, что основной мечтой россиян, вне зависимости от их отношения

¹ Данные всероссийского исследования ИС РАН «Российская повседневность в условиях кризиса» (2009г.).

к религии, является желание жить в достатке. Однако люди, которые посещают церковь, мечтают об этом в полтора раза реже, что демонстрирует эффективность традиционной функции утешения, принадлежащей религии. На втором месте мечта социальная — жизнь в более справедливом и разумно устроенном обществе, причем православные и атеисты в этом желании солидарны — 32% и 33% соответственно, а вот внеконфессиональные верующие об этом мечтают даже чаще — 39%. Причем люди, посещающие церковь, ничем не отличаются от остальных в этом вопросе: они также хотят большей социальной справедливости и разумности в нашем обществе. Православные чаще мечтают о хороших детях и хорошем здоровье (25% и 34%), тогда как в иерархии атеистов вслед за здоровьем (26%) идут ценности самореализации (22% против 17% у православных) и желание открыть собственное дело (20% и 14% соответственно). Также почти каждый седьмой атеист вообще не имеет мечты, тогда как среди православных только каждый 10, а среди внеконфессионально верующих — каждый 15-ый. Это позволяет утверждать, что *атеисты больше нацелены на реальную повседневную жизнь и на решение прагматических вопросов, тогда как люди, причисляющие себя к православным, более склонны к традиционным семейным ценностям. Внеконфессиональные верующие демонстрируют большую нацеленность на индивидуалистические мечты* (иметь отдельную квартиру — 26%, иметь хорошее здоровье — 32%, интересно жить — 29%), тогда как семейные ценности уходят на второй план. Из мечтаний всех религиозно-мировоззренческих групп при этом уходит традиционная коллективистская и государственническая составляющая, люди замыкаются на семейный круг или на себя. Подобную эрозию гражданских и политических форм солидарностей пока не способны преодолеть даже религиозные скрепы.

При этом именно наличие религиозных скреп проявляется в ответах респондентов на вопрос о том, кто из деятелей прошлого и настоящего более всего способствовал (или способствует) осуществлению массовых народных чаяний (ожиданий), был или является символом мечты их народа. Треть наших сограждан поставила на первое место Петра I, а вот второе место (14%) среди многих выдающихся деятелей прошлого и настоящего наши соотечественники поделили между святыми подвижниками (Сергий Радонежский, Серафим Саровский, Матрона Московская и др.) и нашими современниками, прежде всего В. В. Путиным. Это подтверждает, что в общественном сознании стремление к нравственным идеалам, человеколюбию и одновременно служение обществу сливается в представлениях и оценках святых подвижников. Во многом именно с ними ассоциируется у россиян религиозная сторона русской мечты. При этом православные придают заметно большее значение деятельности святых подвижников (19%), чем атеисты (4%), которые вообще более скептически настроены по отношению к деятельности выдающихся личностей в российской истории. У россиян, регулярно посещающих церковь, оценка значимости святых подвижников оказывается практически наравне с оценкой деятельности Петра I (32% и 31% соответственно), что демонстрирует: большая степень религиозности влияет на оценку отечественной истории сквозь духовно-религиозную призму. С этим связано и восприятие российской истории как мессианской — 53% православных считают это правильным, тогда как в других мировоззренческих группах с этим согласны только 40%.

Логичным представляется вопрос: а обращаются ли россияне к Богу, чтобы облегчить достижение своей мечты, или они предпочитают использовать какие-то другие способы, и меняются ли их стратегии с возрастом? Подчеркнем,

что наиболее популярная стратегия достижения своей мечты — это наметить план и методично, самостоятельно его осуществлять (см. рис. 10.3). Такой расчет на собственные силы характерен более чем для половины (55%) россиян. При этом 29% россиян надеются на чудо и на удачу, то есть готовы подменить рациональные алгоритмы поведения ожиданием чуда. Каждый пятый (22%) обращается за помощью к близким, что показывает сложность выстраивания в России жизненной траектории как «self-made». Интересный факт: несмотря на то, что к атеистам себя причисляют лишь 7% россиян, а остальные 93% относят себя к последователям какой-либо религии (84%) или к верующим в некую высшую силу (9%), однако молят Бога об исполнении мечты только 20%. Совсем редко (в 6% случаев) применяются какие-то магические, эзотерические практики, рекомендации фэн-шуй и т. п. для осуществления желаемого. Пассивность свойственна 10% россиян.

Рис. 10.3. Что делают россияне в целом и молодежь в частности, чтобы их мечта исполнилась, % (допускалось несколько ответов)

Как видно из данных рис. 10.3, когда дело касается доступных, «земных» способов достижения мечты, то молодежь ведет себя особенно энергично: чаще остальных опрошенных прилагает собственные усилия, чаще привлекает к решению проблемы родных и друзей. Естественно, и оптимизм, надежда на чудо, удачу в большей степени свойственны молодым. А вот молить Бога о помощи в исполнении мечты более типично для старшего поколения: для этого к Богу обращаются от 18% респондентов 16-25 лет до 24% — 46-55 лет.

Для того чтобы реализовать мечту, россияне, как правило, не ограничиваются каким-либо одним способом, а комбинируют различные подходы. Так, среди тех, кто обычно обращается к Всевышнему с просьбой помочь осуществить

свою мечту, большинство действует по принципу «На Бога надейся, а сам не плошай». Во всяком случае, в данной группе 58% предпринимают также самостоятельные шаги по реализации своей мечты, 27% подключают к решению этой задачи родных и друзей; 10% «подкрепляют» молитву магией и обращением к различным эзотерическим действиям, что подчеркивает неясность и неструктурированность религиозного сознания россиян. В целом же просматривается следующая закономерность. Просят Бога помочь в первую очередь те, кто уповает также на чудо и магию (31% и 39%), и в последнюю очередь — те, кто рассчитывает на себя и своих близких (22% и 25%).

Российские женщины более активны в реализации своих мечтаний, чем мужчины. «Слабый пол» не только чаще мечтает, но и использует более широкий арсенал средств для достижения своей мечты. Если планомерно и самостоятельно стремятся воплотить мечту в жизнь равные доли мужчин и женщин (по 55%), то в остальном женщины более деятельны и оптимистичны: активнее привлекают к решению проблем окружающих (19% мужчин и 24% женщин), чаще взывают к Богу (10% и 29%) и верят в удачу (25% и 32%). При этом именно женщины чаще всего ходят к гадалкам и обращаются к различным магическим действиям — (4% мужчин и 67% женщин).

На степень самостоятельности респондента в реализации желаемого наиболее существенное влияние оказывает его склонность (или, напротив, несклонность) к непрерывному обучению (этот показатель играет более значимую роль, чем уровень формального образования). Так, среди тех, кто за последние годы повышал уровень образования или квалификации, сами реализуют свой план достижения мечты три четверти опрошенных (75%), тогда как среди тех, кто не повышал свой уровень знаний и компетенций — только половина (51%). Непрерывно обучающиеся россияне активнее используют свои личные связи (26% против 21% в группе не обучающихся) и молят Бога помочь им (25% и 19%). И, разумеется, те, кто постоянно самосовершенствуется, в целом более склонны мечтать и действовать, воплощая мечту в жизнь.

Жители крупных городов более одиноки и более склонны обращаться к трансценденции в любом виде: респонденты из мегаполисов, как правило, меньше рассчитывают на поддержку родных и друзей, чем сельские жители (18% и 24%), и меньше надеются на чудо или удачу (21% и 33%). При этом они чаще всех обращаются к услугам гадалок и экстрасенсов (8% и 6%), а также чаще всего молят Бога о помощи (22% и 21%) соответственно. Жители других типов поселений обращаются к Богу реже.

Чем выше уровень реальных доходов россиян, тем меньше они склонны надеяться на Бога и тем больше рассчитывают на самих себя. Так, доля тех, кто взывает к Богу, сокращается с 25% в группе с доходами менее половины медианы по типу поселения до 17% в группе с доходами более двух медиан. Одновременно растет доля тех, кто сам реализует свой план — с 57% до 65%. В то же время благополучные в финансовом отношении респонденты чуть более суеверны, больше доверяют древним знаниям и ритуалам, чем малообеспеченные опрошенные: пользуются услугами экстрасенсов, астрологов, гадалок, рекомендациями фэн-шуй и другими аналогичными методами 2% россиян с низкими доходами и 7% — с высокими.

Если же сравнивать стратегии религиозно-мировоззренческих групп, то наименее предприимчивыми оказываются атеисты — среди них 15% ни о чем не мечтают и еще 19% ничего не делают ради осуществления своей мечты (см. ниже таблицу 10.2).

Таблица 10.2

Что делают разные религиозно-мировоззренческие группы россиян, чтобы их мечта исполнилась, % (допускалось несколько ответов)

Стратегии	Православные	Верующие вне конфессий	Атеисты
Составляют план достижения своей мечты и сами реализуют его шаг за шагом	55	62	47
Надеются на чудо, на удачу	28	29	21
Просят родных и друзей помочь в ее осуществлении	22	28	12
Молятся о помощи, обращаясь к Богу	22	12	1
Пользуются для этого услугами экстрасенсов, гадалок, магов, астрологов, колдунов, талисманом, оберегом, фэн-шуй	6	6	2
Другое	3	4	3
Ничего не делают	9	7	19
Нет мечты	9	7	15

Наиболее целеустремленными являются те, кто верят в некую высшую силу, но к какой-либо конфессии не принадлежат; они и сами чаще что-то делают для реализации задуманного (62%), и чаще просят близких поддержать их (28%). К Богу среди них обращаются 12%. При этом на Бога больше надеются православные (22%), однако, и они чаще, чем на Бога, надеются на чудо и удачу (28%), на свои собственные силы (55%) и на помощь и поддержку родных и друзей (28%). Также православные и внеконфессиональные верующие чаще обращаются к гадалкам, экстрасенсам, к магии, чем атеисты (6% против 2%), что еще раз доказывает наличие мистико-языческих элементов в религиозном сознании россиян. В целом, основным алгоритмом достижения мечты и целей в жизни для всех мировоззренческих групп и поколений является собственная рациональная деятельность, что позволяет сделать вывод о формировании активистского типа поведения россиян, в том числе среди верующих. Это опровергает устоявшийся стереотип о мечте и «ничегонеделанье» у россиян, а также демонстрирует скорее рациональный, чем мистический, вектор эволюции общественного сознания.

Определенная социально-политическая организация общества, представления о правах и свободах, о социальной справедливости явно или не явно содержатся в мечтах людей. В данном контексте значимым представляется вопрос, каков общественный идеал россиян и зависит ли его интерпретация от религиозности и мировоззренческих ориентаций наших сограждан в условиях поиска пути модернизации российского общества и дискуссии о его демократизации.

В иерархии значимости прав и свобод человека, являющихся атрибуцией демократического устройства, свобода вероисповедания занимает 12 место, и как абсолютно необходимое условие для идеала демократии ее назвали всего 11% наших сограждан. Это может свидетельствовать как о достаточно спокойном мировоззренческом климате, так и о том, что иные проблемы, связанные с обеспечением прав человека и развитием демократических институтов, являются для россиян более злободневными. Духовная свобода оказалась легче достижима в России, чем свобода в иных ее проявлениях — экономических, социальных и политических. Так, среди последователей православия считают, что свобода вероисповедания абсолютно необходима 12%, среди внеконфессионально верую-

щих — 9%, среди атеистов — 4%. Оказывается, что либо наиболее демократичными являются представители институционализированных российских конфессий, либо для них этот вопрос более актуален. Также настаивают на необходимости свободы слова 17% молящихся Богу об осуществлении их мечты и 22% посещающих церковь и религиозные собрания, тогда как те, кто Богу не молятся и не ведут церковной жизни в 2 раза реже говорят об абсолютной необходимости свободы слова (по 10% в каждом случае).

Примечательно, что среди считающих свободу совести абсолютно необходимым условием реализации демократии, 30% обращаются к Богу и 20% считают, что именно святые подвижники более всего способствуют народным чаяниям. В целом, по мнению большинства всех мировоззренческих групп, мечта о демократии в России скорее или полностью не оправдалась. Этому мнению придерживаются 73% православных, 77% внеконфессиональных верующих и 82% атеистов. Даже воцерковленность не спасает от разочарованности в осуществлении данной мечты — 80% посещающих церковь считают, что эта надежда россиян не реализовалась.

Как известно, идеал социальной справедливости является мечтой всего человечества. Насколько же русская мечта сегодня отражает проекцию социальной справедливости на наше общество и зависит ли она от фактора религиозности? В дихотомии «общество индивидуальной свободы» / «общество социального равенства» россияне, как отмечалось выше, выбирают второе. Интересно, однако, что принадлежность к православию, посещение церкви и молитва Богу еще больше акцентируют данный выбор — 64%, 68% и 66% соответственно выбирают в этих группах общество социального равенства. Это на 7-10 % выше, чем в иных религиозно-мировоззренческих группах, а также среди тех, кто в церковь не ходит и к Богу за помощью не обращается. В российском обществе обостренность и нерешенность проблемы социальной справедливости и связанная с ним проблема гуманизма привели к тому, что едва ли не единственным социальным институтом, который артикулирует данную проблему, является Церковь и иные религиозные организации, что проявляется и в позиции верующих. Можно предположить, что, при определенных условиях, россияне готовы отказаться от индивидуальных свобод для обеспечения социального равенства, что демонстрирует наличие коммунитарных интересов, несмотря на гипертрофию индивидуалистических стратегий и замыкания на семейном кругу. При этом *последователи православия и атеисты больше уверены в необходимости для России жесткого государства и коллективных начал организации общества и в неорганичности либеральных ценностей* (55% и 53%), тогда как *внеконфессиональные верующие больше уверены в обратном* — только 46% согласны с данным положением.

Что же выбирают россияне — приоритет общественного или личного, благополучие государства или собственное благополучие? С одной стороны, россияне ставят во главу угла собственное благополучие и благополучие своей семьи — об этом говорят 74% православных и 76% внеконфессисональных верующих, а идею общей цели как объединяющей поддерживают 26% православных и 24% внеконфессиональных верующих. Чуть более коллективистски настроены атеисты — таковых 30%, вероятно, за счет поколения, прошедшего социализацию в советскую эпоху. Это еще раз демонстрирует критическое падение уровня социальной солидарности, деформирующее общество. В данном разрезе приверженность духовной традиции не способна преодолеть распад социальных связей. Хотя все-таки определенное амортизирующее воздействие религиозность имеет:

среди людей, регулярно посещающих церковь, общая цель представляется приоритетом для большего числа людей — 32%. В этом же ряду стоит и проблема соотношения личного и общественного сквозь призму пользы. Здесь проявляется противоречивость общественного сознания: несмотря на индивидуалистические цели, большинство хотело бы быть полезным обществу и государству, а не жить в свое удовольствие. Принадлежность к конфессии данный показатель только увеличивает, что свидетельствует о благотворном влиянии Церкви на социальный климат: так, полезными государству и обществу хотели бы быть 54% православных, 43% верующих вне конфессий и 47% атеистов. Среди демонстрирующих внешние формы религиозности (посещающих церковь) и внутренние (молящих Бога о помощи) таковых еще больше — 64% и 61%, что подтверждает солидаризирующие возможности религиозных и конфессиональных оснований.

Таким образом, религиозность россиян не является доминирующим вектором формирования русской мечты. Мечты россиян больше связаны с преодолением существующих социальных и политических проблем, чем наделяются трансцендентным или мессианским смыслом. Однако, принадлежность к конфессии и большая религиозность все-таки накладывают отпечаток на мечты и алгоритмы поведения по их реализации, во многом выполняя солидаризирующую функцию. Одновременно можно констатировать, что люди, не находящие места своим духовным исканиям в рамках существующих конфессий, обладают более эгоистическими целями.

11. Осуществимы ли мечты россиян?

Как было показано в предыдущих разделах, подавляющее большинство россиян — люди мечтательные. Правомерно, однако, поставить такие вопросы: насколько же осуществимыми кажутся россиянам их простые и понятные мечты? И для кого именно они представляются осуществимыми? Начнем с ответа на первый вопрос. В целом, мечты, существующие у наших сограждан, кажутся им скорее осуществимыми, чем неосуществимыми. По пятибалльной шкале самооценки осуществимости их мечтаний средний балл, по результатам исследования, оказался 3,4. При этом полностью уверены в осуществимости мечты 16% опрошенных, а абсолютно уверены в неосуществимости своих мечтаний только 6% (см. рис. 11.1). И все же менее половины россиян (45%) уверены или скорее уверены в осуществимости того, о чем они мечтают.

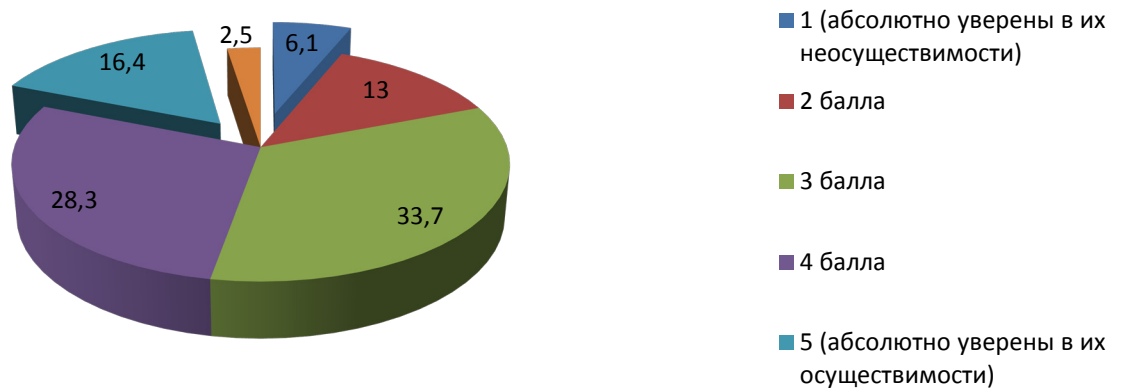

Рис. 11.1. Самооценки россиян своей уверенности в осуществимости их мечтаний, %

Почему же столь простые, как выяснилось, мечты, большинству россиян не кажутся однозначно осуществимыми? Или, точнее, какие мечты представляются им осуществимыми, а какие нет, и кто характеризуется в данном отношении большим оптимизмом, а кто — меньшим?

Как показало исследование, *относительно больше уверены в осуществимости своих мечтаний те, чьи мечты сосредоточены только на личных достижениях* — встретить настоящую любовь, иметь хорошую семью, жить интересно (см. ниже рис. 11.2). В наименьшей же степени рассчитывают на это те, в три

главных мечты которых входит желание «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» — лишь 39% из них считают, что их мечты осуществимы или скорее осуществимы.

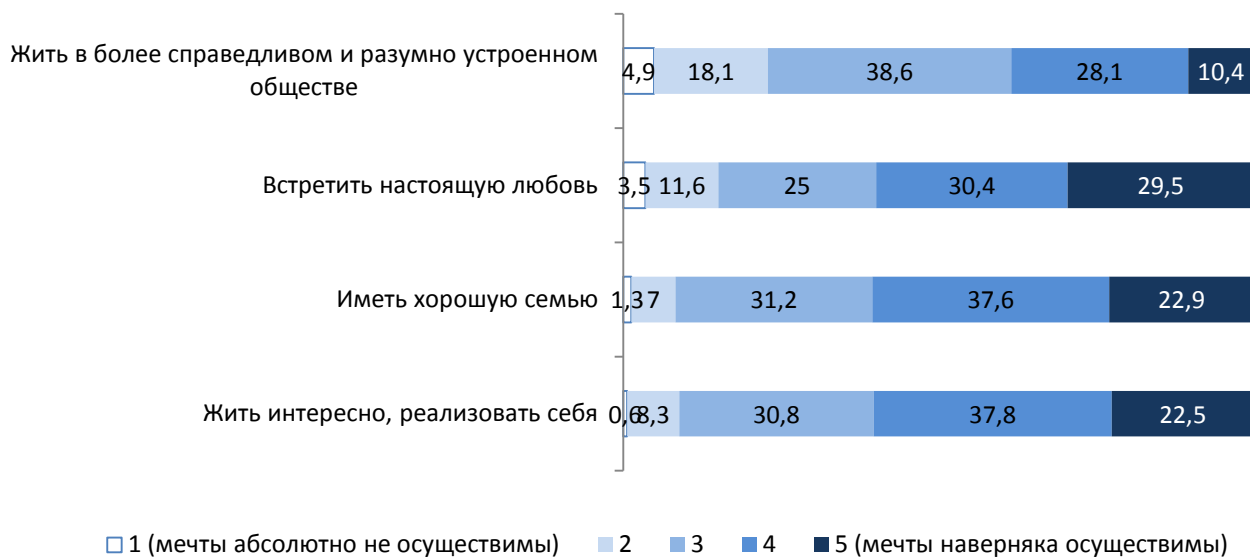

Рис. 11.2. Степень уверенности россиян в осуществимости их мечтаний в зависимости от предмета их мечты, %

Мечты микроуровня с разной частотой встречаются в различных демографических группах. Так, среди мечтающих встретить настоящую любовь большинство (57%) сосредоточены в возрастной когорте 16–25 лет (хотя нельзя при этом не отметить, что и в данной возрастной когорте мечта о любви не слишком популярна — о встрече с настоящей любовью мечтают лишь 13% респондентов этого возраста). В более старших возрастных когортах доля мечтающих о встрече с настоящей любовью постепенно снижается, доходя в группе 46–55-летних до 2%. Две трети мечтающих о любви — это женщины. Схожее возрастное распределение характеризуют и мечты о хорошей семье или возможности интересно прожить свою жизнь, хотя гендерный фактор на распространенность двух этих стремлений, в отличие от мечты о любви, практически не влияет.

Совсем другая картина характеризует ситуацию с мечтой о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе. Во-первых, с возрастом ее распространенность только усиливается, и если в группе 16–25-летних она составляет 23%, а 26–35-летних — 30%, то в группе 36–45-летних ее разделяют уже 38%, а 46–55-летних — 42%. Во-вторых, она с абсолютно равной частотой представлена и среди мужчин, и среди женщин (33%). Наконец, в-третьих, эта мечта очень четко связана прежде всего с другими мировоззренческими характеристиками респондентов, а не их демографическим статусом. Большое значение, как для ее наличия, так и для оценки степени осуществимости, имеют такие факторы как уровень образования и социально-профессиональный статус человека.

В этой связи стоит особо подчеркнуть — самооценка места человека в обществе очень заметно влияет на наличие у него ощущения осуществимости своей мечты. Прослеживается четкая и в целом ожидаемая закономерность — чем к более благополучным слоям относятся россияне, тем выше их уверенность в том, что их мечты могут осуществиться. Среди факторов, демонстрирующих наиболее сильные статистические связи с уверенностью в осуществимости мечты, — хорошее образование, наличие престижной и интересной работы, воз-

можность заниматься любимым делом, уверенность в возможности реализовать себя в профессии и получить необходимое образование и знания. Как видим, прорисовывается портрет вполне благополучного — образованного и имеющего хорошую работу — россиянина, который относительно чаще, чем его сверстники, считает свои мечты осуществимыми. Этот портрет будет, однако, не полон, если не добавить в него такие штрихи образа жизни данной группы как активное использование компьютера и Интернета, опыт или планы путешествий в различные страны мира, качественное питание и возможность хорошо одеваться, положительная динамика уровня материального благосостояния.

Все вышесказанное поясняет, почему *уверенность в возможности реализовать свои мечты, являющаяся важнейшим компонентом высокого качества жизни и предпосылкой благоприятного психологического состояния, характеризует не столько младшие возрастные когорты, сколько наиболее высокоресурсные и имеющие наиболее высокий уровень жизни группы россиян* (см. таблицу 11.1).

Таблица 11.1

Доли респондентов, различающихся степенью уверенности в осуществимости своих мечтаний, в разных социальных группах, % от соответствующей группы

Степень уверенности в осуществлении своих мечтаний	Страты 1-3	Страты 4-5	Страты 6-8	Страты 9-10
Абсолютно неосуществимы	14,6	8,4	2,7	2,8
Скорее неосуществимы	17,5	14,1	13,9	6,9
С равной вероятностью осуществимы и нет	37,9	39,5	32,5	19,3
Скорее осуществимы	19,4	26,3	33,21*	33,9
Наверняка осуществимы	10,7	11,8	17,7	37,2
Степень уверенности в осуществлении своих мечтаний	18-25 лет	26-35 лет	36-45 лет	46-55 лет
Абсолютно неосуществимы	2,7	4,7	6,5	12,1
Скорее неосуществимы	11,4	10,0	15,2	17,2
С равной вероятностью осуществимы и нет	28,5	35,3	38,2	37,5
Скорее осуществимы	35,5	32,0	26,8	19,5
Наверняка осуществимы	21,8	18,0	13,3	13,7
Степень уверенности в осуществлении своих мечтаний	Менее медианы доходов**	От 1 до 1,5 медиан	От 1,5 до 2 медиан	Более 2 медиан доходов
Абсолютно неосуществимы	6,8	6,6	7,0	1,9
Скорее неосуществимы	15,0	14,5	8,7	12,7
С равной вероятностью осуществимы и нет	39,4	30,3	37,0	18,4
Скорее осуществимы	24,8	34,2	27,0	38,0
Наверняка осуществимы	14,0	14,5	20,4	29,1

* Светло-голубым фоном выделены позиции, позволяющие утверждать, что большинство данной социальной группы уверено в осуществлении своих мечтаний.

** Медиана доходов была выделена для каждого типа поселения в отдельности, что позволяло частично учесть различия в стоимости жизни в зависимости от места жительства.

При этом, как видно из данных таблицы 11.1, уровень дохода, как и возраст, относительно менее важен для наличия такого рода уверенности — главное именно принадлежность к благополучным и высокоресурсным слоям населения, что далеко не всегда совпадает с наличием наиболее высокого душевого дохода. Если посмотреть обратное распределение (т. е. за 100% принять группы абсолютно уверенных в реализуемости или нереализуемости их мечты), то уверенные или скорее уверенные в осуществимости своих мечтаний люди оказываются сосредоточены в основном в верхних пяти стратах, выделенных по уровню их благосостояния — хотя численность последних в массиве составила 45%, в них оказалось свыше 60% всех, кто был абсолютно уверен в реализуемости их мечты. Верным оказалось и обратное — среди тех, кто был абсолютно уверен в нереальности осуществления своей мечты, представители пяти верхних страт составили менее 20%, в то время как 80% полных пессимистов оказались представителями пяти нижних страт.

Учитывая этот факт, неудивительно, что среди факторов, влияющих на самооценки осуществимости своей мечты, оказываются также и все те факторы, которые влияют на шансы человека оказаться в составе верхних страт. К ним относятся: условия социализации, определяющие культурный ресурс человека и возможность межпоколенной передачи социального статуса (образовательный уровень родителей, прежде всего отца, и тип поселения, в котором проходила первичная социализация), *особенности локального рынка труда, обусловленные регионом проживания и типом поселения, а также собственные структурные позиции человека*, напрямую зависящие от его социально-профессионального статуса и уровня образования.

Можно сказать, что *в зависимости от уровня своего благосостояния россияне, с одной стороны, мечтают о разном, а с другой — по-разному оценивают возможность осуществления тех или иных своих мечтаний* (см. таблицу 11.2).

Таблица 11.2

Доли респондентов, уверенных или скорее уверенных в осуществлении своей мечты, в разных стратах, % от имеющих соответствующую мечту¹

Мечты	Страты 1-3	Страты 4-5	Страты 6-8	Страты 9-10
1 группа				
Иметь хорошую семью (в процентах от тех, кто считает, что еще не имеет счастливой семьи)	83	48	70	74
Устроиться на хорошую работу (в процентах от тех, кто считает, что еще не имеет престижной работы)	67	48	68	75
Устроиться на хорошую работу (в процентах от тех, кто считает, что еще не имеет интересной работы)	67	45	69	73

¹ Для наиболее распространенных видов мечтаний. Отранжировано внутри групп по доле считающих соответствующую мечту реализуемой в составе трех нижних страт. Жирным шрифтом и фоном выделены позиции, позволяющие утверждать, что большинство данной социальной группы уверено в осуществлении своих мечтаний.

Продолжение таблицы 11.2

Мечты	Страты 1-3	Страты 4-5	Страты 6-8	Страты 9-10
2 группа				
Получить хорошее образование (специальность) (в процентах от тех, кто считает, что еще не получил хорошее образование, но включает его в три основные свои мечты)	60	67	60	76
Быть полезным обществу, внести «свою лепту» в развитие России	54	62	71	81
Интересно прожить свою жизнь, реализовать себя	50	51	63	77
3 группа				
Иметь свою отдельную квартиру, дом	40	41	53	68
Открыть собственное дело	30	49	55	83
Иметь хороших детей (в процентах от тех, кто имеет детей (среди не имевших детей эта мечта была заметно менее популярна))	29	40	59	66
Иметь хорошее здоровье	13	33	51	71
4 группа				
Жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, «не считая копейки»	23	35	48	76
Встретить настоящую любовь	12	10	27	60
Жить в более справедливом и разумно устроенном обществе	7	36	36	55

Анализ данных таблицы 11.2 показывает, что *степень уверенности в возможности осуществить свои мечты в разных стратах качественно различается*. Только в верхних двух стратах большинство всегда демонстрирует уверенность в возможности реализации своей мечты независимо от того, что это за мечта. Что же касается трех нижних страт, то для большинства их представителей, по меньшей мере, половина мечтаний выглядит нереализуемой. По остальным стратам ситуация достаточно пестрая, и можно говорить о двух скачках — от пяти нижних страт к 6-8 стратам и от последних к 9-10 стратам.

При этом с точки зрения реальности их осуществления у представителей разных страт есть 4 разных типа жизненных устремлений россиян. **В первом типе** три низшие страты демонстрируют высокие показатели реализуемости своей мечты, 4-5-я страты дают показатели их реализуемости менее чем в половине случаев, и пять верхних страт демонстрируют высокие и довольно близкие между собой показатели уверенности в возможности реализовать свои мечты. В данный тип входят *мечты о хорошей семье и хорошей работе, составляющие своего рода фундамент повседневной жизни*. Сложно сказать, с чем связан такой оптимизм в данных вопросах трех нижних страт — речь может идти и о защитной реакции психики в условиях, когда все или почти все остальные мечты для них практически не реализуемы, и о формировании в этих стратах своих собственных пред-

ставлений о том, что такое хорошая семья и хорошая работа, и о каких-то иных социально-психологических механизмах, генерирующих такого рода оптимизм. Однако несомненно, что *признать нереальность для себя реализации этих мечтаний представители трех нижних страт просто не могут, иначе, видимо, их жизнь станет предельно тяжелой. В то же время чуть более благополучные представители низкоресурсных страт в большинстве своем осознают проблематичность реализации для них даже этих мечтаний, отражающих базовые ценности россиян.*

Второй тип — это мечты, которые в той или иной форме касаются *возможностей самореализации человека в обществе*. Быть полезным обществу, суметь получить хорошее образование, открывающее перспективы более содержательной жизни, интересно прожить свою жизнь, постараться реализовать себя — вот набор мечтаний, который объединяется в этом типе. В целом *в реализуемость подобных устремлений верит не менее половины разделяющих эти мечты россиян из всех страт*. Однако и применительно к ним действует общая тенденция — *чем выше место страты на социальной лестнице, тем выше оказывается и уверенность ее представителей в реализуемости своих мечтаний*. Только в отношении мечты о том, чтобы интересно прожить свою жизнь (очень важный компонент в ценностной системе россиян), которую рассчитывает реализовать не менее половины разделяющих ее во всех стратах, нарастание уверенности в ее осуществимости происходит не плавно, как в отношении других желаний из этого типа, а только при переходе к 6 страте, т. е. при скачке от неблагополучных к относительно благополучным слоям населения. И если в 1-5 стратах уверены или скорее уверены в ее осуществимости ровно половина имеющих эту мечту, то в 6-8 стратах — почти две трети, а в двух верхних стратах — свыше трех четвертей соответствующих групп.

Впрочем, как показывает анализ данных о реальном положении респондентов, вероятность реализации мечтаний такого типа (например, получить хорошее образование) для пяти нижних страт намного ниже 50%, и даже в 6-8 стратах эта вероятность не достигает 50%. Так, если посмотреть на возрастную когорту 26-35 лет, когда процесс получения базового образования для подавляющего большинства уже завершен, то в 1-3 стратах его удалось получить, по самооценкам респондентов, 25% их представителей, в 4-5 — 44%, в 6-8 — 49%. В то же время, в 9-10 стратах, сумевших получить хорошее образование, — уже 80%. При этом реально получили высшее образование в этой возрастной когорте (26-35 лет) 14% в 1-3 стратах, 32% в 4-5 стратах и 40% в 6-8 стратах. И только в 9-10 стратах его имело уже большинство — 53%.

Третий тип объединяет мечты, ассоциативно вызывающие в памяти портрет жизненной мотивации той части населения, которая является ключевым поставщиком кадров для малого бизнеса — хотя, конечно, круг людей с такой жизненной мотивацией и таким «набором» мечтаний, гораздо шире. *Хорошее здоровье, свой дом, свое дело, хорошие дети, которым все это можно оставить*. Как видно из данных таблицы 11.2, *уверенность в возможности реализации подобной жизненной модели характеризует большинство имеющих соответствующие мечты только в верхних пяти стратах*.

Особое внимание при этом следует обратить на возможность реализации в разных стратах такой важной составляющей чаяний россиян как хорошее здоровье. Мечта о хорошем здоровье, как ни странно, оказывается для представителей нижних страт, во-первых, не слишком острой — среди них мечтают о хорошем здоровье лишь 21%, в то время как для представителей 6-8 страт, например, этот

показатель достигает 35%. Для наименее благополучных россиян, вопросы здоровья, видимо, отходят на второй план, поскольку их мечты сосредоточены вокруг более насущных проблем. А во-вторых, эта мечта оценивается ими как гораздо менее реализуемая, чем представителями верхних страт — в трех нижних стратах уверены (и скорее уверены) в возможности реализации своей мечты о хорошем в здоровье лишь 13% тех, кто о нем мечтает. Это значит, что в данных стратах мечтают о хорошем здоровье в основном люди, которые в массе своей уже имеют плохое здоровье и не видят шансов его поправить. В то же время в двух верхних стратах этот показатель достигает 71%, т. е. в 5,5 раза выше. А это означает, что в их составе хорошее здоровье — не актуализировавшаяся в процессе его ухудшения потребность, а осознанная жизненная ценность, о которой своевременно задумываются и которую рассчитывают сохранить.

Наконец, к **четвертому типу** относятся мечты, казалось бы, *очень разные, но объединенные одним признаком — реализовать их рассчитывают только представители 9-10 страт*. В этот тип входит, в частности, *мечта жить в более справедливом и разумно устроенном обществе*. Разрыв в уверенности в возможности реализации такой мечты между тремя нижними и двумя верхними стратами необычайно велик — практически восьмикратный. Что же касается составляющих свыше 80% населения России 4-8 страт, то все они демонстрируют достаточно близкие между собой и сравнительно низкие показатели этой уверенности — лишь около трети мечтающих жить в таком обществе в данных стратах еще сохраняют на это надежду.

В то же время, стоит специально подчеркнуть тот факт, что даже в двух верхних стратах вера в осуществимость подобной мечты заметно ниже, чем по осуществимости других мечтаний. Это значит, что *даже в этих стратах, несмотря на их заведомо более благополучное положение в сложившейся сегодня в России модели общества, существуют не только активное недовольство этой моделью (доля мечтающих о жизни в таком обществе в их среде практически такая же, как в неблагополучных 4-5 стратах — 30% и 33% соответственно), но и резко критический настрой в отношении институциональных предпосылок для изменения сложившейся ситуации*. Не случайно почти половина среди разделяющих эту мечту представителей двух верхних страт не верит в возможность реализации их мечты о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе.

Учитывая социально-психологические особенности верхних двух страт (социальный динамизм, готовность их представителей к активным действиям по защите своих интересов, практическую ориентированность¹, большую функциональную грамотность, связанную с более высоким образовательным уровнем и т. д.), именно от их представителей можно ждать наиболее активных шагов с требованиями изменения сформировавшейся в России за последние два десятилетия модели общества. Т. е. *многие из тех, кто в верхних двух стратах верит в реализуемость своей мечты, не будут, как представители нижних страт, ждать, когда она реализуется сама по себе*. Они готовы будут действовать во имя ее реализации, и, хотя время и формы проявления подобной готовности будут зависеть от внешних обстоятельств, но сама по себе, без изменения модели общества, эта готовность не исчезнет. При оценке перспектив активизации данной группы стоит учитывать также, что она четко локализована в пространстве — почти половина ее (48%) проживает в городах с численностью населения от 500 тыс. человек

¹ Так, например, свыше двух третей в двух верхних стратах (при менее чем половине в пяти нижних стратах) не ждут чуда в реализации своей мечты, а составляют план ее реализации и реализуют его шаг за шагом.

и выше, в т. ч. свыше трети (36% всей группы) — в городах-миллионниках. Важно и то, что в отношении наличия актуализированной потребности в изменении сложившейся модели общества данная группа не противостоит основной массе населения, а идет в унисон с ней.

Вторая мечта, как ни странно также входящая в четвертый тип, наиболее жестко связанный с местом в социальной структуре общества — *мечта встретить настоящую любовь*. Уверенность в возможности ее реализации также распространена в трех нижних стратах в разы реже, чем в верхних. Только тип распределения уверенности в реализуемости этой мечты по стратам несколько иной, чем в случае с другими мечтами — *в нижних пяти стратах вера в реализуемость такой мечты очень низка, затем с переходом к 6–8 стратам происходит некоторый рост этой уверенности и, наконец, при переходе к верхним двум стратам уверенность в реализуемости данной мечты разделяет уже заметно больше половины их членов*.

Наконец, в четвертый тип входит также мечта о жизни в достатке, когда можно позволить себе жить «не считая копейки». *Нереализуемость этой задачи для нижних 5 страт, учитывая нарастание социального неравенства в российском обществе в последние 20 лет, понятна*. Более того — прошлые исследования ИС РАН показывают и то, что, как бы не изменялась экономическая ситуация, свыше половины населения в возрасте до 55 лет (и около 60% всего населения) продолжают относиться к сравнительно неблагополучным и низкоресурсным слоям. Настоящее исследование также показало, что возможность «жить не хуже других» на практике характеризует лишь верхние две страты. Во всяком случае, отмечали то, что им уже удалось этого добиться, 19% в 1–3 стратах, 30% в 4–5 стратах, 39% в 6–8 стратах и только в 9–10 стратах об этом говорило большинство — 52%.

Учитывая связь всех без исключения мечтаний россиян с их уровнем благосостояния и максимальную распространенность именно мечты о жизни в достатке, особенно актуальным представляется вопрос о том, какие же факторы в современной России влияют на попадание конкретных людей в наименее благоприятные структурные позиции, почему именно данные люди оказываются в составе неблагополучных слоев, т. е., по сути дела, возникает вопрос о факторах стратификации. Ответ на него позволит лучше понять и то, почему сложившаяся модель общества не устраивает сегодня довольно большую долю россиян.

Обратимся в этой связи к восприятию населением причин бедности и богатства в российском обществе. Сразу подчеркнем при этом, что в проведенном исследовании вопросы об этих причинах задавались в форме, предполагавшей оценку респондентами причин богатства и бедности людей, которых они хорошо знают — родственников, друзей, соседей, коллег по работе, а не ретрансляцию отвлеченных идеологических штампов. Фактически респонденты выступили в этом вопросе в роли экспертов, хорошо знающих предмет обсуждения.

Отвечая на вопрос о причинах бедности их личных знакомых, респонденты выделили *две группы причин, одна из которых включала в себя факторы макро-, а другая — микроуровня*. Среди первых были: невыплата зарплаты на предприятии, задержка пенсий, проживание в бедном регионе (районе, городе, местности), недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению и т. п. Среди вторых — семейные несчастья, болезнь или инвалидность, алкоголизм и наркомания, лень, неприспособленность к жизни и т. п. При этом, как показало исследование, наиболее распространенными причинами бедности в России сегодня являются: алкоголизм или наркомания, лень и неприспособленность

к жизни, длительная безработица, болезнь или инвалидность, а так же семейные неурядицы или несчастья — например, смерть кормильца семьи. *Таким образом, бедность в России сегодня связана преимущественно с факторами микроуровня, в значительной части случаев обусловленных неверным поведением самих бедных (или кого-то из членов их семей), и, отчасти, просчетами в социальной политике государства.*

При этом факторный анализ (метод Варимакс) позволил выделить 6¹ укрупненных факторов бедности. **Первый** из них отражал *вину самого человека* в своей бедности и объединил такие ее причины как алкоголизм или наркомания (34%), лень и неприспособленность к жизни (26%) и нежелание менять привычный образ жизни (17%). **Второй** включал причины, связанные с *отсутствием стабильного дохода* в силу различных экономических причин — длительной безработицы (24%) или невыплаты зарплат на предприятии (17%). **Третий** отражал причины бедности, воспринимаемые населением как результат «невезения», связанного прежде всего с *семейными обстоятельствами, не компенсируемыми мерами социальной политики*. В него вошли болезнь или инвалидность (своя или членов семьи) (20%) и большая иждивенческая нагрузка (7%). **Четвертый** объединял причины, связанные с *плохими стартовыми условиями*: низкий уровень жизни родителей (18%), отсутствие поддержки со стороны родственников, друзей, знакомых (11%), плохое образование и низкую квалификацию (17%). **Пятый** отражал *неэффективность государственной социально-экономической политики по выравниванию шансов людей на преодоление бедности* и объединял такие причины бедности как проживание в бедном регионе (районе, городе, местности) (13%) и недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению (14%). Наконец, **шестой** фактор тоже относился к *причинам микроуровня, которые не компенсируются мерами государственной социальной политики*, но уже к таким причинам, *которые касаются скорее крупных жизненных несчастий, чем повседневных неурядиц*. В него входили, соответственно, семейные несчастья (19%) и то, что люди оказались беженцами, мигрантами (2%).

Как же изменилась за последние десять лет роль этих причин в попадании людей в бедность? Прежде всего следует отметить, что за эти годы серьезно изменилось среднее число причин бедности, которые указывали респонденты, т. е. ситуация с этими причинами стала для самих респондентов более простой, четкой и однозначной. Если еще десять лет назад среднее число причин бедности, которые указывали респонденты, было 3,8, то в 2012 году оно составило уже 2,5. Таким образом, в среднем, если бы это уменьшение равномерно затронуло все причины бедности, то показатели по каждой из них должны были бы сократиться примерно в полтора раза. Однако в реальности картина оказалась иной. Показатели по части из них (в основном связанным с ситуацией микроуровня) практически не изменились, в то время как по другим (в основном связанным с ситуацией макроуровня) сократились более чем вдвое. Это еще одно свидетельство в пользу того, что *нынешняя ситуация с бедностью в России связана не столько с общей экономической ситуацией, сколько с поведением самих бедных или теми несчастьями, которые произошли в их семьях и не компенсируются должным образом мерами государственной социальной политики* (см. ниже рис. 11.3).

Как видно ниже на рис. 11.3, за последние десять лет уменьшилась не только роль факторов бедности, связанных с проблемами в источниках доходов, но и роль причин, отражающих неэффективность государственной социальной

¹ Формулировка вопроса допускала указание пяти наиболее значимых причин.

политики — недостаточность пособий по соцобеспечению, наличие большого числа иждивенцев, инвалидность. И в этом отношении можно говорить о значимых результатах государственной социально-экономической политики последних лет в борьбе с бедностью. В то же время, роль факторов бедности, связанных с плохими стартовыми условиями (происхождение, социальный ресурс), хотя и уменьшилась, но менее значительно. Это означает, что *меры государственной социальной политики, рассматриваемой как политика в области социального обеспечения, приносят ощутимый эффект, а вот проблема равенства стартовых возможностей оказалась в последние 10 лет как бы «за бортом» социальной политики.*

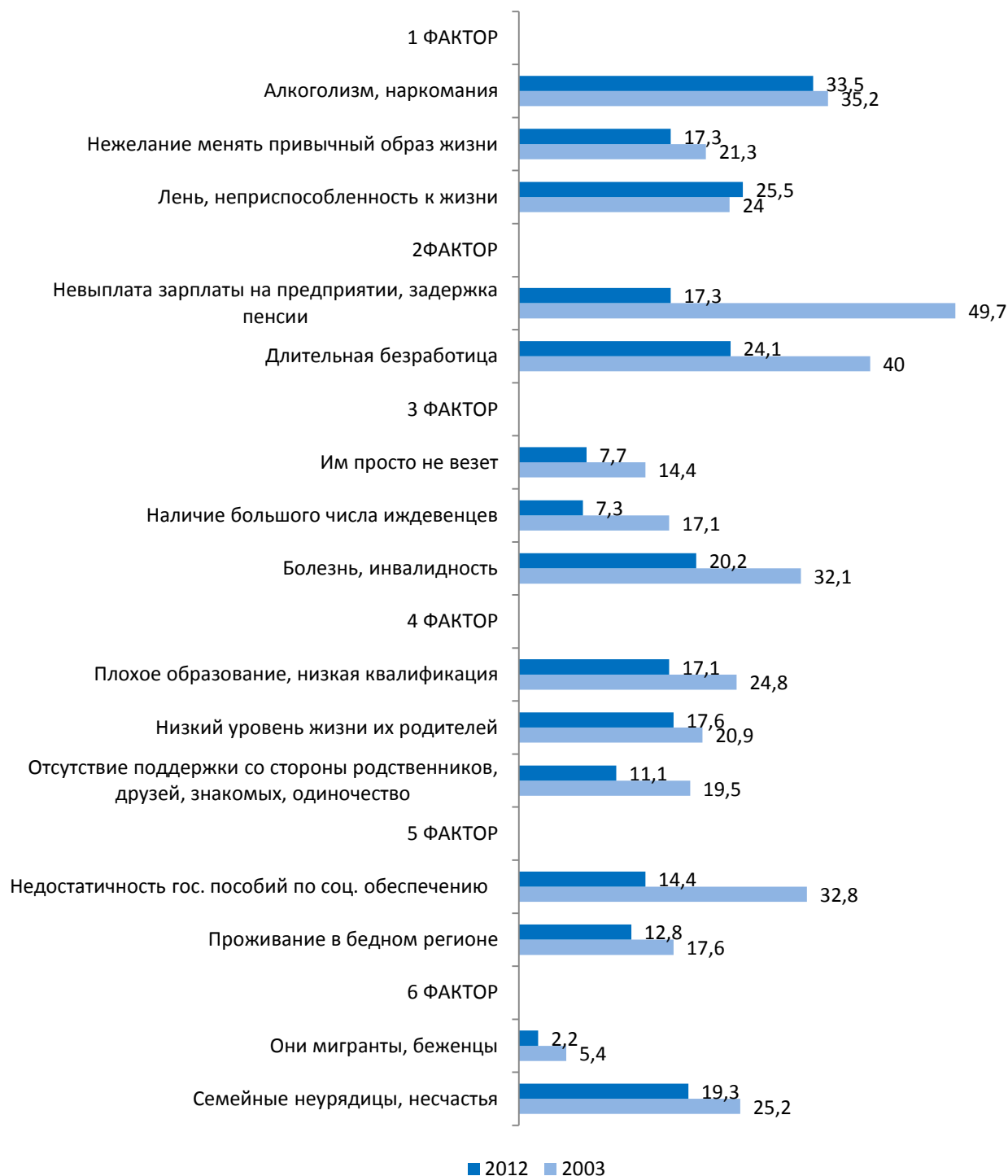

Рис. 11.3. Динамика представлений россиян о причинах бедности их личных знакомых, 2003/2012 гг., %

В итоге роль этих причин, и прежде всего — низкого уровня жизни родителей, относительно выросла. При этом равенство возможностей, равенство шансов «на старте», входит в число базовых ценностей россиян, а существующее сегодня в России явно избыточное социальное неравенство в этой области воспринимается ими весьма болезненно. Если же говорить собственно о социальной политике, то наиболее слабой ее стороной выступает сегодня компенсация последствий семейных несчастий (например, смерти или тяжелой болезни кормильца семьи, разводов в семьях с двумя и более детьми и т. п.).

Впрочем, проблемы бедности сами по себе заботят наших сограждан меньше, чем причины, обуславливающие «продвижение наверх» — к богатству и достатку. Как показало исследование, судя по экспертной оценке наших сограждан¹, в этой области в России далеко не все обстоит благополучно, а российское общество находится пока очень далеко не только от меритократического идеала, но и от шансов стать обществом массового среднего класса, поскольку число благоприятных для человека структурных позиций в нем существенно ограничено.

В число пяти наиболее распространенных причин богатства² в России сегодня входят: наличие нужных связей, деловая хватка, везение, умение использовать все возникающие шансы и работа без оглядки на время и здоровье. Не вошла в пятерку лидеров высокая квалификация, хотя этот фактор отставал от них в пределах величины статистической погрешности. При факторном анализе (метод Варимакс) 12 возможных причин достижения того уровня благополучия, которое в глазах респондента выступало как богатство, объединились в 4 фактора. **Первый** из них был связан с *аморальными и неправовыми поведенческими практиками* (неразборчивость в средствах, непорядочность (9%); связь с криминалом (9%); служебное положение, позволяющее брать взятки (14%)). **Второй** объединил различные грани *везения*: само по себе везение, удачу (29%), умение использовать все возникающие шансы (26%) и наличие главного такого шанса в российских условиях — нужных связей (49%). **Третий** включал переменные, связанные с *возможностями формирования первоначального капитала* — имевшиеся сбережения, позволившие заняться бизнесом (22%) и возможность с выгодой для себя поучаствовать в приватизации (12%). Наконец, **четвертый** отражал *деловые качества самого человека* — наличие у него деловой хватки (43%), работу без оглядки на время и здоровье (25%), наличие высокой квалификации, знаний (23%).

На основе предложенной классификации посмотрим на динамику сравнительной роли данных факторов в достижении благополучия за последние 10 лет (см. ниже рис. 11.4). Прежде всего, вновь обращает на себя внимание сокращение числа позиций, выбираемых каждым респондентом. Таким образом, в вопросе о причинах богатства их знакомых, как и о причинах бедности, для россиян также наступила большая ясность. Это означает, что и в данном случае каждый процент стал еще более весомым. С учетом этого обстоятельства *еще яснее стала ведущая роль 2-го фактора («везение»)*, когда, с одной стороны, человеку повезло иметь

¹ При этом стоит отметить, что почти четверть россиян не имеют в своем окружении богатых людей. Точнее 61% россиян имеют в своем окружении и богатых, и бедных. 11% не имеют в числе друзей, родственников и знакомых ни богатых, ни бедных, 12% имеют в своем окружении бедных, но не имеют богатых и 15% имеют в своем ближайшем окружении богатых, но не имеют бедных. В этом плане можно констатировать, что процесс «закрытия» социальных слоев в России еще не завершен.

² Формулировка этого вопроса, как и с вопросом о бедности, допускала указание пяти наиболее значимых причин.

нужные связи, а с другой — он сумел этот шанс использовать. И 10 лет назад, и сейчас именно данная группа причин оказывается главным фактором благополучия в восприятии россиян. На втором месте по значимости — личные качества, прежде всего наличие деловой хватки, хотя нельзя не отметить, что если в 2003 г. именно ее наличие выступало наиболее распространенной причиной богатства их знакомых, то в 2012 г. она оказалась уже только второй по распространенности, уступив лидерство наличию нужных связей.

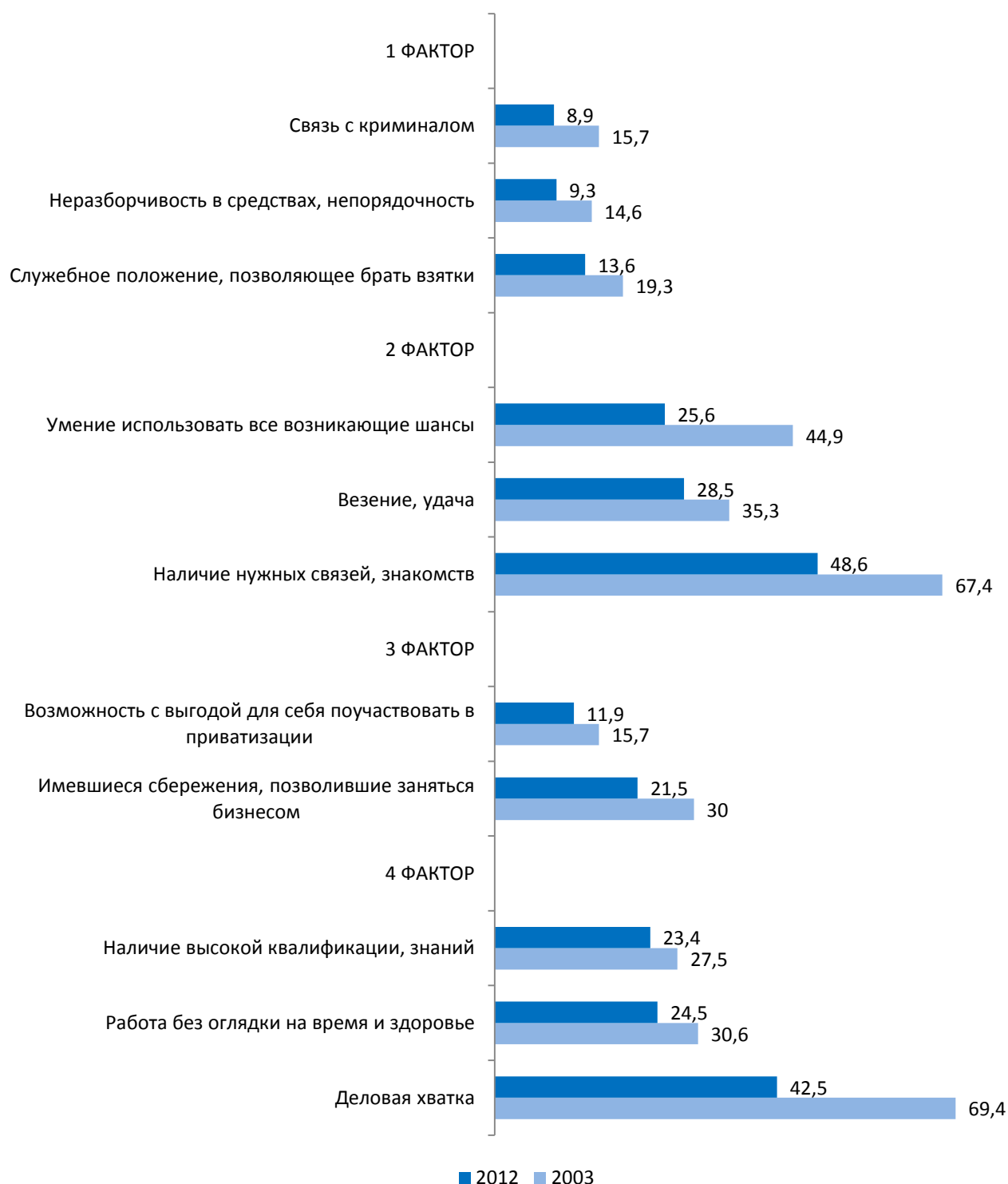

Рис. 11.4. Динамика представлений россиян о причинах богатства их личных знакомых, 2003/2012 гг., %

Итак, на сегодняшний день причины богатства и (хотя и в меньшей степени), причины бедности для россиян связаны чаще всего с фактором везения, а отнюдь не с собственными усилиями человека. При этом роль фактора «везения» постепенно усиливается — по крайней мере, в относительном выражении.

Вряд ли в таких условиях стоит удивляться, с одной стороны, тому, что 43% россиян (или 47% от всех, имеющих мечту) рассчитывают в ее реализации только на чудо, везение или колдовство, не прибегая для ее материализации ни к собственным усилиям, ни к помощи родных и близких. В то же время большинство (70% от имеющих мечту) все-таки пытаются реализовать ее с помощью рациональных практических действий. Закономерно в этой ситуации и то, что второе место среди художественных образов, в которых чаще всего воплощается личная мечта наших сограждан, оказалась сказка «По щучьему велению», выражающую мечту об огромном, но случайном везении.

С другой стороны, еще более естественным представляется тот факт, что очень многие наши сограждане мечтают о жесткой связи собственных усилий людей и их жизненного благополучия. Именно поэтому сказка «Золушка», отражающая мечту о том, что добродетель и трудолюбие рано или поздно будут вознаграждены, оказалась лидером среди художественных образов, в которых чаще всего воплощается личная мечта наших сограждан, обогнав по популярности «По щучьему велению» практически вдвое. Вполне естественной выглядит в этом контексте и распространенность среди россиян мечты о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе — обществе, где положение человека в большей степени зависит не от везения, а от его собственных усилий. Существующая же сегодня в России модель общества не только не справедлива, но и не имеет шансов выстоять в той жесткой конкурентной борьбе за «место под солнцем» в глобальной экономике, которая развернулась сегодня в мире. Более того — основанное на случайном везении общество не может рассматриваться как современное и само по себе должно стать объектом модернизации.

12. Состояние российского общества и исторические судьбы русской мечты

Мечты россиян в значительной степени сосредоточены, как, наверное, и у людей во всех странах мира, на тех или иных аспектах их собственной жизни — достаток, здоровье, собственный дом, хорошие дети. При этом немалое место в них у наших сограждан занимают мечты, относящиеся к социуму в целом — жить в более справедливом и разумно устроенном обществе, чтобы никогда не было войны, внести «свою лепту» в развитие России и т. п. *Именно эта особенность мечтаний россиян, их повышенное внимание к ситуации в обществе в целом, выступает самой характерной особенностью «русской мечты».* Причем независимо от формы, в которой вопрос об их мечтах задавался респондентам, эта макросоставляющая остается важной частью мечтаний и чаяний населения страны, хотя ее «удельный вес» и меняется. Так, например, при вопросе с 15-тью возможными вариантами выбора трех основных мечтаний, только 2 из которых относились к обществу (жить в более справедливом и разумно устроенном обществе и внести «свою лепту» в развитие России), 40% респондентов выбрали хотя бы один из этих двух вариантов. При этом практически каждый двадцатый россиянин в числе трех своих основных мечтаний выбрал сразу оба этих варианта. И хотя в вопросе о том, чего пожелали бы респонденты, если бы вдруг поймали «золотую рыбку», способную выполнить три их желания, роль личных желаний была относительно больше, однако каждый десятый из тех, кто обратился бы к «золотой рыбке» с какими-то просьбами, все же назвал в числе трех своих желаний мечты, относящиеся к обществу в целом, а не только к собственной жизни.

Подобная личностная включенность в оценку ситуации в обществе, относящаяся к наиболее характерным особенностям русской культуры и национальной психологии, пока еще сохраняется у многих россиян. Однако и она, как показало проведенное исследование, в условиях атомизации общества и нарастания в нем отчуждения, постепенно утрачивает свою значимость. Фиксировалась эта тенденция и в ходе других исследований ИС РАН. Так, например, в исследовании «Двадцать лет российских реформ глазами россиян» (2011) в качестве основных негативных результатов реформ люди называли прежде всего снижение уровня жизни большинства населения, падение морали, рост коррупции и т. п., т. е. факторы, относящиеся к состоянию общества в целом, а не те, от которых они пострадали лично; не случайно падение уровня жизни в числе этих результатов называли с примерно равной частотой все россияне, независимо от их материального положения и того, выиграли или проиграли они от реформ.

Такая озабоченность россиян ситуацией в обществе (которая выступает как важнейшая социально-психологическая предпосылка) предполагает самоидентификацию себя с макрообщностью, наличие определенного типа «Мы-идентификаций». Именно то, кем себя ощущают россияне в первую очередь, какие из их социальных ролей в наибольшей степени важны для них в повседневной жизни, позволяет понять, почему в сознании многих из них ситуация в обществе оказывается столь значимой. При этом возникает один из ключевых вопросов — какую вообще роль абстрактные, собирательные общности играют в **идентичностях** представителей той или иной нации.

Для любого человека основой его идентичности будет идентификация себя с реальными общностями его микромира — семьей и друзьями. И действительно, эти идентичности занимают два первых места в общем списке самоидентификаций россиян независимо от того, в каких формулировках задаются соответствующие вопросы. Однако для них характерна также устойчивая самоидентификация и с такими символическими, абстрактными общностями как «люди с аналогичными взглядами на жизнь», «представители определенного поколения или той же профессии». Трудно сказать, что здесь играет решающую роль — особенности национальной культуры, огромные пространства России, заставляющие искать «сквозные», интегрирующие линии отождествления себя с внешним миром, или же какие-то другие факторы. Очевидно одно — *абстрактные, символические общности очень важны для наших сограждан и имеют для них личностную, эмоционально окрашенную значимость* (см. рис. 12.1).

Рис. 12.1. Ответы на вопрос «С кем Вы часто ощущаете чувство общности?», %
(допускалось несколько ответов, отранжировано по доле выбравших соответствующую позицию)

На первый взгляд, судя по данным рис. 12.1, идентичность с россиянами, несмотря на всю значимость для наших сограждан других «сквозных», абстрактных идентичностей макроуровня, относится к числу аутсайдеров их самоидентификаций. Однако из всех идентичностей именно идентичность с россиянами оказывается наиболее чувствительной к форме вопроса, в которой она измеряется. Так, например, если спросить наших сограждан о том, какую степень близости они ощущают с теми или иными социальными группами, то оказывается, что в значительной степени ощущают свою общность с россиянами 71% всех россиян и еще почти четверть ощущает эту общность в небольшой степени (в общей сумме, по двум показателям — 95%). Вообще же ее не ощущает лишь каждый двадцатый житель России¹.

Таким образом, относительно более редкое упоминание россиянами «граждан России» среди тех, с кем они часто ощущают свою общность, чем, например, людей той же национальности, свидетельствует не о большей значимости национального фактора в их жизни, а о большей напряженности в сфере межэтнических отношений. В итоге этой ощущаемой в межэтнических отношениях напряженности, противоположность «Мы» — «Они», идентичность по национальности актуализирована сильнее, чем гражданская. В то же время, при оценке общего ощущения своей близости с соответствующими общностями картина иная, а в случае замера «я-идентификаций», т. е. определения респондентом того, какие характеристики подходят лично для него, что он сам думает о себе, доля граждан, выбравших позицию «россиянин» оказывается даже в 2,5 раза больше, чем «представитель определенной национальности» и достигает почти 60%².

Таким образом, *внутренняя общность с россиянами для наших сограждан, хотя и находится на периферии их сознания, является чрезвычайно значимой. Более того — именно эта идентичность за последние 20 лет росла быстрее всего³, замечая характерную для советского времени идентичность с советским народом и СССР, а сегодня служит эмоциональной основой сохранения «замкнутости» значительной части россиян на общенациональных целях развития страны.* Не случайно поэтому, что более чем для четверти наших сограждан большая цель, которая бы всех объединила, и сегодня оказывается важнее собственного благополучия и интересов их семьи, а свыше половины всех россиян (52%) предпочли бы оказаться полезными государству и обществу, а не просто жить так, как им хочется.

В то же время, в последние годы происходит своего рода трансформация образа Родины и даже отношения к ней среди значительной части российского общества, проявляющаяся и в нарастании стремления уехать из страны (особенно в наиболее образованных и благополучных слоях населения), и в росте агрессии в обществе, и в усилении недовольства сложившейся в стране (а не лично у них) ситуацией. Все это, как и нарушение базовых принципов справедливости, ощущение «неправильности» происходящего приводит к углублению атомизации общества, разрушающей непосредственно переживаемое чувство органической общности нации и тем самым устои социальной солидарности россиян. Своего рода отражением и проявлением этих процессов выступает оценка нашими

¹ Данные исследования ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян» (2011 г.). Подробнее см.: Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. — М.: «Весь мир», 2011.

² См. подробнее Российская идентичность в социологическом измерении. Отв. Ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова — М.: Институт социологии РАН, 2008.

³ См.: Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. — М.: Весь мир, 2011.

согражданами динамики тех или иных качеств людей, о которой говорилось в разделе 2 настоящего доклада. В итоге, как уже не раз подчеркивалось выше, в настоящее время основная масса населения страны вынуждена существовать в режиме индивидуального выживания, что накладывает сильный отпечаток и на сознание, и на поведение наших сограждан, и на их мечты. При этом, учитывая существующее в российском обществе восприятие наличия мечты как нормы, как необходимого и социальноодобряемого компонента жизни, такая ситуация для россиян не вполне естественна.

Однако эта оговорка, при всей ее важности, не отменяет того факта, что и сегодня внимание россиян к ситуации в обществе, путям его развития остается одной из наиболее характерных черт национального сознания, а идентификация себя с россиянами по степени ее актуализированности не просто сохранилась на том же уровне даже в условиях общего сокращения числа самоидентификаций, означающего относительный рост значимости каждого процента голосов, поданных в пользу той или иной из них, но и несколько выросла за последние годы (см. рис. 12.2).

Рис. 12.2. Динамика ответов на вопрос «С кем Вы часто ощущаете чувство общности?», 2008/2012 гг., %¹

1 Отранжировано по доле часто ощущающих свою идентичность с соответствующей общностью в 2012 г.

Итак, во-первых, *макроидентичности, к которым относится и идентификация себя с Россией и россиянами, для наших сограждан очень важны и могут оказывать, как любые значимые и широко распространенные идентичности, очень серьезное влияние на поведение населения в целом. И, во-вторых, хотя для подавляющего большинства наших сограждан идентификация себя с россиянами находится в настоящее время на периферии их сознания, учитывая ее подспудную распространенность, глубину и значимость, при определенных условиях возможна ее быстрая актуализация.* То есть, многие наши сограждане в глубине души устойчиво идентифицируют себя с россиянами, и хотя часто о себе в этом контексте не задумываются, но это не значит, подобная тенденция сохранится. Актуализироваться эта идентичность может под влиянием факторов и микро-, и макроуровня — например, во время поездок за рубеж или при обострении недовольства ситуацией в стране.

Рост этого недовольства может быть особенно опасен для сохранения стабильности в российском обществе в случае, если он примет форму противопоставления себя и власти не просто по принципу «Мы, народ» — «Они, власть», т. е. достаточно традиционного конфликта. Гораздо опаснее может оказаться ситуация, если этот конфликт примет в общественном сознании форму «Мы, россияне — те, для кого эта страна — любимая Родина» и «Они, власть — те, кто разворовал Россию, вывел деньги за рубеж, держит там детей и готовит там себе запасной аэродром». В данном случае обычное социально-экономическое в своей основе недовольство может наложиться на совсем иные по механизму их реализации чувства, и, подпитываемое энергетикой патриотизма и традиционной для российской ментальности самозабвенной борьбы с врагом, дать мощнейшую волну протеста, формы которого могут носить как адекватный (направленный на изменение самой власти или ее курса), так и неадекватный (например, погромы, как это уже бывало в последние годы — вспомним Кандопогу) характер.

В этой связи важно понять следующее: во-первых, кто и почему сейчас мечтает о том, чтобы жить в справедливом и разумно устроенном обществе, и что эти люди подразумевают под таким обществом, а во-вторых — кто и почему считает, что путь, которым идет Россия, ведет страну в тупик и, одновременно, убежден в необходимости замены нынешней власти в стране во что бы то ни стало. Назовем условно две эти группы «мечтающие о справедливости» и «противники нынешней власти». Их особенности тем более важно понять, что обе они являются массовыми — если мечта о жизни в более справедливом и разумно устроенном обществе характерна для трети россиян в возрасте 16-55 лет, то практически каждый пятый (19,2%) в этих возрастных когортах убежден, что страна идет в тупик и считает необходимой замену нынешней власти во что бы то ни стало (еще 20% россиян в возрасте до 55 лет включительно разделяют лишь одну из этих позиций).

При сближающем эти группы общем недовольстве сложившейся в стране моделью общества реальная зона пересечения их «по людям» сравнительно невелика и составляет всего 7% всех россиян (см. ниже рис. 12.3). Основную же массу населения, хотя и менее половины россиян (41%) составляют те, кто вообще не озабочен проблемами глобального вектора развития российского общества, т. е. не разделяет идеи о неправильности пути, по которому идет Россия и необходимости замены нынешней власти, с одной стороны, и не включает в свои основные мечты мечту о разумном и справедливом обществе — с другой.

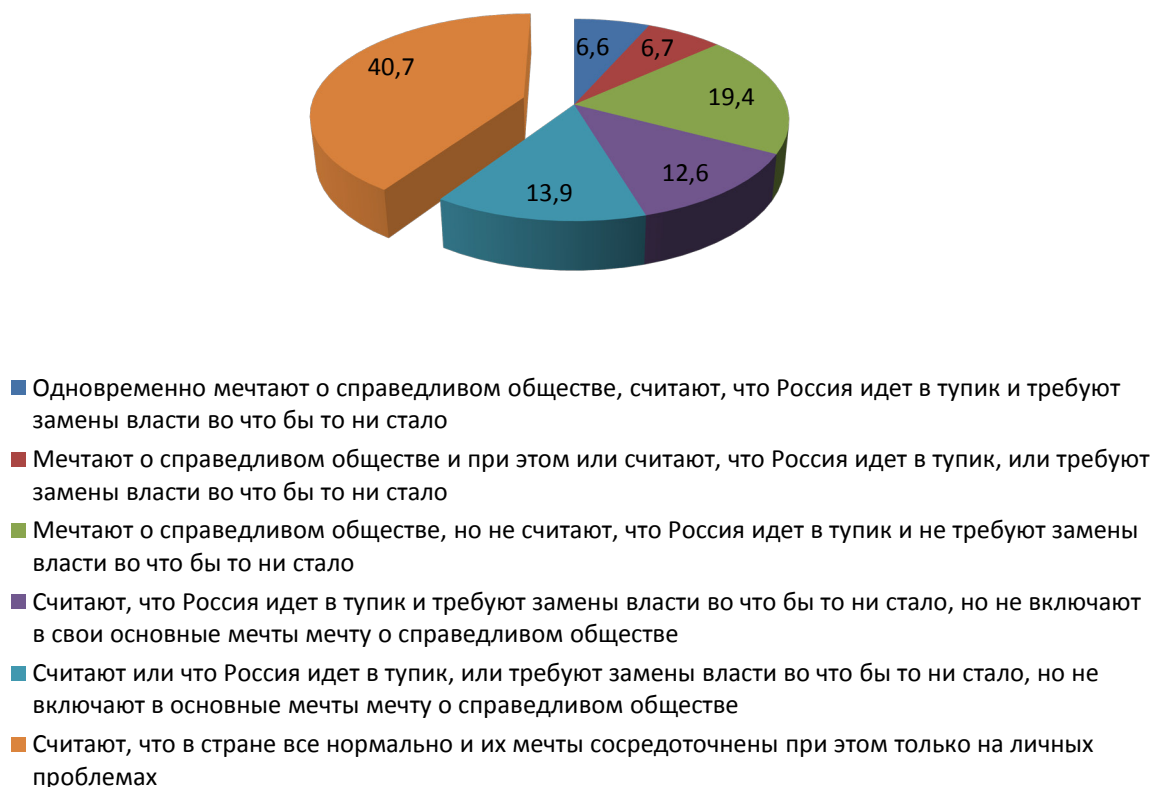

Рис. 12.3. Соотношение различных мировоззренческих групп в составе россиян в возрасте до 55 лет включительно, %

Как видно из данных рис. 12.3, проекция недовольства сложившимся в России типом общества и мечты о жизни в более справедливом и разумно устроенном обществе на нынешнюю власть характеризует *менее половины* всех, кто мечтает о жизни в таком обществе. С другой стороны, *лишь треть* из тех, кто требует замены нынешней власти и считает, что Россия идет в тупик, мечтают о справедливом обществе. Что же стоит за столь заметным расхождением взглядов этих групп и что они собой представляют?

Начнем с характеристики группы, которую мы условно назвали **«противники нынешней власти»**. Ни по возрасту, ни по уровню дохода она ничем не отличается от массива в целом. В то же время, большинство в ней составляют мужчины (54% при 41% в группе тех, кто считает, что в стране все нормально и чьи мечты сосредоточены только на личных проблемах). Более того — 23% всех мужчин (и только 16% женщин) оказались именно в этой группе. Такой гендерный состав отразился и на профессиональном портрете группы — 46% в ней относятся к рабочим. Однако гендерная специфика данной группы по отношению к остальному населению — это скорее небольшие количественные отличия, чем качественная специфика.

Главная же ее особенность заключается в другом — ее *представители очень неравномерно распределены по регионам*. Резко выделяется в этом отношении Москва, где доля «противников нынешней власти» составила почти треть всех опрошенных, а также Татарстан и Иркутская область с близкими к Москве показателями по доле представителей данной группы в населении региона. В то же время, в Ярославской области и Красноярском крае доля этой группы в населении составляет всего 12-13%, а в Екатеринбурге поставлен в этом отноше-

нии своего рода рекорд — менее 5% всех екатеринбуржцев можно отнести (по итогам исследования) к группе «противники нынешней власти». Существенно и то, что в нашей выборке было всего несколько регионов, где доля считающих, что в стране все нормально (т. е. что путь, которым идет Россия, не ведет ее в тупик, и что нынешнюю власть менять не надо), составляла менее половины населения. В числе этих регионов мы вновь видим Москву и Иркутскую область. Добавляются к ним также Санкт-Петербург, Новгород и Московская область, где число считающих, что в стране все нормально, было минимальным (28%). В остальных, входивших в выборку опроса регионах, доля считающих, что в стране все нормально, была выше 50%, доходя в Красноярском крае даже до 80%. И хотя выборка исследования не была достаточной для того, чтобы репрезентировать каждый регион в отдельности, *столь большие разрывы в численности рассматриваемых групп, несомненно, свидетельствуют о качественных различиях в ситуации в тех или иных регионах, отражая нездоровую обстановку в них и ошибки в действиях местных властей.* При этом с достаточной степенью уверенности можно говорить о том, что *наиболее напряженная обстановка сегодня сложилась в Москве.*

Если же говорить о *типах поселений, где сосредоточена группа «противники нынешней власти»*, то это, прежде всего, *города-миллионники и областные, краевые и республиканские центры* — 27% проживающих в них относится к этой группе при 19% по массиву в целом и 15% в малых городах, где ситуация, казалось бы, объективно хуже. С другой стороны, 45% группы «противников нынешней власти» живут в Москве, Санкт-Петербурге, а также областных, краевых и республиканских центрах, в том числе каждый третий представитель данной группы проживает в городе-миллионнике. *Четкая пространственная локализация существенно повышает значимость данной группы и обуславливает необходимость изучить ее более детально. И, поскольку никаких объективных отличий (образование, доход, возраст, уровень благосостояния и т. д.) данной группы от остальных россиян не фиксируется, то понимание ее специфики предполагает прежде всего анализ взглядов членов этой группы, специфики их мировоззрения и тех фактов поведения, которые выражаются в их общественной позиции.*

Начать следует с электоральных предпочтений «противников нынешней власти», выделив также группы считающих, что в стране все нормально, и промежуточную группу. Представители последней либо полагают, что страна идет не тем путем, но это не значит, что нынешнюю власть надо заменить во что бы то ни стало, либо что власть надо заменить в любом случае, хотя вектор развития страны избран правильно (см. таблицу 12.1). Отметим, что численно эти три группы соотносятся друг с другом примерно как 1:3:1.

Таблица 12.1

Голосование на президентских выборах в марте 2012 г. «противников нынешней власти» и остальных россиян, %

Кандидаты в президенты	«Противники нынешней власти»	Промежуточная группа	Считающие, что в стране все нормально
В. Жириновский	15	9	3
Г. Зюганов	25	13	4
С. Миронов	5	4	1

Продолжение таблицы 12.1

Кандидаты в президенты	«Противники нынешней власти»	Промежуточная группа	Считающие, что в стране все нормально
М. Прохоров	16	9	6
В. Путин	10	30	61
Вычеркнули всех	5	5	1
Не принимали участия	23	30	23

Как видно из данных таблицы 12.1, группа, считающая, что в стране все обстоит нормально — это классический «путинский электорат». Фактически три четверти всех представителей этой группы, пришедших на выборы (свыше 60% группы в целом), проголосовали за В. Путина. В промежуточной группе картина принципиально иная — во-первых, в ней максимальный процент не принимавших участия в выборах, а во-вторых, из тех, кто все-таки пришел на избирательные участки, за В. Путина проголосовали меньше половины. Что же касается «противников нынешней власти», то среди них проголосовал за В. Путина лишь каждый десятый (или 13% тех, кто вообще принял участие в голосовании). Впрочем, учитывая, что среди них лишь 8% считает, что современный период в истории России в наибольшей степени соответствует их представлениям о том, какой должна быть наша страна (при 44% среди считающих, что в стране все нормально), данные показатели вполне закономерны. При этом показательно, что наибольшей популярностью среди «противников нынешней власти» пользуется «эпоха развитого социализма», т. е. последние десятилетия советской власти (20% при 12% среди считающих, что в стране все нормально).

В то же время симпатизирует периоду развитого социализма лишь каждый пятый представитель данной группы, и даже с учетом других этапов советской истории лишь треть данной группы хотела бы жить в советскую эпоху. Это свидетельствует о том, что *недовольство «противников нынешней власти» не связано с их ориентацией на прошлое как на идеал*. Это отразилось и в результатах голосования на президентских выборах: симпатии данной группы, как видно из данных таблицы 12.1, распределились между очень разными, зачастую прямо противоположными политическими деятелями. Основная часть (фактически треть принимавших участие в голосовании представителей этой группы) проголосовала за г. Зюганова. Далее с практически одинаковым результатом идут М. Прохоров и В. Жириновский, и даже аутсайдер списка С. Миронов именно в этой группе набрал максимальный процент поддержки. Это значит, что *по своим политическим симпатиям группа «противников нынешней власти» очень гетерогенна*.

Об этом же свидетельствует и распределение ее по осям правые/левые и либералы/государственники, о специфике которых в российских условиях подробно говорилось в разделе 4 данного доклада. Как и в остальных группах, большинство в ней составляют левые (78% при 77% по массиву), но в составе «противников нынешней власти» относительно больше левых либералов (27% при 16% среди считающих, что в стране все нормально) и меньше — левых государственников (51% при 59% соответственно). Впрочем, учитывая пространственную локализацию этой группы и большую популярность идей либерализма в крупных городах, это не удивительно.

К числу ярко выраженных особенностей группы «противников нынешней власти», резко выделяющей ее на общем фоне, относится *негативное социально-психологическое самочувствие членов данной группы, которое проявляется в следующем*. Прежде всего, среди них зафиксирован очень высокий процент тех, кто не уверен или скорее не уверен в том, что им не удастся реализовать свои мечты — 45% от сумевших дать определенный ответ в этом вопросе (при 20% среди тех, кто считает, что в стране все нормально). При этом в нереализуемости своих стремлений они винят не столько себя, сколько существующие в стране порядки (в отличие от тех, кто считает, что в стране все нормально). 44% тех из них, кто стремился себя реализовать, но не смог, в качестве причины, помешавшей этому, отмечали, что «в сегодняшней России реализовать себя практически невозможно», и лишь треть видела причину этого в недостаточности собственных усилий (остальные сослались на невезение или на окружающих, которые препятствовали их самореализации). Для граждан, считающих, что в стране все нормально, соответствующие показатели составили 21% и 51% соответственно. Это позволяет предположить, что представители данной группы — не столько идейные противники нынешней власти, сколько граждане, осознающие невозможность реализовать свои жизненные устремления в рамках сложившейся сегодня в России системы общественных отношений. Т. е. их недовольство продиктовано не столько «не тем курсом» власти, сколько собственным «неумением» занять устраивающее их место в обществе в рамках этого курса.

В массовом сознании существует устоявшееся представление о том, что россияне нередко стремятся возложить вину за собственные неудачи на различные обстоятельства. Проведенное исследование показало, что подобные упреки по большей части безосновательны, поскольку наиболее массовой является группа, которая винит в своих неудачах, прежде всего, самих себя, а практически каждый пятый честно признает, что вообще не особо и стремился к реализации своих жизненных целей (см. рис. 12.4).

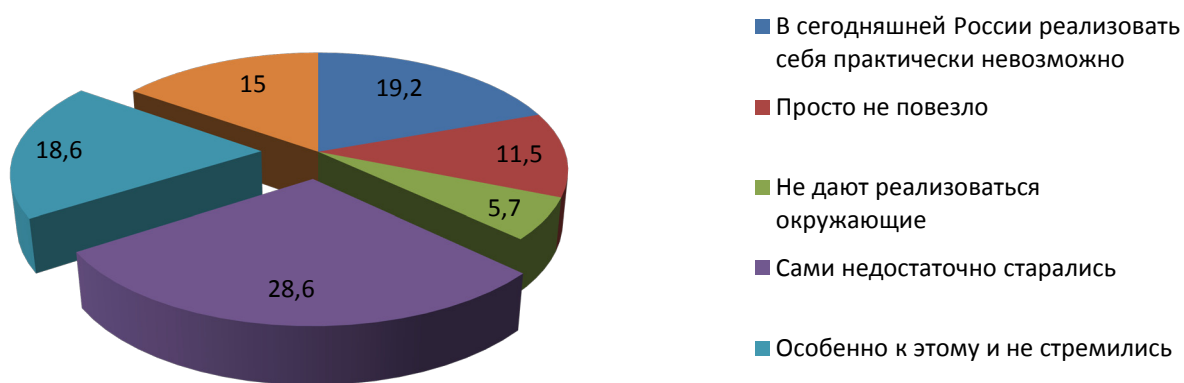

Рис. 12.4. Причины, по которым россияне, по их мнению, не смогли реализовать свои жизненные планы, %

Причины недовольства «противников нынешней власти» можно разделить на две группы: более глубинные, характеризующиеся восприятием сложившейся системы общественных отношений в целом, и личностные, связанные с собственной жизненной ситуацией. В числе первых — ярко выраженное негативное отношение представителей данной группы к излишне глубокой дифференциации доходов.

Впрочем, учитывая пространственную локализацию данной группы, это не удивительно — именно в Москве и Московской области, а также в других крупных городах, неравенство не просто перешло все допустимые даже с точки зрения экономической рациональности рамки, но и, что называется, буквально «бьет в глаза» — и за счет демонстративного сверхпотребления наиболее обеспеченных слоев населения, и за счет их стремления самоутвердиться по принципу «кто богаче (вариант: у кого больше власти), тот и прав». Все это крайне болезненно воспринимается другими слоями населения и, прежде всего, средним классом, также сосредоточенным в основном в больших городах (вспомним, например, регулярные протесты автомобилистов). Избыточные социальные неравенства вызывают резкое неприятие у «противников нынешней власти» (см. таблицу 12.2). В то же время, среди тех, кто считает, что в стране все нормально, эти показатели составляют 32% и 30% соответственно. Таким образом, хотя и в данной группе перевес на стороне граждан, считающих сложившиеся социальные неравенства избыточными, но все же отношение к ним намного более спокойнее.

Таблица 12.2

**Отношение «противников нынешней власти» и остальных россиян
к распределению собственности и доходов в стране, %¹**

Особенности взглядов	«Противники нынешней власти»	Промежуточная группа	Считающие, что в стране все нормально
Согласны с тем, что большая дифференциация доходов людей необходима для экономического процветания страны	18	23	30
Не согласны с тем, что большая дифференциация доходов людей необходима для экономического процветания страны	46	42	32
Согласны с тем, что система распределения частной собственности в России является несправедливой	76	68	60
Не согласны с тем, что система распределения частной собственности в России является несправедливой	5	10	15

Как показывают данные таблицы 12.2, *еще одной важнейшей макропричиной недовольства «противников нынешней власти» сложившейся ситуацией является их убеждение в том, что несправедлива сама система распределения частной собственности в России.* Таким образом, невозможность реализовать свои амбиции напрямую связывается связана для них (как, впрочем, и для остальных россиян, но у «противников нынешней власти эти установки выражены ярче) с несправедливостью системы распределения частной собственности и доходов. (с несправедливо сложившейся в стране системой распределения частной собственности и доходов).

При этом ценности «державности» для них ниже, а роль благополучия населения даже более значима, чем для остальных россиян. Почти половина из них (46%) считает, что Россия не должна стремиться к укреплению державной

¹ Сумма цифр менее 100%, т. к. остальные были либо отчасти согласны, либо отчасти не согласны или затруднились с ответом.

мощи и ей лучше позаботиться о благосостоянии собственных граждан. В группе считающих, что в стране все нормально, таковых лишь 28%. И хотя большинство в обеих группах (54% и 72% соответственно) предъявляет запрос на то, что Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире, различия в этом отношении между ними, как видно, очень значительные.

Отчасти эти различия объясняются *большой значимостью для группы «противников нынешней власти» материального благосостояния как такового, чем разного рода «абстрактных идеалов»* (см. рис. 12.5) и их недовольством этой составляющей своего положения. Не случайно среди них более чем вдвое выше, чем среди граждан, считающих, что все нормально, доля тех, кто полагает, что уже не сможет «жить не хуже других», хотя это для него важно.

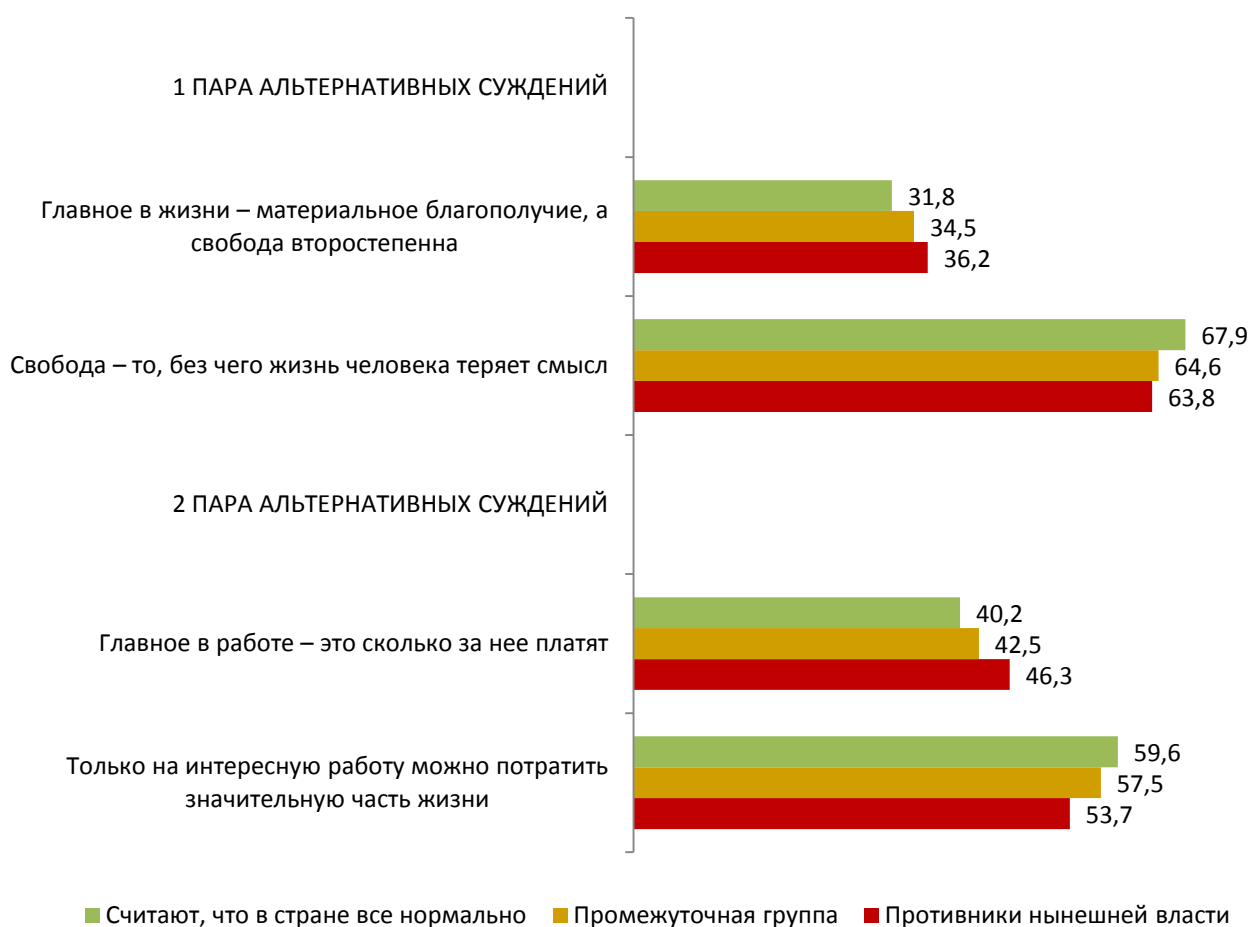

Рис. 12.5. Отношение «противников нынешней власти» и остальных россиян к материальному благополучию, %

Как видно на рис. 12.5, «противников нынешней власти» нельзя назвать *на* много более меркантильными людьми, чем, например, группу считающих, что в стране сейчас все нормально. Однако тенденция большей роли материального фактора в жизни данной группы, несомненно, прослеживается. Кроме того, мечтающих жить в достатке, «не считая копейки», среди них даже меньше, чем среди считающих, что в стране все нормально: 43% имеющих мечту «противников нынешней власти» мечтают о жизни в достатке при 46% в другой группе, при том, что уровень доходов и благосостояния этих двух групп одинаков. Реже они просили бы о достатке и «золотую рыбку» при встрече с ней (33% против 40% соответственно).

Поэтому озабоченность «противников нынешней власти» материальным благополучием (как своим, так и населения страны в целом) имеет иную природу, нежели простая меркантильность. Скорее речь может идти об их *озабоченности благосостоянием в широком смысле слова, связанным не только и даже не столько с размерами доходов, сколько с социальными лифтами и ситуацией с занятостью*. Причем лифтами, связанными не с открытием собственного бизнеса (иметь собственный бизнес мечтает лишь 11% от всех имеющих мечту «противников нынешней власти» при том, что среди считающих, что в стране все нормально таковых 17%), а именно с занятостью по найму. Во всяком случае, в их числе в полтора раза меньше тех, кто полагает, что имеет интересную работу и меньше тех, кто оценил ситуацию у себя на работе как хорошую. При этом среди них по сравнению со считающими, что в стране все нормально более чем в 1,5 раза больше тех, кто оценил ситуацию у себя на работе как плохую.

Понятны в этом контексте и данные исследования, свидетельствующие о том, что *группа «противников нынешней власти» в чем-то даже более альтруистична, чем остальные россияне*. Во всяком случае, ее члены в большей степени ориентированы на то, что жить стоит только ради какой-то большой общей цели, которая бы объединила всех россиян — 33% предпочли это суждение альтернативному («Для меня, в основном, важно мое собственное благополучие и благополучие моей семьи, а все остальное — второстепенно»). В группе считающих, что в стране все нормально, таковых лишь 22%.

Правильное понимание причин недовольства и вектора стремлений этой группы тем более важно, что еще одной характерной особенностью группы «противников нынешней власти» выступает *гораздо большая легитимность для них любых форм протестных действий, включая и те, которые могут нанести ущерб общественному порядку*. Так, если с тезисом о том, что «гражданин не должен иметь право на забастовку и проведение демонстраций, если есть угроза общественному порядку», среди россиян в целом соглашались и не соглашались примерно одинаковое их количество (36–37% при том, что остальные затруднились с ответом на этот вопрос), то среди «противников нынешней власти» доля несогласных с этим тезисом составляет свыше половины (51%). Значимость стабильности и развития общества без революций и потрясений для них также заметно меньше, чем для считающих, что в стране все нормально (19% и 31% соответственно). Кроме того, они чаще убеждены, что человек имеет право отстаивать свои интересы в любых формах, и у них чаще встречаются в целом нетипичные для российской культуры представления о роли оппозиции в обществе и предпочтительных для нее способах действий, характерные скорее для западной традиции. Более того — большинство из них относятся к «социальным анархистам» и главное для них — жить так, как им хочется (к «социальным анархистам» относятся 55% данной группы и лишь 43% тех, кто считает, что в стране все нормально и в большинстве своем разделяет нормы «социального альтруизма»). Одновременно они и в большей степени правовые нигилисты и несколько чаще остальных россиян убеждены, что справедливость важнее, чем формальное следование букве закона (см. ниже таблицу 12.3). А, учитывая то, что уже говорилось выше об их оценке степени справедливости существующих в России порядков, понятно, что любые протестные действия в их глазах, независимо от степени их законности, являются легитимными и оправданными.

Таблица 12.3

**Представление о функциях оппозиции и отношении к протестным действиям
«противников нынешней власти» и остальных россиян, %**

Особенности взглядов	«Противники нынешней власти»	Промежуточная группа	Считающие, что в стране все нормально
Не согласны с тем, что жесткие требования различных общественных групп к правительству могут повредить всеобщему благополучию	45	32	33
Не согласны с тем, что гражданин не должен иметь право на забастовку и проведение демонстраций, если есть угроза общественному порядку	51	38	31
Согласны с тем, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет – главное, чтобы это было справедливо	44	43	37
Согласны с тем, что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	64	60	50
Согласны с тем, что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции	67	61	59
Согласны с тем, что задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказать помощь в его работе	49	57	66
Согласны с тем, что каждая политическая партия должна в принципе иметь шанс возглавить правительство	71	67	64
Оценивают возможность свободно выражать свои политические взгляды как плохо	17	10	5

Характеризуя группу «противников нынешней власти», нельзя не отметить следующее: среди них относительно шире распространена потенциальная готовность к миграции — лишь 63% из них хотели бы и дальше жить в том же месте, где они проживают сегодня (при 73% у считающих, что в стране все обстоит нормально). И, учитывая, насколько ярко выражено в их среде недовольство тем местом, где они живут, так и локализация в определенных регионах (где ситуация, видимо, особенно неблагоприятна), это не удивительно. Причем каждый четвертый-пятый из числа «противников нынешней власти» (21%) хотел бы переехать на место жительства в другой город или регион России, и еще 15% хотели бы вообще уехать из страны — это в разы больше, чем среди считающих, что в России все нормально.

Как видим, «противники нынешней власти» — это группа, обладающая не-малым потенциалом активности. Ее представители относительно реже разделяют многие характерные для национальной культуры в целом и во многом составляющие ее цивилизационную специфику ценности и нормы. И это не только те нормы и цен-

ности, о которых шла речь выше, но и многие другие нормы и представления, разделяемые сегодня большинством россиян. Так, например, лишь 40% в данной группе согласны с тем, что все великие события русской истории следует рассматривать как служение России всему человечеству, в то время как среди граждан, считающих, что в стране все нормально, этот показатель достигает 54%, и т. д.

Среди ключевых особенностей группы «противников нынешней власти» следует назвать и то главное, что вызывает ее недовольство и протест — не ограниченность политических свобод или модель устройства власти в России, а несоответствие сложившейся в настоящее время в России системы распределения собственности и доходов взглядам о справедливости представителей данной группы. Во многом это объясняется тем, что в сложившейся ситуации они не видят возможности для реализации своих амбиций, связанных, прежде всего, со своей профессиональной деятельностью.

Однако, хотя протест группы «противников нынешней власти» против сложившейся ситуации имеет неополитический и неидеологический в своей основе характер, свойственные этой группе протестные умонастроения могут серьезно расшатать социально-политическую стабильность в стране, особенно если учесть представления ее членов о легитимности любых форм протестных действий. При этом сильно выраженная близость данной группы по всем основным объективным параметрам к остальному населению страны (возраст, доход, образование и т. п.) говорит о возможном векторе развития ситуации и в других регионах в случае ухудшения в них общей социально-экономической обстановки, которую не следует путать с гораздо более частной и простой ситуацией с доходами и уровнем безработицы населения.

Совсем иначе выглядит группа, которая мечтает о жизни в более справедливом и разумно устроенном обществе и которая выше условно названа **«мечтающие о справедливости»**. Массовая мечта о справедливом и разумно устроенном обществе, столь характерная на протяжении веков для русской культуры и российской цивилизации в целом, вообще выступает своего рода «ядром» чаяний россиян, связанных с обществом, в котором они хотели бы жить. В то же время, именно эта мечта является и своего рода «визитной карточкой» «русской мечты», отличающей ее от набора мечтаний англичанина, француза или американца, которые во многом состоят из тех же компонентов микроуровня. На несколько десятилетий советской истории эта мечта утратила свой массовый характер, перейдя в своеобразную форму мессианства («мы строим новый — справедливый и разумный — мир, являющийся образцом для всего человечества»). И хотя в советское время тоже были люди и группы, которым общество советского типа не казалось ни справедливым, ни разумно устроенным, доля их в составе населения в целом была чрезвычайно мала. Переход же к рыночной экономике, с характерной для последней отчуждением и специфическим для России глубочайшим социальным неравенством жизненных шансов, вновь актуализировал эту ключевую составляющую «русской мечты». Причем, и это очень важно, актуализировал ее во всех слоях населения.

Лучше понять специфику той модели общества, о котором, как разумно и справедливо устроенном, мечтают россияне, помогает анализ некоторых особенностей мировоззрения тех людей, которые отмечают у себя ее наличие. Прежде всего, как и в группе «противников нынешней власти», это очень ярко выраженное недовольство сложившейся в России системой распределения частной

собственности (см. ниже таблицу 12.7) — соответствующие показатели в данной группе практически совпадают в этом отношении с показателями группы «противников нынешней власти». Однако к неравенству в распределении доходов они относятся гораздо толерантнее и в этом отношении ничем не отличаются от остальных россиян.

Таблица 12.7

**Отношение «мечтающих о справедливости» и остальных россиян
к распределению собственности и доходов в стране, %¹**

Особенности взглядов	«Мечтающие о справедливости»	Остальные россияне
Согласны с тем, что система распределения частной собственности в России является несправедливой	76	60
Не согласны с тем, что система распределения частной собственности в России является несправедливой	10	13
Согласны с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности	69	55
Не согласны с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности	11	15
Согласны с тем, что демократия вообще невозможна без политической оппозиции	68	58
Согласны с тем, что каждая политическая партия должна в принципе иметь шанс возглавить правительство	69	65
Предпочли бы жить в обществе индивидуальной свободы, а не социального равенства	29	41

Возможно, на столь скептическом отношении этой группы к системе распределения собственности сказался их личный опыт — во всяком случае, в ней более чем вдвое чаще, чем среди остальных россиян (19% против 9%), в качестве причин, позволивших их личным знакомым стать богатыми, называлась возможность с выгодой для себя поучаствовать в приватизации, и половину всех респондентов, упомянувших данную причину столь благополучного положения их родственников, соседей и друзей, составили именно представители группы «мечтающих о справедливости». *В большей степени, чем остальные россияне, разделяют они и являющуюся традиционно характерной для российской культуры норму о том, что природные богатства страны могут принадлежать только народу или государству как его представителю* (92% при 85% по остальным россиянам). Наряду с этим вдвое реже (8% против 14%) среди них встречаются сторонники точки зрения, что природные богатства могут находиться в частной собственности, даже если это собственность трудового коллектива или органов местной власти. Характерно, что именно в вопросе о субъекте собственности на природные богатства очень четко видна роль макроидентичности россиян как граждан единой страны. При этом для группы «мечтающих о справедливости» абстрактные макроидентичности вообще важнее, чем для остальных россиян — особенно такие, как идентичность с людьми той же профессии, тех же взглядов на жизнь или политических взглядов.

¹ Сумма цифр менее 100%, т. к. остальные были либо отчасти согласны, либо отчасти не согласны или затруднились с ответом.

В большей степени, чем остальные россияне, разочарованы они и в отношении наличия в России демократического строя — 84% их убеждены, что надежды и мечты об установлении в стране демократического строя не оправдались (среди остального населения так считают 69%). При этом данная группа предъявляет выраженный ярче, чем у остальных россиян, запрос на такие признаки демократии как равенство всех граждан перед законом (85% и 74% соответственно) и наличие оппозиции, контролирующей президента и правительство (но, заметим, не борющейся с ними любыми способами) (25% и 15% соответственно). Эта группа чаще считает она также, что демократия предполагает в первую очередь не только равенство всех перед законом или наличие контролирующей власть оппозиции, но и обязательное наличие политической оппозиции, и что каждая политическая партия должна иметь шанс возглавить правительство (см. выше таблицу 12.7).

Однако это не означает, что они являются сторонниками западной модели демократии — наоборот, среди них относительно чаще встречаются сторонники характерной именно для России модели государственного устройства, при которой государство призвано выражать и отстаивать интересы всего народа, т. е. макрообщности в целом, даже в ущерб интересам и правам отдельной личности. Это, конечно, принципиально иное видение его функций, чем существующее в западных демократиях, где государство выступает гарантом прав человека и меньшинств. Не случайно, если вспомнить приведенную в разделе 4 настоящего доклада классификацию, две трети данной группы (при 53% в составе остальных россиян) оказались в числе «левых государственников», по левым либералам их доли практически совпали, а вот число и правых либералов, и правых государственников в их составе было вдвое меньше, чем среди остальных россиян. Заметно чаще, чем среди остальных россиян, встречается у них и желание жить в обществе социального равенства, в то время как в обществе индивидуальной свободы хотело бы жить лишь чуть больше четверти их (см. выше таблицу 12.7). Таким образом, в целом эта группа больше тяготеет по своим взглядам к «левому флангу» политических симпатий, чем остальные россияне, и однозначное большинство в ней (58% составляют «социальные альтруисты».

Подобные установки отражаются и в тех лозунгах, которые, по мнению представителей данной группы, в наибольшей степени выражают их личную мечту о будущем России. Заметно чаще, чем у остальных россиян, встречаются у «мечтающих о справедливости» лишь два таких лозунга — «Социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах» (53% при 41% у остальных россиян) и «Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок» (24% при 15% соответственно).

В контексте вышесказанного ясно, о какой жесткой власти в данном случае идет речь и какого порядка от нее ожидают представители данной группы. Понятно и то, почему они, в массе своей, проголосовав на президентских выборах за В. Путина (57% всех принявших участие в выборах), на второе место, причем с большим отрывом, с одной стороны, от В. Путина, а с другой — от всех остальных кандидатов, поставили г. Зюганова (17% всех проголосовавших).

Как видим, данная группа наиболее концентрировано выражает традиционные для российской культуры нормы, включающие в себя в первую очередь необходимость следования идеалам справедливости. Ярче, чем в других группах, представлены в ней и характерные для россиян в целом ценности. Так, среди «мечтающих о справедливости» реже встречаются те, кто мечтал бы стать богатым или знаменитым. Эти ценности не только в меньшей степени характерны для российской культуры,

чем жизнь на уровне «не хуже других», самореализация, наличие интересной работы и любимого дела и т. п., но и ярко отличают ситуацию в России от ситуации в странах Запада.

Учитывая характерное для этой группы концентрированное выражение традиционных для российской культуры норм, тем более печальным представляется тот факт, что именно в ней наиболее негативно оцениваются изменения в личностных качествах россиян, происшедших с ними за последние 15-20 лет. Так, ее представители чаще говорят о том, что у россиян в целом выросли агрессивность (85% при 75% по остальным россиянам), цинизм (75% и 65% соответственно), и в то же время ослабли доброжелательность (78% при 67% по остальным россиянам), искренность (78% и 67% соответственно), бескорыстие, готовность помочь другому (78% и 69%). Учитывая роль этих качеств в том автостереотипе россиян, о котором шла речь во 2 разделе настоящего доклада, это означает *не только ухудшение социально-психологической атмосферы в российском обществе в условиях несовместимого с национальной культурой в целом типа общественного устройства, сложившегося в стране в последние 20 лет, но и постепенное размывание национальной идентичности, исчезновение того типа личности и делегитимизацию тех социальных норм, на которых ранее строился российский цивилизационный проект.*

Этот вывод покажется еще более печальным, если посмотреть, где же локализована эта группа и кто ее составляет на персональном уровне. Прежде всего, следует отметить, что их *пространственная локализация отчасти напоминает ситуацию с территориальным распределением «противников нынешней власти».* Видна более высокая по отношению к средним показателям концентрация представителей группы «мечтающих о справедливости» в Москве, Московской и Иркутской областях, что еще раз говорит о неблагополучии в этих регионах. Что же касается распределения их по типам поселений, то, как и в случае с «противниками нынешней власти», прослеживается их концентрация прежде всего в городах-миллионниках, где доля данной группы составляет 36%.

Если же говорить о возрасте, то это чаще представители средних и старших возрастных когорт — 58% их принадлежит к группе 36-55 лет. В то же время не попала в эту группу молодежь в возрасте до 35 лет (57%). Несмотря на то, что «мечтающие о справедливости» получали высшее образование в период, когда оно было менее распространено, чем сегодня, данная группа относительно более образованна — 36% в ней (при 26% у остальных россиян) имеет высшее образование, причем два из каждых пяти россиян с высшим образованием оказались в данной группе.

Это объясняет и особенности профессионального состава группы — в большинстве своем (54%) ее представители — это руководители разного уровня и специалисты, а вот рабочих в ее составе, в противоположность ситуации с «противниками нынешней власти», сравнительно немного — 32% (при 40% среди не попавших в состав «мечтающих о справедливости» и 46% среди «противниками нынешней власти»). При этом чаще всего мечтающие жить в справедливом и разумно устроенном обществе встречаются среди руководителей среднего и низшего звена и самозанятых (свыше половины в этих группах относятся к «мечтающим о справедливости», что свидетельствует о том, что именно им приходится в наибольшей степени испытывать на себе последствия несовершенства современного общественного устройства в России). Далее (с показателями 36-40%) следуют специалисты и рабочие средней квалификации. А вот низкоквалифицированные рабочие, предприниматели, студенты ССУ и учащиеся школ о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе мечтают не слишком часто (в 17-18% случаев).

К заключению (общие выводы)

Помнится, в одном из известных произведений А. Н. Островского, главный герой по имени Мишенька Бальзаминов мечтал о принятии царского указа, согласно которому все богатые должны жениться на бедных, а все бедные на богатых. В отличие от мелких российских чиновников конца XIX века, современные россияне более реалистичны в своих мечтаниях, хотя в них тоже присутствует вполне понятная материальная оболочка, но она сопряжена, можно сказать, с высоким общественным пафосом. Для того, чтобы в аналитическом жанре разобраться с мечтами ныне живущих наших сограждан, сформулируем на основе осмысления результатов проведенного исследования ряд наиболее важных выводов.

Вывод первый

Российские граждане в подавляющей своей массе — люди, склонные «помечтать»: три четверти из них считают, что мечтать обязательно нужно и жить без мечты — не интересно. Поэтому, вполне закономерно, что у подавляющего большинства россиян есть своя мечта (90%).

О чем же, в основном, мечтают россияне? В первую очередь о том, чтобы жить в достатке, когда можно позволить себе «не считать копейки» (40%), а также о том, чтобы иметь хорошее здоровье (свое и близких) — 33%. Следует особо выделить тот факт, что в главную тройку мечтаний наших сограждан входит их стремление жить в справедливом и разумно устроенном обществе (33%), где добродетель и труд вознаграждаются, а доходы людей обусловлены их трудом и квалификацией, где все имеют одинаковые шансы реализовать свои способности, а перед законом все равны.

Только вслед за этими главными мечтами значатся такие мечты как — иметь хороших детей (23%); иметь свою отдельную квартиру (21%); иметь хорошую семью и жить интересно, реализовать себя (по 17-18%). Как видно, несмотря на агрессивную рекламу атрибутов «дорогого» образа жизни, ни богатство с такими его элементами как шикарные иностранные автомобили или яхты, ни карьера, ни широкая слава, ни человеческая красота в предмет индивидуальных мечтаний подавляющего большинства россиян не входят. Это сильно отличает нашу страну, например, от США, где культ изящного тела, как и народной популярности («звездности») возведен буквально в ранг национальной религии.

Отсутствие мечты у конкретного человека — как правило, тревожный признак, свидетельствующий о его низком материальном благополучии, социальном и профессиональном статусе. Напротив, наличие мечты в наибольшей степени характерно для средних и благополучных слоев общества, а также россиян, занятых нефизическим трудом и при том, характеризующихся ярко выраженным «активизмом». Обычно отсутствие мечты ведет и к отсутствию жизненной цели. Однако в тех случаях, когда при отсутствии мечты цель все же есть, россияне зачастую лишены энергии ее достижения и оптимизма в отношении возможности ее воплощения в жизнь.

Анализ полученных данных показал: в России широко распространены умонастроения «социального анархизма» (48%). В основном они характеризуются желанием «жить, как хочется». При этом вероятность встретить «социального анархиста» мало различается в разных социальных группах.

Как это ни парадоксально, умонастроения «социального анархизма» уживаются в России с нормой, согласно которой жить стоит только ради какой-то большой, общественно значимой цели. Подобная норма, занимая доминирующее положение в нормативной системе россиян, в более скромном масштабе отражается в их мечтах и еще скромнее представлена на уровне их текущих запросов и потребностей. О чем это свидетельствует? Скорее о постепенной утрате населением России не только пассионарности, но и, отчасти, своей цивилизационной специфики, которая пока еще сохраняется на уровне исторической памяти, архетипов, идеалов и нормативно-ценностной системы в целом.

Излишне драматизировать эту ситуацию не стоит — общество, большинство членов которого на уровне повседневной жизни руководствовались бы, прежде всего, абстрактными идеалами, а не своими текущими потребностями и интересами, не только никогда не существовало, но и в принципе невозможно. Вместе с тем, недооценивать вектор отмеченной тенденции тоже неправильно. За годы реформ наши сограждане настолько погрузились в свои проблемы, а государство настолько самоустранилось из сферы целеполагания развития нации, что россияне постепенно стали утрачивать характерную для них ранее энергетику «большой цели». А ведь она позволяла им неоднократно совершать, казалось бы, невозможное — достаточно вспомнить индустриализацию страны, восстановление ее экономики после Великой Отечественной войны, прорыв в космос и многое другое, чем до сих пор справедливо гордятся россияне.

Вывод второй

Поскольку коллективные архетипы наиболее отчетливо и выразительно представлены в фольклоре, в программу проведенного исследования был включен анализ отношения россиян к широко известным сказочным и песенным образам. На первом месте оказался классический архетип Золушки: в нем образ русской мечты увидели без малого 40% опрошенных.

Интересно заметить, что отношение к сказочной «Золушке» имеет ярко выраженный гендерный «перекос»: она увлекает до 60% женщин и лишь 16% мужчин. Для представителей сильного пола оказалась ближе следующая за «Золушкой» по уровню популярности сказка «По щучьему велению», в которой смысловой акцент сделан на мотиве случайного везения, никак не обусловленного усилиями и заслугами главного героя — «дурака» Емели.

В такой сказочной ситуации «свалившейся с неба» удачи усматривает русскую мечту в общей сложности примерно четверть опрошенных. Приблизительно пятая часть респондентов (чаще мужчины) связывает «русскую мечту» с представлением о грозной, но справедливой силе, защищающей слабых (образы сказочных русских богатырей). Присутствует в суждениях респондентов и мотив ничем не ограничиваемого материального изобилия в архаически крестьянской его интерпретации — сказка о «молочных реках, кисельных берегах». Данный образ ассоциируется с национальной мечтой россиян у каждого шестого из опрошенных.

Немаловажным является и вопрос о том, а как связана «русская мечта» с образами российской истории? Проведенное исследование дает основания утверждать, что половина россиян в возрасте до 55 лет убеждены в том, что все события отечественной истории происходили «не просто так», и их следует рассматривать как служение России всему человечеству (другая половина населения с подобным утверждением не согласна). Причем эта пропорция 50 на 50 с минимальными отклонениями (не более 1-2%) воспроизводится во всех основных социально-демографических группах.

Вместе с тем, россияне отнюдь не склонны искать свои идеалы только в прошлом. Так, дореволюционная Российская империя кажется воплощением «русской мечты» лишь одному опрошенному из девяти, а революционная Россия первых послеоктябрьских лет — только каждому двадцатому. Судя по полученным данным, постепенно ослабевает еще недавно сравнительно сильная эмоциональная связь россиян с эпохой Л. И. Брежнева. Сегодня признать так называемый «развитой социализм» воплощением «русской мечты» согласились только 14% респондентов.

Обращает на себя внимание кардинальный сдвиг в балансе оценок прошлого и настоящего. Еще в 2000 г. только 6% россиян считали, что самая хорошая жизнь началась в условиях рыночной экономики, а в 2012 г. уже почти треть наших сограждан присоединились к мнению о том, что «русская мечта» наиболее полно воплотилась в современный период истории России, а именно в «эпоху Путина».

Вывод третий

В силу того, что принцип социальной справедливости занимает очень важное место в модели национальной культуры России, мечта о справедливом обществе выполняет для населения страны роль *консолидирующей идеи*.

Смысловое наполнение идеи «справедливого общества» несколько различается в разных по мировоззрению группах россиян, но в целом можно говорить о том, что ключевыми его элементами, являются равенство возможностей для всех, активная роль государства в системе социальной защиты, дифференциация в доходах, отражающая образование, квалификацию и эффективность работы каждого человека, но находящаяся в разумных пределах. Такие представления характерны для большинства россиян вне зависимости от их собственного положения и динамики их личного благополучия. И это свидетельствует о давно уже сформировавшейся в обществе и устойчивой во времени нормативно-ценностной системе.

Россияне проявляют *высокую степень толерантности к большинству социальных неравенств* (кроме неравенства в доступе к качественной медицине). Однако сложившаяся на данный момент ситуация в России отнюдь не отвечает их представлениям о справедливости: неравенства в доходах представляются им излишне высокими, а их правовые основания — нелегитимными. Отсюда понятно, почему эта проблема остро переживается населением страны. Более того, россияне не видят шагов со стороны государства для смягчения подобной ситуации, что приводит к росту недовольства и социальной напряженности в обществе и еще большим расхождением между их представлениями и мечтами об обществе, в котором они *хотели бы жить*, и тем реальным обществом, в котором они на данный момент *жить вынуждены*.

Вывод четвертый

В отношении представлений о будущем России, о том пути, по которому она должна идти, российское общество достаточно сильно сегментировано. На одном полюсе находятся *социал-консерваторы*, составляющие самую многочисленную группу, на другом — *либералы*, как правые (сторонники минимизации роли государства), так и левые (сторонники социал-демократии).

Социал-консерваторы мечтают о традиционной России — могучем государстве, державе с твердой, жесткой властью, которая способна обеспечить социальную справедливость, идя при этом своим путем, а не следуя «в кильватере» Запада и западной цивилизации. В то же время, они мечтают о стабильном, спокойном развитии, а не о революциях и смутах. Либералы, напротив, ориентированы скорее на весьма ограниченную роль государства, снижение его влияния на бизнес и гражданское общество, формирование правового общества, в котором бы выше всего ценились демократические права и свободы личности.

При всех различиях, оба эти «полюса русской мечты» имеют и много пересечений, в частности нынешняя власть и тот курс, который с ней связан, воспринимается населением скорее позитивно (в большей степени государственниками, в меньшей степени — либералами). Кроме того, и либералы, и социал-консерваторы не готовы поддержать ни «чистый» рыночный капитализм, ни «чистый» плановый социализм — и тех, и других скорее привлекает какой-либо вариант синтеза, который бы включал в себя и элементы рынка, и элементы рынка, и элементы социалистической экономики, обеспечивая преодоление в стране избыточных социальных неравенств.

Вывод пятый

В российской мечте отчетливо выражено представление о том, что есть общественное благо и какая должна быть модель демократии, чтобы ее реализовать практически. Образ общественного блага, будущего России, базируется на «социальной справедливости, равных правах для всех, на сильном государстве, заботящемся о своих гражданах», а также на «правах человека, демократии, свободе самовыражения личности».

В свою очередь, идеальную модель демократии большинство россиян связывает с «равенством всех граждан перед законом» и с «небольшой разницей в уровне доходов людей». Такие представления дают основания утверждать, что

желаемая модель общественного устройства, и его демократического обеспечения базируются в массовом сознании на двух «китах»: *правовой защищенности граждан и социальной справедливости*.

У широких общественных слоев и политического класса существует разное понимание перспектив российской демократии. Правящая элита сводит демократию исключительно к сфере политики и выборным процедурам. А вот в представлениях наших сограждан демократия — это, прежде всего, эффективно работающие институты, это позитивная динамика уровня и качества жизни, социальная защищенность граждан, реальная борьба с коррупцией и т. п.

В фиксации значимости социально-экономической компоненты демократии россияне отнюдь не одиноки. Исследования, проводимые во многих европейских странах показывают высокий уровень корреляции между социальными завоеваниями трудящихся и «принятием» демократии обществом, прежде всего, в странах, где граждане на протяжении многих лет пользуются плодами социального государства (Голландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Швеция). Это одна из причин, почему, несмотря на постоянную критику неоконсерваторов, в этих странах, а также в большинстве других государств Западной Европы, никто от социальных завоеваний 60-х 70-х годов прошлого века отказываться не спешит.

Причем, россияне социальную компоненту не сводят лишь к уровню своего материального обеспечения, а считают важным реальное обеспечение гражданам равенства возможностей, когда индивиды, имеющие, разную систему ценностей, разные модели экономического поведения, могли бы сами выбирать сферу и способы реализации своих способностей и умений.

Исследование показало, что в обществе есть довольно большой слой людей (свыше 20%) который понимает взаимосвязь экономических и политических прав, осознает, что именно уровень развития демократии в стране в конечном счете определяет возможность честно работать и зарабатывать. Из ниже приведенных данных отчетливо видно, что чем выше материальное положение и социальный статус граждан, тем сильнее запрос на политические права и свободы. И, соответственно, наоборот.

Выборные кампании 2011-2012 гг. не только пробудил протестное движение в России, но и обострили вопрос о ценностно-идейном единстве российского общества.

Причем в настоящем исследовании получила эмпирическое подтверждение гипотеза о наличии партии активистского меньшинства («партии Интернета») и традиционалистского большинства («партии телевидения»). Интернет и, прежде всего, социальные сети стали наиболее эффективным механизмом массовой мобилизации, и реально действующим инструментом горизонтальных связей в социуме. Кроме того, получил подтверждение и тот факт, что пользователи Интернета в большей степени осведомлены как о внутри-, так и о внешнеполитической обстановке, мыслят гораздо более критически, в большей степени склонны самостоятельно выбирать информационный продукт для себя.

При этом активные пользователи Интернета настроены гораздо либеральнее тех, кто пользуется им редко или не пользуется вовсе, а также заметно чаще отдают предпочтение политическим правам и свободам и существенно реже ориентированы на материальное преуспевание.

Вывод шестой

Стремление к идеальной работе не относится к разряду главных жизненных ценностей россиян: устроиться на нее мечтают не более 7% российских граждан. Вместе с тем, в силу своей несомненной социальной значимости сфера профессионально-трудовой деятельности оказывается предметом возможных мечтаний наших соотечественников.

Применительно к работе можно говорить о существовании мечты идеальной, основанной на желании и отражающей эмоциональный образ, формируемый представлениями россиян о том, «как должно быть», и мечты земной, более приземленной, но и более конкретной.

Идеальные мечты о работе достаточно однозначны. При этом отличительной их чертой выступает преимущественный акцент на содержание трудовой деятельности и, в частности, ориентация на обретение интересной работы, способной увлечь человека, дающей ему шанс реализовать себя (58%), иначе говоря ориентация, доминирующая над установками на заработок (42%).

Как показало исследование, *несомненными лидерами профессиональных устремлений наших сограждан являются: промышленность, энергетика, транспорт и строительство (26% опрошенных), отрасли социально-культурного комплекса (образование, наука, здравоохранение и культура — 25%), а также — финансово-кредитная, маркетинговая, консалтинговая и т. п. сферы деятельности, разделяющие третью — с государственным и муниципальным управлением — позицию (по 15% соответственно). Анализ профессиональных выборов и предпочтений россиян позволяет надеяться на постепенное сближение их представлений о том, где хотелось бы работать, со структурой потребностей национального рынка труда в работниках по отраслям экономики.*

Вместе с тем, сравнение рейтинга тех областей деятельности, занятость в которых кажется нашим соотечественникам предпочтительной, с их реальным распределением по отраслям экономики, в которых они, в основном, задействованы сегодня (промышленность, энергетика, транспорт и строительство (29% опрошенных); отрасли социально-культурного комплекса (19%); торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ (14%)) говорит об определенной рассогласованности «того, что есть» и «того, к чему хочется стремиться».

Осознавая — рационально или интуитивно — ситуацию на отечественном рынке труда, чувствуя основные тенденции его развития, россияне выбирают (особенно для своих детей) те области профессиональной деятельности, занятость в которых будет востребована, привлекательна и престижна (не только в материальном, но и в статусном смысле) в долгосрочной перспективе. При этом не могут не настораживать отдельные тенденции их выбора. Например, отказ родителей рассматривать в качестве достойных их детей сфер приложения труда промышленность, энергетику, строительство и т. п. (16%) в пользу чрезмерного увлечения работой в системе государственного и муниципального управления (24%).

Делая выбор в пользу тех или иных областей профессиональной деятельности, в которых они мечтают работать сами или хотят видеть занятыми своих детей, большинство россиян склонно (а, точнее, вынуждено) ориентироваться на земные представления об идеальной работе и той сфере, в которой она могла бы осуществляться. Как следствие, во главу угла ставятся материальное благополучие, стабильность, жизненные удобства, а не профессиональная реализация или социально значимые характеристики выполняемой работы.

Вывод седьмой

Последние годы демонстрируют улучшения во многих аспектах бытовой жизни россиян: растет количество товаров длительного пользования в домохозяйствах, возрастают оценки, которые сами россияне дают отдельным аспектам своей жизни. Однако при этом рост благосостояния не приводит к качественным изменениям и появлению новых жизненных шансов у большинства населения. Кроме того, улучшение уровня жизни происходит в российском обществе неравномерно, и характерно, прежде всего, для тех, кто и так находится в более благоприятном положении, в то время как положение неблагополучных слоев консервируется и может даже ухудшаться. При этом стремление «жить не хуже других», выступающее одним из наиболее важных стремлений для всех россиян, независимо от их дохода и уровня жизни, приводит к формированию запроса на жизнь в достатке, без необходимости «считать копейки», который и является наиболее распространенной мечтой среди населения на данный момент — мечтой, свойственной для 40% населения независимо от их уровня жизни, возраста, типа поселения.

По всей видимости, можно утверждать, что в России идет, и идет активно, процесс формирования общества потребления, при том, что значительная доля малообеспеченных слоев населения препятствует его становлению. Реальные предпосылки формирования характерных для общества потребления практик в российском обществе различны — это и последствия долго существовавшего в стране товарного дефицита, это и особая важность внешних признаков статуса (престижное потребление), это и тот факт, что возможности, связанные с собственным развитием и перемещением на новые структурные позиции для многих россиян постепенно сокращаются и в этой связи инвестиции в себя и своих детей становятся нерентабельными и заменяются потреблением.

Вывод восьмой

В условиях возрастающей тревожности, а зачастую и враждебности внешнего мира и отсутствия возможностей существенно влиять на возникающие ситуации в нем, россияне концентрируют свои усилия на создании комфортной микросреды обитания. При этом организация своего микромира не является для россиян мечтой как таковой. Это скорее своеобразная социальная программа в части создания семьи и круга общения, отражающая доминирующие в российском социуме нормы.

Ядром микромира россиян в рамках этой «социальной программы» является семья, которая сохраняет традиционную форму: мужчина-добытчик и любящая женщина-хозяйка создают семью для рождения и воспитания детей. Веяния современности здесь ощущаются лишь в количестве детей, которых в идеале должно быть двое. Несмотря на различные модификации практического воплощения этой нормы семейной жизни, ее не подрывает даже идущая плюрализация предпочтений по отношению к противоположному полу. И это при всем том, что представления об идеальном мужчине и идеальной женщине в российском обществе крайне разнообразны и не локализованы четко в тех или иных социальных группах.

Не менее глубинным и традиционным для российской культуры остается и понимание россиянами дружбы как отношений помощи и взаимовыручки, которое, хотя и несколько размывается происходящими в современном мире процессами, остается важной частью российской традиции социального проекта в части микромира человека.

Таким образом, мечты россиян об идеальном для них микромире коренятся в глубинных пластах норм и ценностей российской культуры. И хотя процессы социальной модернизации, с характерной для нее плюрализацией предпочтений в самых различных областях, оказывают на эти нормы и ценности свое воздействие, но они еще не затронули их сколько-нибудь существенно. При этом наиболее активно процесс размывания этой пока еще достаточно монолитной системы норм и ценностей протекает в мегаполисах, сложность и динамичность жизни в которых стимулирует нарастание запроса на упрощение, облегчение и повышение комфортности межличностных отношений, с одновременным снижением ответственности в них. В итоге семья, дети и друзья постепенно оттесняются в мечтах россиян на второй план — у одних потому, что для них это просто норма жизни, о которой и мечтать-то странно, а для других — потому, что это оказывается в их жизни уже далеко не главным. Причем подобные различия во многом зависят от места жительства россиян.

Вывод девятый

Досуг для большей части россиян сегодня носит в основном традиционный характер — он локализован по месту проживания и для многих не предполагает дополнительных материальных затрат. Имеющее место распространение информационных технологий, предоставляющих возможности реализации различной деятельности, в том числе и досуговой, буквально не выходя из дома, усугубляет сложившуюся ситуацию. *Досуговая активность россиян в итоге все больше локализуется в домашних условиях, а рост благосостояния и уровня жизни отдельных категорий граждан за последние годы не приводят к расширению видов досуга населения, в том числе и тех, которые, по сути, являют собой инвестиции в здоровье и человеческий капитал нации.*

При этом полученные данные говорят о сокращении досугового разнообразия в жизни россиян — в последние годы снижались как доли прибегающих к разным типам досуга, так и среднее число форм досуга, которые характерны для населения в целом. В то же время самооценки россиянами возможностей проведения своего свободного времени выросли. Скорее всего, это отражает изменение досуговых потребностей россиян, хотя причины подобных изменений еще нуждаются в дополнительном изучении.

Вывод десятый

В целом россияне полагают, что их мечты скорее осуществимыми, чем неосуществимыми. Учитывая характер их мечтаний, это не удивительно. Более того — большинство россиян, имеющих мечту, предпринимают для ее осуществления вполне рациональные попытки, хотя очень значительная часть наших сограждан уповает в этом отношении скорее на чудо — что это сбудется «по божьему промыслу» или в силу простой удачи.

И все-таки, при всем богатом воображении, лишь менее половины всех имеющих мечту россиян в той или иной степени уверены в возможности ее воплощения. При этом оценка возможностей реализации большинства мечтаний напрямую зависит у россиян от их места в социальной структуре общества. Наименее благополучная и низкоресурсная часть населения страны (а это — большинство), заведомо не имеет, по крайней мере в собственном восприятии, шансов на реализацию многих своих мечтаний, в том числе таких «жизненных» и вполне естественных, как иметь собственную квартиру, дом, хороших детей, хорошее здоровье.

При этом практически все население, за исключением 12-15% самых благополучных, не уверено в массе своей и в возможности воплощения таких своих мечтаний как жить «не считая копейки» или встретить настоящую любовь. Лишь верхние слои населения страны отличаются в массе своей уверенностью в возможности реализовать практически все свои мечты, что ставит их в качественно иное положение, чем остальных россиян. Однако, несмотря на это, даже наиболее благополучная часть наших сограждан недовольна той моделью общества, которая сложилась сейчас в России, а значительная их часть (практически такая же, как и в других социальных слоях) *включает в число трех главных своих мечтаний жизнь в разумно и справедливо устроенном обществе*. Особенно сильно выражено это желание в составе благополучной части населения старше 30 лет.

Это означает следующее: хотя жизнь россиян за последнее десятилетие в материальном плане улучшилась, их представления об устройстве общества, когда от усилий самого человека мало что зависит, а главную роль играет наличие у него нужных связей и везение, не изменились в лучшую сторону. Можно даже говорить о нарастании разрыва между собственными усилиями людей и материальными результатами этих усилий, по крайней мере, в массовом восприятии населения. Вот почему россияне настроены достаточно скептически по части своих возможностей реализации жизненной мечты и в целом недовольны обществом, в котором они живут, считая его несправедливым и «неправильным».

Вывод одиннадцатый

Ключевой особенностью «русской мечты» и русского цивилизационного проекта в целом выступает мечта о справедливом и разумно устроенном обществе. Эта мечта имеет личностную, эмоциональную значимость в условиях особой роли макроидентичностей в жизни наших сограждан. Одной из таких идентичностей является для человека идентичность с россиянами, предполагающая отождествление себя со страной и ее народом. Такая идентичность в настоящее время глубоко укоренилась и получила широкое распространение в сознании населения, хотя и находится как бы в «спящем», латентном состоянии.

В то же время, ощущение *личностной связи с Россией постепенно утрачивается*. Это связано и с атомизацией российского общества, нарастанием в нем отчуждения, и со все меньшим соответствием его тем идеалам справедливости, которые характерны для русской культуры и являются консенсусными для всех слоев населения. В подобных условиях «органическая солидарность», ощущение своего неразделимого единства с общностью людей, живущих на территории России и разделяющих нормы и ценности в рамках внутренне единой культуры, начинает замещаться чувством формальной связи с Российской Федерацией, ощущением себя просто гражданином определенного государства.

С одной стороны, это позитивная тенденция, отражающая процессы социально-политической и социокультурной модернизации и формирования в стране гражданской нации. Однако, с другой стороны, надо иметь в виду, что развитие этих позитивных процессов неизбежно ведет к изменению «русской мечты», к «растворению в ней» компонента, относящегося к обществу. Этот компонент из мечты может превратиться в набор инструментальных целей, которые в зависимости от личной ситуации будут в большей или меньшей степени волновать россиян. Приведет развитие этой тенденции и к изменению психологического механизма формирования идентичностей россиян в целом, что, в свою очередь, повлечет за собой массу следствий — от утраты готовности переносить без жестких протестов личные проблемы в ходе новых возможных экономических кризисов до отказа «отдать долг стране» службой в армии.

Отмеченная тенденция вообще очень опасна. В условиях отсутствия альтернативных эмоционально значимых для россиян интеграторов, тенденция разрушения «органической солидарности» может начать работать «на раскол» российского общества. И хотя говорить о таком расколе явно преждевременно, однако уже сейчас есть основания утверждать, что назревающее в стране недовольство внутренне гетерогенно и эта гетерогенность, скорее всего, будет со временем лишь усиливаться.

Исследование зафиксировало несколько групп россиян по разным причинам недовольных сложившимся в обществе положением дел. Одна из таких групп — «противники нынешней власти» — объединяет несогласных с нынешним политическим курсом, как справа, так и слева. Другая группа — «мечтающие о справедливости» в массе своей сторонники левого, преимущественно лево-консервативного вектора развития страны. Общность этих групп заключается не только в их гетерогенности или недовольстве их представителей сложившейся ситуацией. Обе они сконцентрированы в одних и тех же регионах. Причем можно говорить и об их преимущественной концентрации в городах-миллионниках. Все это заметно усиливает протестный потенциал таких групп.

Вместе с тем, по сути своей эти две группы принципиально различны. В то время как «противники нынешней власти» относительно чаще являются носителями маргинальных, нехарактерных для населения страны норм и ценностей, то «мечтающие о справедливости» наиболее концентрировано выражают национальные нормы, ценности и в целом российский менталитет. Первые недовольны сложившейся системой общественных отношений из-за личных проблем и закупорки «социальных лифтов». Вторые — из-за того, что сложившаяся модель социума идет вразрез с ценностями и институтами (включая представления о справедливости и механизмы реализации этих представлений), традиционно характерными для российской культуры.

Таким образом, существование одних является следствием перехода российского общества «в свое иное», под которым подразумевается, не просто рыночная экономика, а качественно иной тип общества с попыткой изменить функции «станового хребта» российского общества — государства. И их недовольство — это недовольство формами, в которых осуществляется этот переход. В то же время другие недовольны самим фактом такого перехода, утратой качественной специфики российского социума и попыткой замены его неким суррогатом из элементов во многом идеализированного «западного пути» развития. Пути, который, с точки зрения большинства наших сограждан, России не подходит — причем чем дальше движется наша страна по этому пути, тем выше доля несогласных с тем, что так называемый «западный путь» может что-то дать России.

Естественно, разные причины и сущность недовольства этих групп может иметь и разные формы его проявления. «Противники нынешней власти» готовы протестовать «на площадях» всеми доступными и даже незаконными способами. В свою очередь, «мечтающие о справедливости», можно сказать, личностно переживают, что привычный им тип социума «разлагается на глазах», мечтают о предотвращении его распада, но понимают, что в нынешних условиях это мало-реально. Они также для канализации собственного недовольства могут выйти на демонстрации, но, скорее всего, не будут делать этого, если возникнет угроза раскола общества, нагнетания в нем напряженности.

Однако в любом случае, обе группы, недовольные сложившейся ситуацией в стране и тем путем, по которому идет Россия, выступают не за западную модель развития общества в целом, хотя позитивно относятся к ряду элементов этой модели. Это позволяет утверждать, что в российском обществе все еще стоит на повестке дня альтернативный западному цивилизационный проект развития, о котором россияне и мечтают. Альтернативность данного проекта заключается не в отсутствии в нем институтов демократии или степени авторитарности государства, а в ином смысле, функциях и соподчиненности демократических институтов, а также в другом наборе функций государства, которое должно их последовательно реализовывать. И главные из этих функций — правильное целеполагание для оптимального стратегического и тактического развития нации, истинная забота о «вверенном ему» населении. Забота, означающая не максимизацию «объема социальных подачек», а создание в России условий для успешной и самостоятельной экономической активности людей — активности, которая будет реализовываться в условиях равенства шансов, равенства всех перед законом и разумной помощи социально слабым группам.

Мечта о таком обществе все еще живет среди россиян, и именно ее воплощению многие из них готовы посвятить свою жизнь как той большой цели, ради которой и стоит жить. Однако сложившиеся и получающие дальнейшее развитие в обществе тенденции, делают дальнейшее существование подобной мечты все более и более проблематичным.

Вывод двенадцатый

Национальную мечту никоим образом не следует рассматривать как некую заданную на все времена социально-психологическую константу. По мере изменения условий жизни одна мечта постепенно замещается другой, подобно тому, как это происходит у конкретных людей с их личными стремлениями и упованиями. При этом обычно наблюдается сложная интерференция идей и идеалов, в ходе которой складываются новые смысловые доминанты и формируются образы будущего, воодушевляющие миллионы людей. В этом отношении «*русская мечта*» выделяется своим динамизмом. *На протяжении последних 100-150 лет она не раз меняла свои контуры и наполнялась новым содержанием, но при всех своих модификациях продолжала существовать как мечта о правде-справедливости.*

Но к началу 1970-х подобная мечтательность оттесняется на задний план новой, альтернативной прежним, коллективной мечтой, связанной с социальным запросом на формирование «общества потребления». Составной частью этой мечты о «потребительском рае», не связанной, в отличие от веры в грядущую победу коммунизма, с идеей социальной справедливости, стала своеобразная идеализация

Запада, стремление сблизиться с ним вплоть до обретения некой единой идентичности. Вместе с тем, по мере массового прозрения стало приходить массовое понимание, что Запад — это не только бытовой комфорт и демократические ценности, но и определенный взгляд на вещи, который в свете российского опыта часто кажется поверхностным и неискренним. Западная идентичность — это еще и некая коллективная мечта, которая в настоящее время существует в двух основных конкурирующих между собой вариантах — *европейском и американском*.

Американская мечта — это мечта об индивидуальном материальном успехе; в конечном счете, она сводится к тому, что любой энергичный и «ответственный» индивид может преуспеть, если будет много работать и проявлять изобретательность, рассчитывая при этом исключительно на самого себя. Если американская мечта выросла на почве культа индивидуализма, то мечта, воплотившаяся ныне в проекте Единой Европы, носит солидаристский характер и основана на специфической модели позитивного взаимодействия человека с другими людьми и природой.

Европейские идеалы для многих россиян весьма привлекательны. Однако и они вряд ли полностью совпадают с устремлениями и надеждами наших сограждан. Прежде всего, отметим, что в России довольно низок потенциал солидарности, которая играет важную роль в реализации европейского исторического проекта. Если идея служения государству и обществу в целом у наших сограждан достаточно популярна, то реальный альтруизм и готовность к личным жертвам, тем более ради отдельных людей только из чувства солидарности, отнюдь не является нормой национального сознания.

Вывод тринадцатый

«Русская мечта» принципиально расходится с установками западной культуры в понимании свободы. И связано это с тем, что свобода — это одна из главных российских ценностей. Свыше 2/3 наших сограждан считают, что свобода — это то, без чего жизнь теряет свой смысл, и только треть соглашается с тем, что свобода второстепенна и ставят выше нее материальное благополучие.

Мечта о свободе, несомненно, воодушевляет россиян: данный социологический факт с небольшими статистическими отклонениями повторяется от исследования к исследованию на протяжении почти двух десятилетий. Однако, как показывают результаты неоднократно проводившихся опросов, быть свободным для человека русской культуры — совсем не то же, что для американца, немца или француза. *Свобода в русском ее понимании* — это не возможность реализации определенных прав (соотнесенных в то же время и с известными обязанностями), а возможность «быть самому себе хозяином». То есть это не что иное, как пресловутая русская «воля», которая может выражать себя в самых разных, но всегда предполагающих энергетическую разрядку, формах. И в этом постоянном поиске точки приложения энергии россияне в чем-то сродни американцам.

В целом, результаты проведенного исследования указывают на то, что в современном массовом сознании российского народа совершенно определенно имеются налицо все те компоненты, из которых «синтезировалась» русская мечта в прошлом. Это идея государства как «общего дела», это приоритет социальных прав над политическими, это сильно выраженное чувство справедливости, это приверженность социальному равенству и, наконец, это понимание свободы как «воли».